

Раннедревне-
болгарский
пласт в ростов-
ской служебной
минее XIII века
(РНБ, Ф. п. I 37)

Early Old
Bulgarian
Layer in the
Office Menaion
of Rostov
Provenance of the
13th c. (RNL, F. p. I 37)

Роман Николаевич Кривко

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Институт славяноведения РАН,
Москва

Roman N. Krivko

Vinogradov Institute for Rus-
sian Language of the Russian
Academy of Sciences,
Institute for Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences,
Moscow

Abstract

The article is dedicated to the linguistic and textual peculiarities of the Festal Menaion *F. p. I 37* preserved in Russian National Library (S.-Petersburg) and dated to the beginning of the 13th c. Numerous linguistic features of the manuscript testify to Old West Bulgarian (Old Macedonian) literary usage of the end of the 9th — beginning of the 10th c., on the basis of which the earliest Slavonic hymnographical translations were performed. Despite of such an archaic linguistic and textual layers observed in the manuscript, its calendar, structure and content were influenced by the monastic rite based on the Typicon of Patriarch Alexius the Studite which had been translated and introduced in Kievan Rus' at the second half of the 11th c. The linguistic features of the text version as attested by *F. p. I 37* have been compared to the manuscripts testifying to the Alexius the Studite text

version. It has been affirmed that adaptation of the Old Bulgarian hymnographic heritage in Kievan Rus' followed the unstable trend to neglect the most remarkable South (and South West) Slavonic linguistic features and aimed at establishing "neutral" over dialectal Church Slavonic literary usage.

The significant part of the article contains the edition of the earliest Slavonic, i. e. Old Bulgarian, translation of the Greek kanon *Τάφῳ παρθενოდόχῳ* dedicated to the Dormition of the Theotokos. The earliest Slavonic translation of this kanon has been preserved in the unique available manuscript, that is *F. p. I 37*. The publication of the Slavonic translation is supplied with the first critical edition of the Greek source performed on the basis of twelve manuscripts, the linguistic commentary of the Slavonic text, and remarks concerning some metric peculiarities of the original Greek version.

Key words

Old Church Slavonic, Old Bulgarian language, history of Slavonic languages, Church Slavonic written sources, Slavonic hymnography, early Slavonic liturgical traditions, literary relations of Medieval Slavs, translation technique, Byzantine hymnography

1. Вступительные замечания: проблема текстологической однородности древнерусского студийско-алексиевского гимнографического корпуса

В середине одиннадцатого века в Древней Руси произошла литургическая реформа, в ходе которой древнерусское богослужение, основанное на выполненных в Первом Болгарском царстве переводах и, в меньшей степени, оригинальных текстах, было перестроено в соответствии с требованиями Устава патриарха Алексия Студита (1025–1043), сохранившегося только в славянской традиции благодаря выполненному на Руси переводу.¹ Появившиеся в Первом Болгарском царстве богослужебные книги, в частности, Триоди и служебные минеи, были заново сверены на Руси с греческими оригиналами [Момина 1992; Пентковский 2001: 158].²

¹ Основное исследование и публикация: [Пентковский 2001].

² См. наиболее точное, на наш взгляд, и взвешенное описание этого процесса: "<В> данном случае речь идет не о совершенно новых переводах, а об особом рода книжной справе, в которой использовались уже существовавшие славянские переводы богослужебных книг, выполненные в X веке в юго-западной части I Болгарского царства. При создании новой редакции какой-либо богослужебной книги в новый текст включались переведенные ранее тексты, либо с правкой по греческому тексту, если в последнем имелись разночтения по отношению к имевшемуся переводу, или же без правки, если эти разночтения отсутствовали. Полностью переводились только те тексты, которые отсутствовали в имевшихся богослужебных книгах" [Пентковский 2001: 158]. Такие тексты, однако, до сих пор не выявлены ни литургистами, ни филологами, за исключением службы свв.

По сообщению Повести временных лет, от Успенского Киево-Печерского монастыря Устав патриарха Алексия Студита “*перяша вси манастырѣве*” (1051 г.) [Лавр.лет. 160],³ однако истинные масштабы студийско-алексиевской реформы остаются неясными. В частности, плохо понятно, в какой мере осуществлялось языковое редактирование древнеболгарских текстов и какие разночтения и переводы впервые появились на древнерусской почве. Нужно, однако, признать, что в силу отсутствия сведений о лексических русизмах в богослужебных рукописях решение последней задачи с применением хорошо известного “лексического критерия” представляется на сегодняшний день невозможным, и для этого используются другие сравнительные методы.⁴

Обращает на себя внимание скорость распространения древнерусской “студийско-алексиевской” реформы.⁵ Источники не сообщают нам ничего о её поддержке со стороны княжеских властей, в связи с чем обратим ещё раз внимание на характерное упоминание именно *монастырей* в соответствующей погодной записи (1051 г.) *Повести временных лет* [Лавр.лет. 160]. Не позднее середины семидесятых годов одиннадцатого века Студийско-алексиевский устав был переведён в Киево-Печерском монастыре [Пентковский 2001: 164-165], а уже в 1095-1097 годах в Новгороде были написаны древнейшие служебные минеи (сентябрь, октябрь, ноябрь), отредактированные согласно этому Уставу [Сергий I: 208] и иногда называемые по имени основателя славянской “минейной филологии” “Ягичевыми Минейми” [изд.: Ягичь 1886]. От рубежа XI-XII веков сохранилось ещё два написанных в Новгороде комплекта служебных миней студийско-алексиевской редакции, литургическая принадлежность которых была установлена ещё архиеп. Сергием (Спасским) на основе преимущественно календарных данных [Сергий I: 208-209].

О том, что эти данные были изучены и поняты недостаточно, свидетельствуют следующие факты.

В Студийско-Алексиевском уставе память мч. Мины положена одиннадцатого ноября [Пентковский 2001: 293], тогда как в “ягичевой минее” (1097 г.) этот праздник отмечается десятого ноября [Ягичь

Борису и Глебу, древнерусское происхождение которой не требует доказательств.

³ Две разных версии того, как был введён Устав, сохранились в Житии прп. Феодосия Печерского и в Повести временных лет, см. их сравнение в: [Пентковский 2001: 155-164].

⁴ См., напр., статью [Кривко 2011a]; там же более подробное изложение проблемы.

⁵ Устав патриарха Алексия Студита — один из многочисленных “студийских” уставов, точнее, уставов студийской группы [Пентковский 2001], в связи с чем называть древнерусскую редакцию богослужебных книг родовым определением “студийский” некорректно.

1886: 334],⁶ в согласии с другими древнерусскими минеями XI–XII вв. [СЕРГИЙ II: 351] и в противоречие Уставу. Судя по материалам архиеп. Сергия (Спасского) и Я. Кулича,⁷ Студийско-Алексиевский устав следует магистральной исторической линии византийских календарей, тогда как древнерусские минеи имеют в этом отношении уникальную параллель лишь в одной, гроттаферратской, рукописи семнадцатого века (!) *Crypt. gr. Δ α XXXIII* [Кулич 1992: 38-39; СЕРГИЙ II: 351]. Перемещение празднования памяти мч. Мины с одиннадцатого на десятое ноября объяснимо: так составители миней пытались “освободить” празднование памяти прп. Феодора Студита (11 ноября) от менее значимых для студийской традиции дат. Не столь очевидным является региональный характер такой перестановки, противоречащей переведённому на Руси Студийско-Алексиевскому уставу. Допустимо полагать, что древнерусские служебные минеи воспроизводят здесь более раннюю, редкую и утраченную древнеболгарскую традицию служебных миней, не сохранившуюся на славянском юге,⁸ либо отражают особенности также несохранившихся византийских оригиналов древнерусской редакции, не во всём соответствовавших студийско-алексиевской практике. Возможно, однако, что мы здесь имеем дело не вообще с древнерусской, а с узкорегиональной традицией, соблюдавшейся в некоторых монастырях древнего Новгорода (все студийско-алексиевские минеи, о которых здесь идёт речь, новгородского происхождения).

Несмотря на возможные расхождения с календарём Студийско-Алексиевского устава, едва ли во всём правильным является видение Д. Штерна [2004: 76], согласно которому в Древней Руси “составители Миней не ориентировались на церковные уставы, но составили славянские минейные рукописи по тем греческим рукописям, которые попали им под руку. <...> Между прочим, составить минейные собрания при помощи устава было бы невозможным предприятием, потому что в славянских уставах не содержалось подробных указаний”. Последним доводом можно пренебречь: в древних уставах, и не только славянских, действительно не указываются памяти на каждый день месяца, однако это значит, что празднования в эти дни не были важны для данной литургической традиции и поэтому могли допускать варьирование как в конкретных датах, так и в составе служб. Единственно важными

⁶ Благодарю за это замечание Искру Христову-Шомову.

⁷ Я. Кулич составил сводный календарь нескольких десятков греческих служебных миней десятого — девятнадцатого веков, не зная или по каким-то другим причинам не используя труд архиеп. Сергия, который не упомянут в библиографии к справочнику [Кулич 1992: V-XII].

⁸ Ср. данные южнославянских месяцеловов относительно инетересующих нас здесь дат: [ДОГРАМАДЖИЕВА 2010: 99-100].

для историко-литургической классификации миней на основе её календаря являются только те даты, которые упомянуты в уставах и тем самым оказываются значимыми для данной традиции и одновременно характеризуют эту и только эту традицию. Так, например, не играет роли для историко-литургической классификации источника празднование Преображения Господня шестого августа, поскольку оно отмечается в этот день согласно уставам разных традиций и не является средством локализации месяцеслова миней, Евангелия или Апостола внутри византийского литургического ареала. Для установления связи литургического источника с той или иной частной, “диалектной”, богослужбной традицией важны только те даты, которые представляют собой отступление от общей, “наддиалектной”, литургической нормы и являются исключительной особенностью этой традиции. Сравнение древнерусских миней с уставом патриарха Алексия Студита доказывает, что те же самые комплекты служебных миней, в которых отмечается отступление от календарных указаний этого устава, на материале других месяцев содержат бесспорные свидетельства его влияния. Отсутствие таких свидетельств в каждом из двенадцати месяцев не является доказательством того, что древнерусский комплект служебных миней на каком-либо фрагменте годового цикла составлялся без учёта требований Студийско-Алексиевского устава: специфических “студийско-алексиевских” дат в большинстве месяцев может просто не быть.

На сознательную редакторскую правку древнерусских служебных миней по Студийско-Алексиевскому уставу указывает то, что “в августовской нотированной служебной минее XII века, входящей в комплект новгородских миней, среди стихир на 14 августа (предпразднство Успения) находятся три стихирь обновлению храма. Эти же самые стихирь обновлению находятся под 14 августа и в нотированном минейном стихираре XII века. Стихирь обновлению храма относятся к празднованию обновления Успенского храма в константинопольском монастыре патриарха Алексия, что подтверждают соответствующие рубрики, находящиеся в САУ под 14 августа. О зависимости рассматриваемой редакции древнерусских миней от комплекса богослужбных книг из монастыря патриарха Алексия Студита <...> свидетельствует и последование 7 декабря из декабрьской нотированной служебной минее XII века, входящей в состав уже упомянутого новгородского комплекта миней, которое представляет собой соединение попризднства святителю Николаю Мирликийскому со службой святителю Амвросию Медиоланскому. <Именно — Р. К.> в монастыре патриарха Алексия Студита соединялись служба попризднству святителя Николая Мирликийского со службой святителю Амвросию Медиоланскому” [Пентковский

2001: 160]. Со студийской традицией связано также предпразднство Усекновения главы Иоанна Предтечи 28 августа, совмещённое с памятью прп. Моисея Мюрина (*Ta*, л. 96-103), поскольку главный храм Студийского монастыря был посвящён Иоанну Предтече. Такое положение было вовсе не типичным: песнопения предпразднства Усекновения главы отсутствуют в *Ca*, а в *Ta*, единственной рукописи, в которой эти песнопения есть, предпразднство всё же не указано в заглавии службы. (Заметим, что это является ещё одним свидетельством влияния иной, неустановленной, традиции на древнерусский студийско-алексиевский гимнографический корпус.) Византийские служебные минеи на август, содержащие 28 августа предпразднство Усекновения главы Иоанна Предтечи, неизвестны.⁹ Наконец, празднование памяти Семи отроков Эфесских седьмого августа, предписываемое в этот день Студийско-Алексиевским уставом [Пентковский 2001: 359], является характерной особенностью именно этого Устава и составленных на его основе *Ca* и *Ta*, тогда как во всех многочисленных византийских служебных минеях, доступных автору этой статьи, память Семи отроков Эфесским помещена либо на четвёртое, либо на второе августа [Кривко 2008: 82].

Всё это, в целом, соответствует месяцесловам древних славянских евангелий, в которых редкое студийско-алексиевское предпразднство Усекновения главы Иоанна Предтечи отсутствует,¹⁰ а такая же “локальная” память Отроков Эфесских седьмого августа засвидетельствована только месяцесловом древнерусского (галицко-волынского) Добрилова евангелия 1164 г.¹¹ Ср.: “Успение семи отроков в Эфесе (1-я пол. V). Празднуется 7 августа по Студийскому уставу, 2 — по УВЦ <Уставу Великой Церкви. — Р. К.>, 4 августа — по Иерусалимскому” [Лосева 2001: 402]. Судя по исключительности празднования памяти Отроков Эфесских 7 августа, которое из всего изобилия византийских и славянских миней и месяцесловов засвидетельствовано только двумя древнерусскими служебными минеями студийско-алексиевской редакции и одним, тоже древнерусским, евангелием, а также самим Студийско-Алексиевским уставом, эта дата является не “общестудийской”, а студийско-алексиевской, что объясняет её региональный восточнославянский характер: константинопольская студийско-алексиевская традиция засвидетельствована только древнерусскими источниками.

⁹ [Кулиш 1992: 204; Кривко 2008: 86]. Источниковые базы обоих исследований дополняют друг друга.

¹⁰ [Лосева 2001: 417; Дограмаджиева 2010: 313]. См. красноречивое молчание источников, известных архиеп. Сергию [II: 263].

¹¹ [Лосева 2001: 402; Дограмаджиева 2010: 308]. Архиеп. Сергий [II: 239] в своём сводном Месяцеслове указывает в этой связи только *Ca* и *Ta* и сам Студийско-Алексиевский устав.

В сопоставлении студийско-алексиевского гимнографического корпуса со Студийско-Алексиевским уставом необходимо также принимать во внимание сложность текстологической традиции этого устава, в рамках которой насчитывается девять редакций, что приблизительно равно количеству рукописей, содержащих Устав [Пентковский 2001: 181-195].

Наконец, для оценки неоднородности древнерусского гимнографического корпуса особое значение имеют ранние следы палестинских календарных традиций, появление которых предшествует эпохе распространения Иерусалимского устава на христианском Востоке. В многочисленных современных исследованиях по славянской гимнографии осталась незамеченной статья [ШТЕРН 2004], в которой выявлены календарные особенности иерусалимского, точнее, “новосавваитского” (термин Р. Тафта), типа в древнерусской служебной минее на май двенадцатого века из собрания РНБ, *Соф. 199*: “<И>ерусалимский характер Софийской минеи проявляется скорее опосредованным образом, а именно, отсутствием явных студийских черт. <...> Но есть и прямое доказательство иерусалимского влияния на софийскую минею, а именно, память св. Артемона 13-го апреля, которая празднуется в этот день по Иерусалимскому уставу <...>, и память св. Симеона, еп. Персидского, 17 апреля, которая празднуется в этот день тоже исключительно по Иерусалимскому уставу¹² <...>. Отзвук студийской традиции в софийской минее представляет только <...> празднование памяти св. Аристарха, Пуда и Трофима на 14-ое апреля. <...> <Б>росается в глаза одна особенность синодальной рукописи,¹³ а именно наличие <памяти> святого Георгия Малейского: во-первых, на 4-ое апреля по иерусалимской традиции, и, во-вторых, на 15-ое по студийской традиции. Значит, синодальная рукопись является смешанной студийской минеей с иерусалимским элементом” [ШТЕРН 2004: 76; ссылки на: ЛОСЕВА 2001: 316, 319]. Автор приходит к заключению, что “апрельская софийская минея является единственным свидетельством раннего иерусалимского влияния на Руси” [ШТЕРН 2004: 79] и справедливо задаётся вопросом, “как может это сочетаться с общепринятым представлением о том, что иерусалимская традиция была принята у славян только в XIV в. <...>?” [ШТЕРН 2004: 77]. Необходимо, однако, задать и следующий вопрос: как это

¹² Здесь исследователь ошибся: празднование памяти свт. Симеона, еп. Персидского, семнадцатого апреля предписывается также Евергетидским уставом второй половины одиннадцатого века, сохранившимся в рукописи двенадцатого столетия [см.: ДМИТРИЕВСКИЙ I: 448]. Евергетидский устав, созданный для одного из константинопольских монастырей, отражает влияние палестинских традиций на студийские [ТАФТ 1988: 190].

¹³ Имеется в виду рукопись конца двенадцатого века ГИМ, *Син. 165*.

соотносится с нашими знаниями о распространении новосавваитского богослужения вообще в византийском обряде?

Влияние иерусалимских богослужебных обычаев в Константинополе прослеживается с середины одиннадцатого века. В это время был создан Евергетидский устав, который принадлежал к уставам студийской группы, имел свои непосредственные корни в Малой Азии [Пентковский 2004] и при этом включал элементы палестинской литургической практики [Тафт 1988: 190]. Показательно, что одна из памятней, которую Д. Штерн ошибочно считает “исключительно Иерусалимской”, имеет соответствие именно в Евергетидском уставе.¹⁴ Источник проникновения “иерусалимских” памятней в славянские служебные минеи остаётся неясным: как полагает Д. Штерн [2004: 77], “славянские переводы литургических книг <...> подвергались проверке и пополнению с помощью <...> доступных греческих рукописей”, и далее [там же] утверждается как некий доказанный “факт, что славянские книги не только переводились, но и переписывались в византийской среде, т.е. на Афоне или в Царьграде”. Даже если это так и мы бы знали об этом достоверно по отношению к обсуждаемой здесь древнейшей эпохе, нельзя забывать, что Иерусалимский устав занял господствующее положение в Никейской империи только к середине тринадцатого века, а на Афоне он был принят лишь во второй половине того же столетия [Пентковский 2004: 158 (литература)]. Очевидно, “иерусалимские” праздники новгородской служебной минеи на апрель *Соф. 199* являются либо свидетелем утраченного звена византийской традиции, свидетельствующего о проникновении палестинских обычаев в Малую Азию и, возможно, Константинополь в двенадцатом столетии, либо отражают какие-то прямые контакты Древней Руси и Палестины, например, через паломников или славянскую общину на Синае.

За год до выхода в свет работы Д. Штерна [2004] была опубликована не учтённая им статья О. В. Лосевой [2003], в которой также затрагивается проблема ранних русско-палестинских литургических контактов, однако на материале месяцесловов древнерусских Евангелий и Апостолов. Если Д. Штерн [2004] установил влияние на календарь древнерусских миней двенадцатого века палестинской монастырской традиции, связанной с богослужением Лавры св. Саввы, то О. В. Лосева [2003] выявила в календаре *Остромирова евангелия* (1057 г.), *Мстиславова апракоса* (до 1117 г.) и некоторых других восточнославянских рукописях уникальные праздники, отражающие практику Святогробского Типикона, использовавшегося в иерусалимском храме Воскресения Господня. За исключением единственного греческого фрагмента палестинского

¹⁴ См. примеч. 12.

происхождения, эта богослужбная традиция полнее всего сохранилась в древнегрузинских и армянских источниках, что придаёт особое значение древнерусским, точнее, древненовгородским данным¹⁵ для изучения богослужбных традиций христианского Востока. Пути их заимствования на восточнославянский северо-запад остаются неизвестными.

Культурный и географический диапазон возможных источников раннего заимствования палестинских памятней в календарную традицию Древней Руси настораживает, давая понять, насколько сложным и неоднородным может оказаться при внимательном рассмотрении восточнославянский литургический ландшафт. Обратим в связи с этим внимание и на то, что, кроме так называемых “ягичевых миней” и миней “типографского” и “синодального” комплектов, другие свидетели древнерусской студийско-алексиевской редакции служебных миней *par excellence* достоверно не описаны, да и эти рукописи не являются абсолютно точным воспроизведением его требований, а основополагающая статья М. А. Моминой [1992], — при всей репрезентативности рукописного материала, убедительности и доказательности главных выводов, — основана, помимо календарных и структурных данных, на единичных примерах текстового совпадения между минеями и триодями, с одной стороны, и певческими сборниками Ирмологием, Стихирарем и Кондакарём, с другой.¹⁶ Единичность примеров в статье М. А. Моминой [1992] обусловлена исключительно рамками жанра, а не количеством реально имеющихся параллелей и не объёмом изученного автором материала, однако это не избавляет нас от необходимости более сложных сопоставлений на основе более активного лингвистического анализа. Впрочем, судя по критическому аппарату к изданиям синодального студийско-алексиевского комплекта служебных миней конца двенадцатого века [МА I-III; MD I-IV; MF I-III], который учитывает древнерусские рукописи не младше тринадцатого столетия, текстологическое

¹⁵ См. литературу в статье О. В. Лосевой [2003: 135], согласно которой к святогробским праздникам в раннедревнерусской традиции относятся освящение храма Богородицы в Гефсиманском саду 22 октября, память вмч. Пантелеимона 31 октября (а не 27 июля), память свт. Григория Нисского 8 января, память свт. Александра Александрийского 18 января, память сщмч. Поликарпа Смирнского 26 января, память Положения главы Иоанна Предтечи 27 октября, а также Воскрешение праведного Лазаря 17 марта. Из всех этих праздников только Воскрешение праведного Лазаря известно в нескольких южнославянских евангелиях двенадцатого — четырнадцатого веков, хранящихся в библиотеке Зографского монастыря [Дограмаджиева 2010: 152].

¹⁶ М. А. Момина [1992] исходит из общепринятого факта, что певческие сборники Стихирарь, Ирмологий и Кондакарь были созданы на Руси, хотя и при использовании древнеболгарских переводов; следовательно, текстологические параллели между этими сборниками и минеями свидетельствуют о древнерусском происхождении тех миней, которые содержат общие тексты со стихирарями, ирмологиями и кондакарями.

и языковое единство восточнославянского гимнографического корпуса было довольно высоким: подавляющую массу критического аппарата составляют графико-орфографические, фонетические и текстологически малозначимые паронимические разночтения.

Предполагается, вслед за В. Ягичем, что отличительным признаком древнерусских студийско-алексиевских служебных миней являются жанровое расположение гимнов, при котором малые жанры (отпустительный тропарь, седальны, кондак с икосом и стихирь) предшествуют канону,¹⁷ а также календарные особенности, впервые описанные архиеп. Сергием Спасским [СЕРГИЙ I: 208-211] на обширном, но всё же, как мы увидели выше, ограниченном материале. Отсюда вывод: “Въ XII-XIII вѣкахъ и первой половинѣ XIV вѣка въ Россіи были употребляемы минеи единственно студійскія” [СЕРГИЙ I: 209], то есть, ещё раз уточним, — студийско-алексиевские.

Представления архиеп. Сергия о высокой содержательной и календарной однородности древнерусского гимнографического корпуса связаны в значительной степени с отсутствием общепринятой историко-типологической классификации византийских служебных миней, которая должна стать необходимой базой для соответствующих построений на славянской почве. Византийская типология неизбежно осложняется на славянском материале языковыми и текстологическими особенностями, связанными с различными способами перевода и редактирования одних и тех же греческих текстов уже внутри славянской традиции. Особую проблему представляет атрибуция греческих оригиналов, которые также влияют на место определённой рукописи в рамках славянской традиции (см. об этом далее).

Известно не так много древнерусских гимнографических памятников, которые выглядят исключением на кажущемся однородным “студийско-алексиевском” фоне. К ним прежде всего относятся *Путьянина Минея* одиннадцатого века [Мурьянов 1998-2000; Щеголева 2001; Баранов, Марков 2003] и *Ильина книга* XI-XII вв. [Крысько 2005; Верещагин 2006], которые представляют стадии развития славянской гимнографии, предшествующие введению на Руси Студийско-Алексиевского устава. Эти рукописи являются важнейшими свидетелями древнеболгарской гимнографии конца девятого — десятого веков.¹⁸

¹⁷ Ягичъ 1886: LXVII-LXVIII; Мурьянов 1981; Верещагин 2001: 259], ср. “традиционное деление миней на иерусалимские и студийские” [Нечунаева 2000: 31]; но см. затем предостережение В. Томеллери [2007: 116]: “Такая классификация состава не соответствует сложной исторической действительности”.

¹⁸ Поскольку статья посвящена древнерусскому гимнографическому корпусу и его архаическим пластам, мы не рассматриваем здесь южнославянские источники,

С *Путьиной Минеей* сопоставима *Триодь Моисея Киянина* двенадцатого века (РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 137) [продолжающееся издание: Момина, Трунте I, II], также отражающая “достудийско-алексиевский” этап истории славянской гимнографии. Заметный архаический пласт содержится в так называемом “Кодексе Ганкенштейна” тринадцатого века (ÖNB, cod. Vind. slav. 37), который содержит наиболее исправный текст общих служб Климента Охридского.¹⁹ Значительное количество оригинальных древнеболгарских гимнографических сочинений выявлено в древнерусских праздничных минеях и в меньшей степени — в повседневных,²⁰ однако остаётся неясным, как соотносится с наличием в рукописи редких оригинальных гимнов переводной материал, в частности, какие имеются в рукописях разночтения со студийско-алексиевскими новгородскими комплектами и какие в связи с этим наблюдаются языковые явления. Ответы на эти вопросы позволили бы выявить древние, не отредактированные древнеболгарские переводы или их фрагменты в восточнославянских рукописях и тем самым получить более ясное представление о масштабах редактирования древнеболгарского гимнографического наследия в процессе студийско-алексиевской реформы. Надёжное решение данной проблемы возможно только при сплошной каталогизации и атрибуции греческих оригиналов древнерусских гимнографических сборников и при сопоставлении имеющихся в рукописи песнопений с полным текстом самого Студийско-Алексиевского устава. Объём материала и трудоёмкость исследований не позволяет надеяться на скорое осуществление подобного проекта, поэтому ограничимся в рамках данной статьи ещё одним примером архаического свидетельства в древнерусской традиции.

2. Языковые особенности праздничной минеи особого состава F. п. I 37

2а. Предварительные замечания

Рукопись *F. п. I 37* представляет собой минею праздничную особого состава первой трети тринадцатого века. “Почерк рукописи идентичен почерку 3-го писца (л. 68а–124г) Апостола 1220 г., написанного в Ростове” [Каталог 2002: 622, № д35]. В числе некоторых других рукописей *Минея* принадлежит к продукции ростовского владычного скриптория тринадцатого века [Турилов 2009: 239]. Эта рукопись (*F. п. I 37*),

которые являются свидетелями более ранних традиций, чем восточнославянские.

¹⁹ Новейшее издание общих служб: [Камер 2010 (литература)].

²⁰ Основные работы: [Йовчева 2002; Турилов 2006].

“по-видимому, была создана в дополнение к праздничной минее (тут только предпразднства великих праздников, а самих праздников нет)” [КАТАЛОГ 2002: 622]. Данная минея не отражена в обширном критическом аппарате к изданию *Ильиной книги* [Крысько 2005], поскольку обе рукописи попросту не содержат общих текстов. По другим, неизвестным, причинам *F. n. I 37* не нашла отражения в критических изданиях синодального комплекта [МА I-III; MD I-IV; MF I-III], из-за чего она фактически выпала из кругозора исследователей переводной славянской гимнографии. Это особенно досадно потому, что “Минея *F. n. I 37* (в сущности, представляющая собой сборник дополнений к Минее праздничной в собственном смысле этого слова <...>) являет собой редчайший (без преувеличения, уникальный) пример древнего (до конца XIV в.) гимнографического сборника этого типа, не связанный происхождением с Новгородом или Псковом” [Турилов 2009: 239].

Единственной работой о переводной славянской гимнографии, в которой использованы данные *F. n. I 37*, является обстоятельная статья М. Йовчевой [2006: 96–98], посвящённая службе свт. Афанасию в славянской традиции. Автор убедительно доказала, что версия этой службы, содержащаяся в рукописях *F. n. I 37* и *РНБ, Соф. 203*, представляет “изолированную”, в терминологии автора, традицию, отличающуюся как от архаичной древнеболгарской, представленной среднеболгарскими рукописями, так и от древнерусской студийско-алексиевской.

Поскольку рукопись *F. n. I 37* включает в себя службы значимым событиям церковного года, праздники, в ней содержащиеся, восходят к глубокой древности, и поэтому их даты в славянской средневековой традиции, в целом, устойчивы и не могут повлиять на историко-типологическую классификации рукописи.²¹ Обратим внимание лишь на память ап. Варфоломея 24-го августа, что соответствует Студийско-Алексиевскому уставу [Пентковский 2001: 365] и двум новгородским служебным минеям (*Ca*, *Ta*), отредактированными по этому уставу — в большинстве византийских служебных миней, доступных автору этих строк, эта память празднуется 25-го августа [Кривко 2008: 85]. Кроме того, обращает на себя внимание, что календарный цикл в *F. n. I 37* начинается с января, а не с сентября, в соответствии с началом церковного года, и заканчивается, соответственно, декабрём, а не августом.

²¹ В связи с календарными особенностями рассматриваемой минеи обратим внимание, что в день 9 августа празднуется память апостола не Матфея, как указано в каталоге [КАТАЛОГ 2002: 622], а Матфия из числа семидесяти (см. Деян. 1:23–26). Неточность вызвана написанием самой рукописи, где на месте имени ап. Матфия читается только *Мѣтѣн* или *Мѣтѣн* (в соответствующих грамматических формах) (*F. n. I 37*, лл. 136об., 137, 137об., 139, 139об., 140об., 141).

Кроме календарных данных, место *F. n. I 37* в русле славянской традиции определяется на основе жанрового состава и расположения песнопений: “Порядок песнопений в службе: седальны, кондаки, стихиры, каноны (два канона пишутся отдельно). <...> М. А. Момина считает, что этот тип минеи аналогичен древнему типу Триоди («Гимовский тип»²² по ее классификации, см. *Момина 1983*. С. 31, 36); он содержит особую редакцию текста” [Каталог 2002: 623], что соответствует, в свою очередь, составу и расположению песнопений студийско-алексиевской редакции служебных миней. Вторых песней в рукописи нет, в согласии с византийской практикой тринадцатого столетия. Что касается содержания песнопений, то здесь обращает на себя внимание “канон Евфимию Великому Клименту Охридского, без нач., с акростихом в 3, 4 и 9-й песнях: «...ПОУСТИН... КЛИМ»” [Каталог 2002: 622]. Возникает вопрос, имеются ли в языке перевода и в содержании других последований архаизмы, соотносимые с тем же древнеболгарским периодом, к которому относится канон прп. Евфимию Великому свт. Климента Охридского. Положительный ответ будет означать, что в рамках славянской традиции древние по происхождению тексты (оригинальные сочинения, переводы или их редакции) могли использоваться согласно более новым литургическим правилам, а древнерусская литургическая реформа не означает с необходимостью языковую и текстологическую правку.

26. Лексические особенности минеи *F. n. I 37*

Обращающих на себя внимание орфографических и морфологических особенностей в рукописи нет (исключения описаны далее), в этом отношении памятник следует позднедревнерусскому церковнославянскому языковому узусу. Прежде всего обращает на себя внимание лексика памятника.

26-1. Слова, не отмеченные в лексикографии

На первых тридцати листах минеи замечены несколько слов, отсутствующие в славянских исторических словарях. Далее при цитировании рукописи *F. n. I 37* указывается только лист; отсутствие шифра или сиглы при цитате означает, что пример заимствован из *F. n. I 37*.

Великодарьць, м. *Тот, кто даёт великие дары.* Къ велі/комуу предътечи своемуу · о/великодарьче ги · градеши (ᾠ μεγαλόδορε MR III 68) 29об.

Мюроносьтьскыи, прил. *Передача греч. несогласованного определения, выраженного субстантивированным прилагательным двух окончаний*

²² Этот тип сформировался в процессе обсуждаемой в данной статье студийско-алексиевской реформы и поэтому может быть назван также “студийско-алексиевским”.

26-2. Характерные словообразовательные модели

Перечисленные выше “новые”, то есть хорошо забытые, слова представляют собой структурные кальки с греческого и дуративы с суффиксом *-ова-* (*-ева-*), что типично для славянской гимнографии [Пичхадзе 2008: 164 (литература); Пичхадзе 2009: 304-305; Йовчева 2009]. Относительно малое количество неизвестных лексикографии слов в *F. n. I 37*, нарушающее тенденцию “одна лексема на лист”,²⁷ связано, очевидно, с тем, что эта рукопись, как теперь становится ясным, использовалась А.Х. Востоковым в качестве источника его словаря [Востоковъ I-II]. Об этом свидетельствует, в частности, словарная статья *съпъ*, в которой цитируется рукопись *F. n. I 37* [Востоковъ II: 212]. Цитата и толкование “насыпь, холм” без изменений воспроизведены со ссылкой на А.Х. Востокова в словарях Ф. Миклошича [Miklosich 1862-1865: 950], И.И. Срезневского [III: 810] и, с ошибочными “уточнениями”, в СЛРЯ XI–XVII вв. [26: 154 (слово растолковано в составе мнимого устойчивого сочетания “сопъ каменный — *гора, утес*”): *Ѡако степень и лѣствица · на вѣ/сходъ нѣсьнъ · каменныи со/пъ славъне · ти быша 125об. (о побиении камнями првмч. Стефана; см. Деян. 7:57-59). У этой стихирѣ имеется разночтение в студийско-алексѣевской минее: Ѡако степень и лѣствица · на вѣсходъ небесъ/ныи · каменнѣ сыпаннѣ славъне ти бы/ша Са 10об. (αὶ τῶν λίθων νιφάδες σοὶ γεγόνασιν MR VI 296). Слово *съпъ*, таким образом, обозначает здесь не ‘насыпь’, а ‘сыпание, засыпание’.*

Отсутствие координации между подлежащим *сопъ* или *сыпаннѣ*, в соответствии с которым ожидалось бы **бысть*, и сказуемым *быша* вызвано передачей греч. им.п. мн.ч. *νιφάδες* ‘снегопад’ формой ед.ч., причём метафора *каменный снегопад* была устранена из перевода и заменена невыразительным *засыпание камнями* или *сыпание камней*. Причина замены безафиксного отглагольного деривата со значением *poten actionis* неочевидна: слово *сопъ*, обозначающее разные насыпи (‘насыпной холм, курган; могила; земляная плотина’), засвидетельствовано и в восточнославянских летописях, и в современных русских диалектах [СЛРЯ 11-17 вв. 26: 154; Даль IV: 396; СРНГ 39: 327], а значит, было хорошо понятно древнерусским книжникам. Возможно, однако, что как раз в распространённости слова *съпъ* (→ *сопъ*) в не книжной речи и состоит причина замены *съпъ* на *сыпаннѣ*, которая была подсказана А. Вайаном: “Особый способ словопроизводства представляет образование от глаголов имен существительных мужского рода

²⁷ Ср. словоуказатель к лингвистическому изданию Ильиной книги, в котором подчеркнуты отсутствующие в словарях лексемы [Крысько 2005]; ср. затем статью, написанную на материале древнейших славянских августовских служебных миней, *Са* и *Та*: [Кривко 2005].

на -ъ или женского рода на -а, которые получают глагольную основу без какого-нибудь расширения ее с помощью суффиксов <...> Эти образования были весьма живыми в народном языке и в изобилии засвидетельствованы старославянским языком. Однако письменный язык предпочитает им более книжные суффиксальные образования” [Вайан 1952: 228]. Едва ли случайно, что у слова *сопъ* на восточнославянской почве зафиксировано абстрактное значение имени действия, а конкретное, обозначающее результат этого действия. Замена безаффиксного деривата *сопъ* (от *супи*) на суффиксальный *сыпание* (от *сыпати*) отражает, вероятно, попытку распределения обеих моделей в истории языкового узуса: за безаффиксной в данном случае сохраняется конкретное значение, за суффиксальной — абстрактное.

Частотность безаффиксных *nomina actionis* именно в древней славянской гимнографии была отмечена А. А. Пичхадзе [2009: 301] среди языковых признаков этой группы текстов. Направление замены *сопъ* → *сыпание* свидетельствует, что распространённость безаффиксной модели при образовании имени или результата действия в восточнославянских служебных минеях отражает более ранний, древнеболгарский языковой пласт, сохранившийся на восточнославянской почве. Наш пример отражает общую тенденцию замены в древнерусской традиции безаффиксных отглагольных дериватов на суффиксальные.²⁸

В связи с заменой более архаичной для книжного языка формы *сопъ* (*съпъ*) на *сыпание* вызывают интерес и некоторые другие разночтения рукописи *F. n. I 37* со студийско-алексиевскими рукописями *Са* и *Та*. Приведём ещё несколько примеров из службы првмч. Стефану.

Известно, насколько продуктивна в гимнографических текстах книжная глагольная словообразовательная модель при образовании дуративных глаголов на *-ова-/-ева-*.²⁹ Как следует из сравнения студийско-алексиевских миней с архаичной *Ильиной книгой*, в восточнославянской традиции просматривается тенденция заменять эти лексемы на более употребительные однокоренные глаголы с производящей основой без суффиксов *-ова-/-ева-*, независимо от их видовых характеристик и способа глагольного действия [Йовчева 2009: 220-224].³⁰ Дополнительным свидетелем этого явления является также рассматриваемая рукопись *F. n. I 37*. В каноне првмч. Стефану содержатся три дуратива на *-ова-/-ева-*, которым в студийско-

²⁸ См. об этом: [Пичхадзе 2009: 301]; там же примеры из других памятников помимо гимнографии.

²⁹ Основная работа: [Йовчева 2009 (литература)]; см. также: [Пичхадзе 2008: 164 (литература); Пичхадзе 2009: 304-305]

³⁰ Известны и обратные примеры, однако их в несколько раз меньше (см. числовые данные: [Йовчева 2009: 220-221]).

алексиевской минее *Ca* соответствуют формы, образованные по более продуктивным моделям: *прѣвъзгрѣ/мова* 128об. (ср. реликт того же архаического чтения в этом же тексте согласно версии древнесербской служебной минее: *прѣвъзгрѣмѣвь Д32 63*) — *прѣвъзгрѣмѣва* (так!) *Ca* 13об. (*κατεβρόντησε* MR VI 299);³¹ *вѣнчѣва/са* 130об. (*σπῆνισε* Д32 64) — *вѣнчѣва* *Ca* 15 (*στέφανωθεῖς* прич. аор. страд. м.р. ед.ч. им.п. *Cl* 18об.); *омрачѣва/ноу* 139 — *омрачѣноу Та* 14об. (в *Ca* то же, в Д32 этого чтения нет) (*τὴν ἐσκοτισμένην* MR VI 366).

26-3. Заимствования **стадии** и **ликъ**.

Ещё одной текстологической приметой *F. n. I 37* является употребление лексических гречизмов в соответствии со славянскими лексемами в студийско-алексиевской редакции. Один пример наблюдается в службѣ првмч. Стефану.

Стадий ѿцьмъ зчало вѣтъ. и // *привѣршиѣ моуѣньнаго пѣ/лка* 126-126об., то же в Д32, 61об.

На *соудници текочинимъ* начатъкъ вѣвъ и старѣшиньство · моуѣничьскаго пѣ/лка *Ca* 11об.

Σταδιοδρομῶν ἀπαρχὴ γεγόμενος [MR VI 297].

Чтение *стадии ѿцьмъ* в соответствии с греческим *σταδιοδρομῶν* ‘букв.: тот, кто бежит по стадиону’ [LSJ 1631]³² объясняется как искажённое *стадиотечьцѣмъ (дат. мн.ч. от не засвидетельствованной в словарях и базах данных лексемы *стадиотечьць), где *течьць* — *πομπή agentis* от *течи* в соответствии со второй частью греческого композита *δρομῶν* ‘бег’. В ходе паронимической аттракции предполагаемого *стадиотечьць с формой *отъцѣмъ* был пропущен слог *чь*, а после корня *стади-* добавлена буква *и*, что привело к искажению *стадиотечьцѣмъ в *стадии отъцѣмъ* (в неразрывной записи различие менее заметно: *стадиинотъцѣмъ*). Как доказывает

³¹ Разночтения *прѣвъзгрѣмова* 128об. — *прѣвъзгрѣмѣвь Д32 63* — *прѣвъзгрѣмѣва* (так!) *Ca* 13об. представляют интересный материал для истории текста службы првмч. Стефану, откуда заимствован пример. “Сербское” чтение *прѣвъзгрѣмѣвь* (Д32 63) (от *прѣвъзгрѣмѣти*), представленное в рукописи XIV в., кажется контаминацией двух “древнерусских”: *прѣвъзгрѣмова*, откуда заимствована приставка, и *прѣвъзгрѣмѣва*, откуда заимствована огласовка глагольной основы с *ѣ*. Такие соответствия указывают на древнеболгарское происхождение “студийско-алексиевского” варианта *прѣвъзгрѣмѣва*, а следовательно, на два древнеболгарских этапа истории текста.

³² Слово *привершиѣ* отсутствует в славянских исторических словарях и базах данных. Ср., однако, “*Приверхъ, привершьѣ* <...> верхний конец острова, по теченью <...> **Привершитъ, привершать** *горенку къ избѣ*, настронить, поставить верхъ, теремокъ” [Даль III: 1049]. Греческое *ἀπαρχή* — ‘первая, лучшая часть от плодов, лучшая часть приношения’, что позволяет видеть в книжном гапаксе *привершиѣ* ‘букв.: то, что находится наверху, у вершины’ попытку интерпретирующего перевода, как и в его студийско-алексиевском варианте *старѣшиньство*.

материал Д32, искажение это — древнее, возникшее ещё на древнеболгарской почве, поэтому нельзя быть хоть сколько-нибудь уверенным, что слово *стадиотѣчьць существовало в каких-то несохранившихся древнерусских источниках службы првмч. Стефану.

В реконструированном гапаксе *стадиотѣчьць представляет интерес заимствование первой части сложного слова *στάδιον*. В исторической лексикографии передача греческого *στάδιον* ‘стадион’ заимствованием *стадии* засвидетельствована всего несколькими примерами,³³ два раза — в гомилетической части Супрасльской рукописи, более древней, чем агиографическая, и один раз — в Апостоле (1 Кор. 9:24, в рукописях разных редакций) [SJS IV 157; СлРЯ 11-17 вв. 27: 189], а также, по одному разу, в служебных минеях на декабрь [CHRISTIANS 2001: 191] и сентябрь [Ягичъ 1886: 0194].³⁴ Более привычным способом перевода греческого *στάδιον* в гимнографии является слово *сѣдище*, которое употреблялось также в соответствии с βῆμα ‘зд.: седалище судьи’ [Крысько 2005: 838].³⁵ На фоне нескольких примеров употребления слова *стадии* сравним десятки примеров с *сѣдище* (с графико-орфографическими вариациями) в гимнографических текстах в базе данных manuscripts.ru. Сам по себе контекстный перевод греческого *στάδιον* славянским *сѣдище* представляет собой ещё один пример устранения из текста метафоры, в данном случае — спортивной,³⁶ что отчасти объясняется отсутствием в славянской культуре соответствующих реалий (сравним два других возможных способа передачи греческого *στάδιον*: *позорище* и *теченье*) [Речник 2003: 423]. Направление правки от грецизированной кальки к описательному переводу *стадиотѣчьцьмъ → (стадий ђчьць? →) на *сѣдищи текѡущимъ* свидетельствует о стремлении редактора к более нейтральному, общеупотребительному узусу.

³³ Гораздо более употребительно слово *стадии* в значении мера длины [СлРЯ 11-17 вв. 27: 188-189].

³⁴ Пришьдъше въ стадині *στῆλι* etc. [Ягичъ 1886: 0194] — ὑπήλθετε τὸ στάδιον τὸ τῆς ἀθλησεως (см. указание на зачало греческой стихирь и другие источники в: [STERN II: 617]). Автором указателя [STERN II: 617] грецизм *стадии* не распознан, хотя писец сентябрьской Минеи едва ли случайно употребил здесь букву *ι*, а не *и* в позиции середины строки не в конце колона, что было нетипично для этой графемы в одиннадцатом веке; очевидно, писец пытался таким образом имитировать графический облик греческого слова, используя для обозначения одной из фонем *ι* в этом слове грецизированную графему (более точным копированием графического облика греческого написания было бы *стади-и). В указателе вместо правильного *стадии* (вин.п. ед.ч.) ошибочно указана форма *стады* (тв.п. мн.ч. от *стадо*?!).

³⁵ В славянском переводе могла появляться метонимия, что отмечается в указателе: *πρὸ βῆματος* ‘перед седалищем (судии)’ — на <...> *сѣдищи* [Крысько 2005: 838].

³⁶ Метафорический характер употребления слова *στάδιον* ‘место мученичества’ особенно заметен в цитируемом гимне првмч. Стефану, который был убит не на стадионе.

Замена грецизмов славянскими словами — характерная особенность поздней, древнеболгарской, sprawy древнейшего перевода Священного Писания, впервые отмеченная ещё В. Ягичем [Јагич 1913: 299]. Использование этой особенности в сравнительных текстологических исследованиях позволило Е. М. Верещагину убедительно соотнести с древней кирилло-мефодиевской языковой традицией текст *Ильиной книги*, последовательно сохраняющей грецизмы там, где в студийско-алексиевских минеях находится славянская лексика [Верещагин 2001: 272-278].³⁷

В связи с тенденцией к замене грецизмов славянской лексикой едва ли случайным является пример замены германизма *ликъ* славянским *съборъ* в соответствии с греческим *τοῖς δῆμοις* [MR VI 298]:

Сѣтословьць сѣно · и бословьць / ависа съземлѣса съ иерѣи / скыми³⁸ ликы 126об. — 127.
Сѣтословьць сѣащени бѣгословьць ави / са · съземлѣса съ иерѣиски съборы Са 37.

26-4. Лексемы с ограниченным узусом: *зачало*, *изащъныи*

В рассмотренной выше фразе наблюдается замена характерного для архаического пласта книжной лексики слова *зачало* на *начатъкъ*: Стадий *ѡцьмъ* *зачало* *бѣтъ* 126–126об., то же в Д32 61об. — На соудици *текоущимъ* *начатъкъ* *бывъ* Са 11об. (*ἀπαρχή*), ср.: “В Евангелии, Апостоле и Псалтири лишь изредка отмечается существительное *зачало*, которое в позднейших списках заменяется на *начало* (SJS I: 664); *зачало* продолжает активно использоваться только в качестве литургического термина, обозначающего начало перикопы” [Пичхадзе 2009: 299, см. также 302].

Характерная лексическая примета древнего славянского гимнографического узуса — распространённое в западнославянских и юго-западнославянских памятниках слово *изащъныи* и родственные ему лексемы [Пичхадзе 2008: 161],³⁹ которое в отношении семантического сдвига ‘избранный’ → ‘доблестный (“изящный”)’ сравнивают с латинским *elegans*, “первонач. «избранный»” [Фасмер, Трубачёв II: 124]. Как показывает замена этого и родственных ему слов на синонимы с корнем *дѡбл-* в студийско-алексиевской минее Са,⁴⁰ лексема *изащъныи* характеризует не древнерусский по происхождению

³⁷ Речь идёт именно о традиции, то есть о переводах учеников свв. Кирилла и Мефодия или круга этих учеников, а не о самих первоучителях.

³⁸ Чтение *иерѣи / скыми* — очевидно, искажённое **иерѣискими*, ср. чтение Са.

³⁹ В Супрасльской рукописи соответствующее родственное слово отмечено лишь один раз в форме *изаштъннѣкъ* (род.п. ед.ч.) в цитате из Лк. 19:2 [Мeyer 1935: 92], где в оригинале читается *ἀρχιτελώνης* ‘старший сборщик налогов’.

⁴⁰ При наличии единственного примера на употребление лексемы *изаштъннѣкъ* [Мeyer 1935: 92], слово *дѡблѣ* отмечено в Супрасльской рукописи один раз, *дѡблѣство* — четыре раза [Мeyer 1935: 65].

гимнографический узус, а древний западноболгарский и сербский,⁴¹ который на восточнославянской почве или ранее, уже в Болгарии, подвергался непоследовательному редактированию: *стефане моуче/ниче изацине* 126об. — 127 — *стефане моучениче всьседовли Са 12* (πανάριστε MR VI 298). Та же замена наблюдается в службе мч. Евсигнию: *Воиникъ непобѣдимы позна/са еусигниче <...> изацивѣса прѣсвѣтъ/ло* 132⁴² — *доблевавъ Са 27об.* (ἀριστεύσας MR VI 319).

26-5. Лексические разночтения, отражающие влияние особого греческого оригинала

Неудивительно, что при различиях в языке *F. n. I 37* отражает другой греческий оригинал, чем тот, который лежит в основе студийско-алексиевской редакции. Приведём один пример, показательный тем, что объясняется он паронимическим смешением в русле греческой традиции: *Законъ сии* (так!) *скровице · бл̄гости* 126об. — *Їдинъ сии с̄зкровице влагости Са 11об.* Разночтение отражает смешение греческих паронимов *μόνος* ‘один’ (так в: [MR VI 298]) и *νόμος* ‘закон’ (в доступных источниках чтение не найдено).

2 в. Переход *ь* в *о* в ауслаутном сочетании *-ь/ь*

Ещё раз обратимся к рассмотренной выше фразе:

Сѣгословьць сц̄но · и б̄ословьць/тависа с̄землѣса с̄з иерѣи/скыми ликы 126об. — 127.

Сѣгословьць свѣщенъи богословьць ави//са · с̄землѣса с̄з иерѣискы с̄зворы Са 37
ἱερός καὶ θεολόγος συμπλεκόμενος ἐβραίων τοῖς δήμοις [MR VI 298].

В этом фрагменте, в версии *F. n. I 37*, отмечена рефлексия напряжённого *ъ* в виде *о* перед *ј* в составе переосмысленной членной формы на *-ъ/ь*: *сц̄но · и*.⁴³ Древнерусский книжник не распознал написание протографа, которое следовало прочесть как **сц̄нои* и (или **свѣщенои* и), и понял прилагательное с вокализованным *ъ* как наречие на *-о*. После этого *о*, понятого как адвербиальный суффикс, появилась внутривстрочная

⁴¹ Ср. указание на “сербск.-цслав. *измитънь*” и его структурную параллель (возможный источник калькирования?) ἐξάριτος, а также “чеш. *vzáspý* «редкий; дорогой», слов. *vzáspý*”, выразительные на фоне отсутствия болгарских соответствий [ФАСМЕР, ТРУБАЧЕВ II: 124]; об употреблении церковнославянизмов *изц̄ныи* и *изц̄итиса* в древнерусской переводной литературе см. [Пичхадзе 2011а: 59, 61, 75].

⁴² Эта цитата воспроизведена в “Материалах” И. И. Срезневского [I:1086] по Словарю А. Х. Востокова, без указания места хранения и шифра рукописи, листа и греческой параллели, а затем, почти в том же виде, в *Сл.РЯ XI–XVII* вв. [6:220], в последнем — со знаком вопроса вместо толкования; значение глагола *изц̄итиса* — “проявить особую доблесть, мужество”.

⁴³ Искренне благодарю за это наблюдение А. А. Пичхадзе.

точка: $\bar{c}\bar{i}\bar{n}\bar{o}$ · и $\bar{b}\bar{o}\bar{s}\bar{l}\bar{o}\bar{v}\bar{y}\bar{c}\bar{h}$ (ἱερός καὶ θεολόγος), — которая разрушила синтаксические связи внутри словосочетания, осложнив его неоправданной инверсией. Очевидно, новообразованное наречие $\bar{c}\bar{i}\bar{n}\bar{o}$ следует понимать как признак действия, выраженного глаголом $\bar{y}\bar{v}\bar{i}\bar{s}\bar{a}$. Благодаря раннему переосмыслению контекста в рукописи тринадцатого века сохранилось, хотя и в искажённой форме, древнее сочетание $\bar{s}\bar{v}\bar{y}\bar{c}\bar{h}\bar{e}\bar{n}\bar{o}$, которое заслуживает особого рассмотрения.

Рефлексация \bar{z} в виде o перед j рассматривается А. А. Пичхадзе [2009: 306] как одна из особенностей славянского языкового узуса, на основе которого сформировалась древнейшая гимнография: “В Путятиной минее, наряду с формой причастия $\bar{v}\bar{z}\bar{n}\bar{e}\bar{s}\bar{y}\bar{s}\bar{i}\bar{s}\bar{a}$, один раз отмечена форма $\bar{v}\bar{z}\bar{n}\bar{e}\bar{s}\bar{i}\bar{o}\bar{s}\bar{i}\bar{s}\bar{a}$ (Баранов/Марков 2003: 313) с пояснением напряженного \bar{z} в o — такие формы иногда встречаются в Мариинском евангелии, Синайской псалтири и Синайском требнике (Wijk 1957: 174)”. Это наблюдения заслуживает самого серьёзного к себе внимания и дальнейшего развития.

Из древнерусских книжных памятников Ф. П. Филин [1972: 239] упоминает аналогичные написания в “Ягичевых Минеех” — “*Нестере чюдной*” (Новгородская минее 1096 г.), “*въчьной животъ*” (Новгородская минее 1097 г.) — и Евгеньевской псалтири (“*день судьной*”) (точнее, $\bar{v}\bar{z}$ $\bar{d}\bar{n}\bar{y}\bar{s}\bar{h}$ $\bar{s}\bar{y}\bar{d}\bar{n}\bar{o}$ ⁴⁴). В издании В. Ягича [1886: 190], однако, засвидетельствовано “Нестере чюдный”, правда, с подстрочным комментарием: “ $\theta\alpha\upsilon\mu\acute{\alpha}\sigma\iota\epsilon$ <...> въ наш. подл. въ словѣ чюдныи было написано o или e , которое той же рукою исправлено в y ”.⁴⁵ Исправление показательное: очевидно, что для новгородского писца форма с o была непривычна, и он меняет её на нейтральный церковнославянский вариант с y , который, впрочем, с тринадцатого века наблюдается также в берестяных грамотах.⁴⁶

Второй пример из “Новгородской минее 1097 г.” подан Ф. П. Филиным корректно, ср.: *животъ наслѣдивъше въчьной* [Ягичъ 1886: 279], — хотя одна из цитируемых В. Ягичем [1886: 279] рукописей содержит разночтение в соответствии с более распространённым церковнославянским узусом: *въчьныи*.⁴⁷ Примеры из “Ягичевых миней” дополнены

⁴⁴ Сверено по электронному изданию на сайте *manuscripts.ru*.

⁴⁵ В книге Ф. П. Филина [1972: 239] пример приведён без указания страницы издания или листа рукописи, а также без каких-либо комментариев.

⁴⁶ [Зализняк 2004: 119]; там же см. более ранний пример адъективной формы им.п. ед.ч. м.р., в котором мы встречаем написание *-ei*; других случаев употребления членных форм прилагательных в им.п. ед.ч. м.р. в берестяных грамотах старше тринадцатого века нет.

⁴⁷ Поиск осуществлён при помощи базы данных *manuscripts.ru*, где нужные словоформы представлены в соответствии с основным текстом в издании В. Ягича [1886: 190] без учёта исправлений и разночтений (электронный набор рукописи и сверка с печатным изданием осуществлены Е. В. Рябовой). Нужно также добавить, что Ф. П. Филин [1972: 239] не различал написания *-зи* и *-зи*

В. В. Колесовым [1980: 125], который указал на форму “*тѣлообразнои видѣ* в М96”.⁴⁸ В новейшей монографии [Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006: 92], кроме упомянутых выше примеров из Евгеньевской псалтири (“*сѣдѣнои* ПсЕ XI, 13а”) и Путятиной Миней (“*Възнесоиса* на кръ(с) МинП XI, 16 об.”), приведены ещё несколько аналогичных написаний: “*сильнои* 19г; *нечьстивои* 20а; *бл҃гои* чл҃колюбче Мин ок. 1095, 87 об.; возможно, сюда же относится пример: <...> *тихо* б҃че <...> Мин 1096, 83 <...> Ср. формы действительных причастий: <...> *сѣраспиноиса* Ил XI/XII, 138”. Таким образом, из десяти известных на сей день в древнерусской церковнославянской книжности случаев вокализации ѣ в о в сочетании -ѣѣ девять отмечены в служебных минеях. Судя по хронологии примеров, эти написания исчезают в двенадцатом и тринадцатом веках, за исключением рассматриваемой здесь формы из *F. n. I 37*, которая, впрочем, представляет собой переосмысление раннего контекста. Это несомненно свидетельствует о формах на -ои как о результате влияния южнославянских протографов древнерусского гимнографического корпуса, из которого в процессе графико-орфографической русификации в течение двенадцатого — начала тринадцатого веков устранялись аномальные для раннего восточнославянского книжного узуса написания. Динамика членных форм на -ои обратна тому, как распространялись формы с меной ѣ на о в других позициях, где количество написаний о вместо ѣ, напротив, увеличивалось в течение древнерусского периода на фоне падения еров.

Формы ни с -ьи, ни с -ои были невозможны в древненовгородском диалекте в конце одиннадцатого века,⁴⁹ где ещё в двенадцатом столетии наблюдается исконное окончание твёрдой именной основы на -е, см. “надпись на новгородской иконе XII в. (“Спас нерукотворный” и “Поклонение кресту”, ГТГ): *моногѣоцити с[ѣ]равимѣ* (указано А. А. Гип-

в членных прилагательных, приписывая им одинаковое содержание, и вслед за Б. М. Ляпуновым, а также вопреки грамматикам старославянского языка (см. далее), ошибочно относил их в Зографском евангелии и Синайской псалтири “за счет аналогии (влияние именных форм прилагательных на местоименные”. Неясно, каким образом в членных формах прилагательных им.п. м.р. ед.ч. на -ои проявляется аналогия с именными формами на -ѣ.

⁴⁸ См. [Ягичъ 1886: 78]; согласно СлРЯ 11–17 вв. [29: 281], *тѣлообразни* — гапакс, отмеченный в единственном тексте (служба 11 ноября, память Седьмого Вселенского собора), хотя и сохранившемся в ряде списков; единственная цитата в Словаре сопровождается характерной пометой в цитате рядом с формой заголовочного слова: “вар. XII в.: *тѣлообразни*” [СлРЯ 11–17 вв. 29: 281].

⁴⁹ “По данным диалектологии, в вост.-новг. говорах сочетание *ѣѣ* давало *ой*; в зап.-новг. ареале представлено (по говорам) несколько вариантов развития *ѣѣ*: *ый, эй, ой* <...>. Как показывают берестяные грамоты и другие источники, в собственно новгородских документах отражаются рефлексы как первого, так и второго рода” [Зализняк 2004: 66–67]. Окончания -ои и -ьи документированы в берестяных грамотах с тринадцатого века.

пиусом)» [Зализняк 2004: 119]. Представляется проблематичным объяснение книжных форм на *-oi* через известное явление мены *ъ* на *o*, хорошо засвидетельствованное в книжной и особенно бытовой письменности и связанное с книжным произношением:⁵⁰ в исследовании Н. Н. Дурново [1924/2000: 439-450], где приводится богатый фактический материал относительно написаний с *o* вместо *ъ* (и с *ε* вместо *ь*), примеров вокализации *ъ* перед ауслатным *-jъ* нет, как нет их и среди многочисленных случаев мены *ъ* на *o* (и *ь* на *ε*), рассматриваемых в связи с теорией книжного произношения [Успенский 1988/1997: 151-158]. Эта позиция вообще оказывается не затронутой книжным произношением *ъ = o*; решающим доказательством этому являются данные древнерусских кондакарей, значимость которых для исторической фонетики древнерусского языка и истории книжного произношения хорошо известна [Успенский 1973/1997]. Так, именно в нотированных текстах *Типографского устава*, который содержит песнопения в двух вариантах записи, нотированной и ненотированной,⁵¹ отмечается “довольно регулярное изменение и в *ь* <...> в определенной позиции” (*ь* перед *j*) [Успенский 1973/1997: 214, см. далее: 214-216], тогда как случаев графической мены *ъ* на *o* *Типографском уставе* нет ни в нотированных, ни в обычных текстах [Успенский 1973/1997]. Что же касается напряжённого гласного перед ауслатным *-jъ* в членных формах им. и вин.п. ед.ч. м.р. прилагательных и причастий, то просмотр словоуказателя к изданию *Типографского устава* [Тип.уст. II] даёт следующие результаты (учитываются членные формы прилагательных и причастий им. и вин.п. ед.ч. м.р. и причастий им.п. ед.ч. м.р.; не учитываются примеры из той части рукописи, которая содержит особую редакцию Студийско-алексиевского устава, где нотации по понятным причинам нет и где во всех случаях в соответствующей позиции употребляется *ы*; не учитываются также формы местоимений *кыи*, *кыиждо*, *такъвыи*, где также везде употребляется *-ы*):

⁵⁰ См. основные работы, восходящие к взглядам А. А. Шахматова и Н. Н. Дурново, и литературу: [Успенский 1988/1997; Зализняк 2002]. Очевидно, что масштаб распространения книжного произношения, или мены *ъ* на *o* (и *ь* на *ε*), в древнерусской письменности не зависит от рукописной традиции отражающих это явление текстов; количество написаний с *o* вм. *ъ* и *ε* вм. *ь* в каком-либо памятнике определяется его языковым регистром, а не рукописной традицией. Напротив, уникальность ранних восточнославянских примеров с *-oi* из *-ъи* (*-ъи*) доказывает, что перед нами восходящее к архетипу явление истории конкретных текстов, почти исключительно служебных миней, а не одного из регистров древнерусского языка.

⁵¹ Кроме самого наличия нотных знаков, нотированная запись этих песнопений отличается тем, что буквы гласных в них могут быть написаны несколько раз в соответствии с модуляциями музыкальной фразы, и над каждой такой буквой находится свой нотный знак.

безоумьныи 86.22; бесплзтьныи 63.15–16, 97об.10; беззмьрътныи 87об.1; бецислъныи 47об.22; благооуханьныи 119об.23; благъи 88об.2, 100об.11–12, 106об.3; блаженъи 66.19, 66об.6; богласъныи 38об.1–2 (в нотированной записи: богоносъ/бьныи <так!>); бгодыръзыи 92.19–20; бгомюдръи 68.12–13; божьствъныи 37.3, 47об.2–3, 47об.11, 68.15–16, 118.22–23, бжьствъныи 53.21, 54об.8, 54об.18, 68.17, 68об.3, 82.16–17; великоименитъи 72об.3 (в нотированной записи зв.п.: великоимените); великъи 30.1, 32об.8, 40.23, 42об.13, 48об.10, 56об.6, 68об.4–5; възлюбленыи 34.4, 48об.22–49.1; възнесыиса 27.12 (в нотированной записи: Възнесыинии:са:а), 34об.10, 39.12, 39об.9, 57об.18, 64.16, 64об.14, 70об.15, 86.8, 88.11, 125об.20; възсигавыи 68об.12; всемогыи 94об.7; вѣръныи 42об.17 (в нотированной записи: вѣръььььныи 43.7); грѣховьныи 99.4–5; градъи 84об.13 (в нотированной записи: граадыгиниииниихиѣи 85.3–4) давыи 35.10 (то же в нотированной записи); дивьныи 30.8, 43об.2, 69об.15–16; довьри 75об.11; другыи 87.11; дшевьныи 71.4; дшегоубьныи 67.10; единыи 94об.1; живоносъныи 27.6; животъныи 72.14; живыи 38.9, 114.18; земльныи 120об.2–3; идольскыи 67.9; изборьныи 92.19; избьранъи 68.16–17; крилатъи 32об.–8; лъстивыи 86об.16–17; мюдръи 69об. 15; мѣнѣьскыи 56об.6; многоплачьныи 59.1; многочьствъныи 39об.10; мольвьныи 72.8–9; нагробьныи 80об.5; невесъныи 119об.3–4, 120об.2, нѣсьныи 32об.9 вѣсьныи <так!> 122об.11; невзмѣстимыи 56.13; недвижимыи 64.1; недостоинъи 38.14, 58об.7–8; непоколѣваемыи 48об.5; неправдъныи 25об.3; неприкосновенъи 49.14 (в нотированной записи: неприкооосновееѣееныи 49об.2–3); нетьльньныи 36об.6, 42об.9, 51об.15, 85об.12; неогасимыи 50об.10; новыи 36об.23; огненосьныи 79.18; огньныи 60об.23, 30.20 (в нотированной записи: огньныинии 30об.5); оканьныи 89.4–5; пицьныи 59.23; плзтьскыи 120.2; повѣдъныи 28.14; превѣчьныи 46.18; прѣвѣчьныи 46.1, 46.10–11, 67.22–23, 67об.8–9; прекрасъныи 32об.6; прѣсвѣтьлыи 88об.22–23, 89.9; пресватъи 124.3; прѣстъи 43об.5; прѣсватъи 91.7, 106об.12; прѣстъи 90об.20 (в нотированной записи: прѣсваааиѣттииѣлиинѣи), 91.17; прѣславьныи 68.15, 81.11–12, 82об.9 (в нотированной записи: прѣсваавьныъъъ); прѣчистъи 42об.8–9; примыи 73об.10 (в нотированной записи: примъ); поустьыньныи 51.12; първозданыи 95об.2; първыи 52.16, 55.10, 75.6 bis (в нотированной записи: първыи:инии, пьдър:выиѣи); патьчислзъныи 44.8; разоумьныи 97об.10; рекыи 80об.3–4; родьныи 81.18; сѣщеныи 53.8, 67об.14; сщеныи 30.8, 31об.20, 43об.8, 92.19; свѣтоносъныи 45.15; свѣтьлыи 44.2; сватъи 117об.16, 118.21, 125.10 bis, стъи 42.11 (в нотированной записи: свааауത്യхихииниихиинии), 63.6, 63.11, 72.17; стъи <так!> 40.7; сильныи 113.15; славьныи 65.13; странъныи 77об.4; страстьныи 40.9, 55.10, 80.12; събрьавыи 88об.15–16; съвьдыи 70.7 (в нотированной записи: съвьѣѣѣѣдыиниихиинии 70–70об.), сьмѣренъи 120.3; твьрдыи 56об.7, 68об.8; теплыи 42об.18, 43.10 (в нотированной записи: теееееплыи 43.10); цѣркзвьныи 122.3; цѣломоудръи 59об.8; чловѣчьскыи 119об.16, 121.8; чьствъныи

30об.12, 63об.21, 119.13; чюдьныи 30.8; щедрьи 44.21 (в нотированной записи: щеє·дрьиии 44об.10–11); гдыи 114.7.

Как мы видим, ни одного случая перехода напряжённого гласного переднего ряда в *o* перед ауслутным *-jь* в *Типографском уставе* нет. Нельзя сказать, что эта рукопись вообще не отражает синтагматического изменения гласной фонемы перед *-jь*, сравним: облыствъ ѡко 42об.15 (ненотированная запись) — ооблыиѡстаалвы · ѡко 43.1 (нотированная запись) (здесь, как и выше, лист и строка указаны по наборному изданию Тип.уст. II). Кроме того, нотированная запись членных форм на *-ыь* имеет в *Типографском уставе* ту особенность, что буква *ы* в ней никогда не “тянется”, или не повторяется, что, возможно, также указывает на фонетическую особенность рассматриваемых форм в произношении: после неё пишется сразу либо внутрисклочная точка, либо буква *и*, отсутствующая в ненотированной записи, либо буква следующей фонемы или следующего звука: ѡдыииника ‘языка’ Тип.уст. II, 53об.; змаргды · 53об., разум·ѡхѡхѡдыи ‘разумы’ 54, ре·ееетиии·хиди·иивыи ныи·идиии ‘ретивыны (вин.п. мн.ч. м.р.)’ 54, Твьрдьиии·гала · и богоглааааьсьныиини ‘твердыя и богогласныя’, балагъхъ, твуды·хихиини ‘труды’ 70 и т.д.⁵² Это значит, что нотированная запись форм на *-ыь* в *Типографском уставе* предполагает фонетические вариации по сравнению с записью ненотированной, однако буква *о* в интересующих нас формах не встречается ни в нотированной, ни в обычной записи.

Однако не является ли причиной отсутствия *о* в членных формах на *-ыь* то, что графическая мена *ь* на *о* вообще отсутствует в *Типографском уставе*? В этом смысле показательны данные более поздних *Лаврского* и *Благовещенского кондакарей*, конца двенадцатого — начала тринадцатого веков, в которых фонетически необусловленная мена *ь* на *о* отмечена [Успенский 1973/1997: 149], однако сочетание *-ыи* в рассматриваемых формах им.п. ед.ч. м.р. остаётся без изменений. В *Лаврском кондакаре* наблюдается та же картина, что и в *Типографском уставе*, где напряжённый гласный в сочетании *-ыь* обозначается только с помощью *-ы-* (цитируются примеры, собранные благодаря сплошной выписке из всего памятника):

възнееееыиииисаа ('възнесиса') ЛАВР.КОНД., 5об.; огньныи ('огньныи') 8об.; прераааььььыныи ÷ ('прекраьныи') 11; давыи 17; пывыи 19об.; нетьльньныиини 20об.–21; истиньныи 24; свааацеееехеныи 27об.; воооже-

⁵² См. объяснение этому явлению в: [Успенский 1973/1997: 211].

В Благовещенском кондакаре, однако, написания с растянутым *ы* встречаются часто: дъвьвьмооньсьыыыъхъ·хъхъъъ· Благ.конд., 15а; въхъыыыыыыъъ·ъъхъхъъъ 17; лъвъиини·выыыыыыыыыыъ 19об.; выыыыы·въ·шеее 26 и др. Есть такие написания в Успенском и Синодальном кондакарях [Успенский 1973/1997: 236, примеч. 5].

ествьными ии⁵³ 29, божествьныиѣхиѣи 35об. ('божественный', NB вокализацию *e* в последних двух примерах); прѣвѣчььныиѣиѣи ('прѣвѣчный') 35; съзвѣтьвьдыниѣи ('съзвѣдый') 39; пьрвыи, пьдрьвыиѣи 48об.; Съшьдыни 51; ѣдрьдыни ('ѣдрых') 67об.; прееесвѣтьвьлыи 70об.; съзвѣтьвьдыни 74об.; ѣдрыи 79; тридьнеѣееевьхьхьныи-и ('тридневный') 82; челоувѣтьвьхьхьвьдьвьѣхьхьвьдьвьльвьвьвьскыи ('человѣчьи', NB вокализацию *ь* после *ч* и мену *ѣ* на *е* в соответствии с книжным произношением) 88; чловѣтьвьвьвьвьскыи ('чловѣчьи', NB утрату *ь* после *ч* в слабой позиции) 98; възчеловечи-выи//сааа 99–99об. ('въчеловечивыиса', NB вокализацию *ь* после первого *ч*); граааадыниѣиѣи ('грады') 100об.; чьтыи ('чьи') 103об.; неее-възъмѣтьвьвьвьстихиѣими ('невъзмѣстимы') 104–104об.; сваааа-тьиѣи ('сваты') 107.

Такая же картина наблюдается в *Благовещенском кондакаре*, в котором также отмечены многочисленные случаи книжного произношения, а сами членные формы на *-ѣъ* открыты для фонетических альтернатив: как видно из приведённых ниже примеров, в них отмечается стяжение *-ьи* в *ы* и написания *ъ* вм. *ы*. Членных форм на *-ои* в *Благовещенском кондакаре* тоже нет:

Възнеесыниѣи:сааа ('възнесыиса') БЛАГ.КОНД., 4; побѣдьвьныиѣиѣи ('побѣдный') 4об. 5; прѣблажее-ееее-ныи ('прѣблуженыи') 7; ѡгнь-ныиѣи ('огненный') 8; прекра-аа-сьвьдьвь-ныи ÷ — ('прекрасный') 10об.; да-выи 14об.; сѣдьдьвьвь-ныи 19об.; боо-го-носьвьвь-ныи 20; мз-нооо-го-чьвьвь-ствьвь-ныи 22; сваа-а-аааа-тьи-и 22об., сва-тьи- 25об., сватыи 39; прее-хь-ааа-львьвь-ныиыи-и 23об.; ѣе-дыни-и (вм.: ѣдрых) 28; бо-оо-оо-жьвь-ствьвь-ныиыиыиыиыи-гнаа-аа-аааа-тии ('божественны гнатии', так, вм.: божественны игнатии) 32; сла-аа-вьвь-ьвьвь-ныи ('славный') 39; блаа-же-ее-е-ныиыиыи ('блуженыи') 41; прѣбла-же-ныиыи 43 (им.п. ед.ч. м.р. — μακάριε зв.п.;⁵⁴ NB *ε* вм. *ѣ* в соответствии с книжным произношением и фонетически закономерное стяжение *-ьи* в *-ы*); божь-ствьвь-ныиыи 43 (им.п. ед.ч. м.р. — θεϊος; NB фонетически закономерное стяжение *-ьи* в *-ы*); прѣвѣчьвь-ньвь-ныиѣиѣиѣиѣи ('прѣвѣчный') 45; свѣтьвь-тоо-аа-влее-ныиыи 45–45об. (свѣтоавлены им.п. ед.ч. м.р. — ὁ φωτοφανής; NB стяжение *-ьи* в *-ы*); божьствь-ныиѣиѣи ('божественный') 46об.; вѣли-кыиыи-и ('вѣликий') 46; съз-вь-вь-вь-вьды-ыи-иѣи ('съзвѣдый') 48об.; гооооо-спо-оо-дьвь-вьвь-скыи ('господьский') 58; за-клячывъзвь-иѣиѣи ('заклячывъи'; NB нейтрализацию *ы* и *ъ* перед *ј*) 65; ѣдрыхѣи ('ѣдрых') 68; прее-свѣтьвь-тьвь-вьвь-лыи

⁵³ Перед тремя последними в этом примере буквами *и* в рукописи находится широкий пробел.

⁵⁴ Здесь и далее лексические параллели к кондакарию цитируются по сводному изданию древнерусских кондаков: [К III–VII].

(‘пресвѣтъльи’) 69об.; пресва·аа·тыыыѣи·ии·ии·иѣи (‘пресвѣтъи’) 71об.; пьрвыгыы (‘първыи’; NB стяжение -ыи в -ы) 86об.; и·звоо·ли·вы·ыы (‘изволивъ’; NB стяжение -ыи в -ы) 92; ѣ·еє·еє·еє·еє·еє·ловѣ·ѣѣ·ѣѣ·ѣѣ·скыи (‘ѣловѣѣскыи’) 92–92об.; възло·вѣчи·выы·сааа (‘възловѣчивыса’; NB стяжение -ыи в -ы) 93об.; граааа·а·аѣа·аа·ааа·дыыыы·и·иѣи (‘градъи’) 97; сваааа·тыыыы·крѣ·ѣѣ·пкыыы·гыыыы·ыы·ыыы·сваа·тыыы·ыыыы·ыы (свѣты крѣпкы свѣты, NB стяжение -ыи в -ы) 104, то же, с другими нотными знаками и другим количеством “растянутых” гласных: 104об.

Сравнение *Типографского устава* XI–XII вв. с более поздними *Лаврским* и *Благовещенским кондакарями* показывает, что книжное произношение еров распространяется в древнерусском языке на фоне их вокализации: если в самом раннем кондакаре случаев произношения ъ в виде o нет, то в более поздних певческих рукописях они уже есть. Очевидно, что “экспансия” книжного произношения еров по западноболгарской (македонской) модели, в том числе в певческих рукописях, развивается благодаря вокализации гласных ъ и ь в древнерусском языке по такой же модели ($\text{ъ} \rightarrow o$, $\text{ь} \rightarrow e$), хотя это и несколько противоречит показаниям других восточнославянских книжных памятников, в которых мена ъ на o представлена уже с конца одиннадцатого века.⁵⁵ Древнерусская фонологическая инновация служит таким образом “катализатором” книжного произношения еров, которое при этом не охватывает позицию напряжённого ъ перед $jь$. Оно распространяется только на те позиции ъ , в которых эта фонема выступает в своей основной разновидности (независимо от правила Гавлика), и не касается позиции нейтрализации $\text{ъ} = \text{ы}$ перед j . Причиной этому является “особый исторический путь” восточнославянских напряжённых гласных, которые до XIII в. не изменяются в o и e ,⁵⁶ а значит, в этой позиции не было необходимых сопутствующих условий для развития книжного произношения еров, которое, как уже сказано, развивалось благодаря совпадению в других позициях западноболгарской (македонской) и древнерусской моделей их вокализации. Более того, засвидетельствованный источниками лишь с тринадцатого века восточнославянский переход $-\text{ъ}jь$ в $-oй$ отражает лишь магистральную линию развития этого сочетания в русском языке, тогда как реальное многообразие восточнославянских рефлексов $-\text{ъ}jь$ ($-oй$, $-ый$, $-эй$, $-ий$, в том числе с утратой конечного $й$) в исторической перспективе⁵⁷ доказывает, что надёжной основы диалектной

⁵⁵ См. примеры и литературу в: [Успенский 1988/1997: 145–150, 154–158].

⁵⁶ [Филин 1972: 240; Issatschenko 1980: 169; Колесов 1980: 124–125].

⁵⁷ [Пшеничнова 1995: 24–27 (литература); Калнынь 1993; Зализняк 2004: 66–67]; см. также примеч. 39.

основы для утверждения книжных членных форм на *-oi* не было.⁵⁸ Поэтому в современном русском языке произносительные варианты прилагательных с ударением на *-oi* противопоставлены вариантам с ударением на основу (орфографически передаваемом с помощью кодифицированного “церковнославянского” написания на *-ый/-ий*) как русизмы церковнославянизмам.

Итак, членные прилагательные с *-oi* в форме им.п. ед.ч. м.р. в раннедревнерусских книжных памятниках не связаны ни с книжным произношением, ни с древнерусской исторической фонологией: хотя Ф. П. Филин [1972: 239] и полагал, что таких “случаев в древнерусской письменности XI–XII вв. довольно много”, он сумел привести лишь три примера с *-oi*, — из них один, как выяснилось, был исправлен на *-yi*, — а дальнейшие исследования увеличили его список до десяти случаев только за счёт гимнографических рукописей. К этому же ряду примеров относится и написание *сѣно* · и (из **сѣнои* и — *ἱερὸς καὶ*) *F. n. I 37, 126об.*, сохранившееся в позднедревнерусской рукописи тринадцатого века благодаря раннему переосмыслению контекста.

Редкость членных форм на *-oi* в древнейших книжных памятниках определяет их значимость для истории текста служебных миней. Аномальный характер таких примеров является их главным отличием от многочисленных написаний с *ъ* вместо *o* в остальных позициях по древнезападноболгарской (македонской) модели и отражающих книжное произношение еров, распространявшееся на фоне их вокализации в древнерусском языке. Основными способами обозначения на письме напряжённого *ъ* перед *-jъ* в ауслaute в древнерусской орфографии являются формы на *-yi* и, реже, на *-zi*, которые отражают нейтрализацию *ы* и *ъ* в этой позиции, а также стяжённые формы на *-ы*. Та же картина наблюдается и в старославянском языке, где примеров с *-oi* в членных формах прилагательных крайне мало (см. ниже). Видимо, поэтому в некоторых грамматиках старославянского языка и в сравнительных грамматиках славянских языков на древнем славянском материале рассматриваются только варианты *-yi*, *-zi*, *-ы*, а формы на *-oi* и их соответствия вне восточнославянского ареала вообще не упоминаются.⁵⁹ Именно в силу своей исключительности в рамках

⁵⁸ Особо нужно рассматривать написания с *oi* вм. *ы* типа *тъои* (вм.: *тъмы*) [см. примеры: Успенский 1988/1997: 154-155; Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006: 93], где явно отражаются не фонетические особенности соответствующих словоформ, а своего рода “графическая инерция”, обусловленная книжным чтением *ъ* как [o], которая влияла на замену буквы *ъ* также в составе диграфа.

⁵⁹ См., например: [Бернштейн 2005: 256-257; Leskien 1969: 27-32; Lunt 2001: 32, 35]. Ср. мнение В. Вондрака, который объяснял появление членных форм типа *добрѣи* из *добрѣи* аналогическим воздействием со стороны именных форм на *-ъ*, с возможным последующим переходом *-ѣи* в *-ои*, без уточнения, в каких

древнего славянского книжного узуса членные формы на -ои, обусловленные древнерусским языковым употреблением, имеют доказательную силу при определении той части древнеболгарской традиции, особенности которой отражает источник. Напротив, в силу своей частотности в рамках древнезападноболгарского и древневосточнославянского письменного узуса (в данном случае неважно, книжного или бытового) написания о вместо љ в других позициях не могут приниматься во внимание в качестве текстологической приметы при изучении истории текста служебных миней.

Как известно, среди старославянских рукописей вокализация љ в о в сильной позиции не перед ј отмечается “во всех глаголических памятниках, кроме Киевского Миссала” [Вайан 1952: 45; то же: Diels 1932: 101], или Киевских листков, где вообще сохраняются все “редуцированные”.⁶⁰ Напротив, всего лишь три таких примера (с о из љ в сильной позиции не перед ј) отмечены в восточноболгарских кириллических Супрасльской рукописи и Саввиной книге,⁶¹ и это отражает “различие между древнемакедонским языком, вокализирующим љ в о, и древнеболгарским, сохраняющим љ” [Вайан 1952: 47; см. о том же: Селищев 1951: 293]. Именно по этой причине Н. Н. Дурново [1924-1927/2000: 439-450] впервые обосновал раннедревнерусскую книжную мену љ на о как результат западноболгарского (древнемакедонского) влияния на восточнославянскую книжность, справедливо не упоминая при этом позицию љ перед ауслаутным -јь, в которой наблюдается особая картина.

В отличие от “обычных” и многочисленных случаев древнезападноболгарской вокализации еров, не представляющих интерес с точки зрения текстологической (а не языковой) приемственности

источниках, языках или диалектах наблюдается это явление: “Die Formen mit modifiziertem Halbvokal wurden aber häufig von anderen beeinflusst, in welchen die Halbvokale in normaler Geltung vorkamen. So ist z. B. im Aksl. aus *dobryjъ* nach *dobrъ* auch wieder ein *dobrějъ* geworden. Dieses konnte zu *dobrojъ* führen” [VONDRÁK 1924: 169] (“формы с модифицированным полугласным <т. е. с напряжённым ы. — Р. К.> часто, однако, подвергались влиянию со стороны других форм, в которых полугласные выступали в нормальном значении. Так, напр., в ст.-сл. из *dobryjъ* в соответствии с *dobrъ* также снова возникало *dobrějъ*. Это могло приводить к появлению *dobrojъ*). Сходным образом объяснял старославянские формы на -ои А. Мейе, видевший в них аналогию с именными формами на -ъ и последующее прояснение в -о [Мейе 1951: 92-93]. Данных о древнем диалектном распространении форм на -ои и примеров из рукописей у А. Мейе нет.

⁶⁰ См. подробно: [SCHNAEKEN 1987: 93-94] (“Die fast tadellose Behandlung der reduzierten Vokale in den KB lässt sich wohl als ein nicht-südslavisches Sprachmerkmal qualifizieren” = “почти безупречное употребление редуцированных гласных в КЛ позволяет рассматривать его как не-южнославянскую языковую особенность”).

⁶¹ “Auch diese können aus der Vorlage stammen <...> offenbar aus der Vorlage stammend” [DieLS 1933: 101] (“также и они восходят к оригиналу <...> очевидно восходящие к оригиналу”). Ср. несколько иное объяснение написаний *крѣпокъ*, *любвьзньи*, *смоковьнаго* в Супрасльской рукописи у А. М. Селищева [1951: 292].

южно- и восточнославянских традиций, единичные членные формы прилагательных м.р. им. и вин.п. ед.ч. на -ои (типа *сватои*) отмечаются только в четырёх глаголических рукописях: Мариинском и Зографском евангелиях, в Синайском евхологии и “etwas häufiger” [DIELS 1932: 194] (“несколько чаще”) в Синайской псалтири.⁶² За исключением Зографского евангелия, в котором плохо засвидетельствован переход *ъ* в *о* в сильной позиции, отсутствовавший в древневосточноболгарском ареале,⁶³ эти памятники происходят из западной и северо-западной части древнего южнославянского языкового ареала и одновременно отражают моравско-паннонское влияние в языке или в составе текстов.⁶⁴

⁶² См. [DIELS 1932: 194]; см. там же список немногочисленных известных примеров и комментариев к данным Синайской псалтири, где такие написания особенно многочисленны: “СВАТОИ lc. 1, 72 Mar. Zo. Euch. 17a, 14, НАРИЦАЕМОИ io. 21, 2 Mar., ПРИСНОИ Euch. 5, § 3 <...> die Fälle in Ps. sind wohl zu häufig, als daß man sie aus der sonst vorkommenden Verwechslung von Ъ und ОI erklären könnte” (“примеры из Синайской псалтири всё же слишком многочисленны, чтобы можно было их объяснить из встречающейся, помимо этого, мены Ъ на ОI”); см. список форм на -ои в Синайской псалтири и сравнительные числовые данные по всем трём почеркам этого памятника: [ARNIM 1930: 122-123]. Ср. затем кратко о таких написаниях: [ВАЙАН 1952: 54 (не упомянуты Синайский евхологий и Зографское евангелие); Селищев 1951: 297-298]. С. Младенов приводит формы “сватои, прѣмждрои, изведои и. ä.” [MLADENOV 1929: 106], не указывая, однако, ни лист почерка, ни сам источник, в котором им были найдены эти “и подобные” написания, ни их современные диалектные соответствия в болгарско-македонском языковом ареале, истории которого посвящено его исследование. Такая форма подачи материала может создать впечатление, что явление было широко распространено в истории болгарского языка, которую описывает С. Младенов. Однако, судя по исследованию Б. фон Арнима, специально посвящённому Синайской псалтири, все примеры С. Младенова заимствованы из этого памятника; см. [ARNIM 1930: 122-123]. Очевидно, отсюда же заимствован ряд примеров “сватои, прѣмждрои, нарицаемои, изведои”, также цитируемых без указания на источник в: [ИВАНОВА-МИРЧЕВА, ХАРЛАМПИЕВ 1999: 58]; по мнению авторов этого исследования, переход “ы > о може да се види в няколко лични имена, напр.: *Благой, Радои, Драгои* от *благъи, радъи, драгъи*” [ИВАНОВА-МИРЧЕВА, ХАРЛАМПИЕВ 1999: 58].

⁶³ Переход *ъ* в *о* в сильной позиции наблюдается в Зографском евангелии только в ауслатной позиции перед энклитикой и в финали субстантивной основы на *-ü: “Die Vertretung von *ъ* durch *о* ist noch seltener: einige Male bei enklitisch nachstehendem *тъ, съ, з*. В. *народо-съ = народъ съ, раво-тъ = равъ тъ; dazu einige vereinzelte Fälle wie *цръковъ лъвовъ = -ъвъ*” [LESKIEN 1969: 29] (“Замена *ъ* на *о* является ещё более редкой: единичные случаи при постпозитивных энклитических *тъ, съ, напр., *народо-съ = народъ съ, раво-тъ = равъ тъ; сюда же отдельные примеры типа *цръковъ лъвовъ = -ъвъ*”).***

⁶⁴ См. обзор основных языковых особенностей этих памятников, на которых основана такая локализация, и соответствующую литературу: [SCHNAEKEN, WIRNBAUM 1999: 95, 97-98, 105, 107]. Ср. там же замечание к истории Синайского евхологии: “Einige aus dem Althochdeutschen und Lateinischen übersetzte Abschnitte <...> deuten auf einen zumindest teilweisen Ursprung des Textes aus der zweiten Heimat des Altkirchenslavischen” (“некоторые части, переведённые с древневерхнемецкого языка и латыни, свидетельствуют о по меньшей мере частичном происхождении текста со второй родины старославянского языка”; в терминологии авторов цитаты *вторая родина* ст.-слав. языка — Моравия

Что же касается современных диалектных данных о рефлексации *ѣ* в *о* в позиции *-*ѣѣ* вне восточнославянского ареала, то “единственно во некоей локальной речи во Солунско се забележани форми на *о* (што значи со замена *ѣ > о*). Сп. ги во материјалите на Верковиќ членуваните форми: *голојут, среднојут, малкојут* и сл., кои се употребуваат непосредно со формите како *богатиот, царскиут, новијут* и сл.” [Конески 1981: 37].

Географическиот диапазон древнейших письменных и современных славянских данных относительно развития *ѣ* в *о* перед ауслаутным *-јѣ* доказывает, что перед нами — диалектное явление, первоначально свойственное некоторым говорам древнего западноболгарского (македонского) ареала. Уже в древнейшую эпоху оно сосуществовало с основными, наддиалектными, старославянскими типами рефлексации *-ѣѣ* в виде *-ѣи, реже -ѣи*, отражающими нейтрализацию *ѣ* и *ѣ* перед *ј*, а также со стяжёнными формами на *-ѣ* (из *-ѣи*). Редкие формы на *-ѣи*, наблюдаемые в раннедревнерусских письменных памятниках, не связаны ни с восточнославянским бытовым, ни с книжным языковым узусом и должны рассматриваться отдельно от написаний с *о* на месте сильного *ѣ*, которые отражают книжное произношение, являются особенностью бытовой системы письма и таким образом не могут привлекаться в качестве свидетелей истории конкретных текстов. “Аномальные” написания с *-ѣи* в ранних восточнославянских служебных минеях, напротив, нарушают и книжный, и бытовой древнерусский письменный узус и тем самым непосредственно отражают языковые особенности их древнезападноболгарских (македонских) оригиналов. Диалектная ограниченность рассматриваемого явления стала причиной того, что формы на *-ѣѣ* (из *-ѣѣ*) не оказали влияния на древнерусский книжный узус и были редки в самих старославянских памятниках. Эти окказиональные отклонения, отражающие языковые особенности периферийных древнезападноболгарских

и Паннония). См. затем о Мариинском евангелии: “Einige Sprachmerkmale (darunter etwa *ѣ* statt *ѣ, ѣ*, wohl auch i für *ѣ*) <...> sind wohl als Serbismen zu werten und deuten vielleicht auf eine nördliche Herkunft innerhalb des westbulgarischen Sprachraums” [SCHAEKEN, BIRNBAUM 1999: 98] (“некоторые языковые особенности (среди которых отдельные случаи употребления *ѣ* вместо *ѣ, ѣ*, а также и вместо *ѣ*) рассматриваются как сербизмы и указывают на северное происхождение внутри западноболгарского языкового ареала”); см. об этом же с большей убедительностью и дополнительным фактическим материалом: [Младеновић 2003]. Кроме текстологических особенностей Мариинского евангелия и Синайской псалтири, о моравско-паннонском влиянии в Мариинском евангелии и Синайской псалтири на уровне протографа свидетельствуют написания, отражающие западнославянский рефлекс сочетаний **ѣ, *ѣ*: “РОЗЪСТВА usw. mt. 14, 6 Mar. Cloz. 877. 879 <...> Ähnlich in НЕВЪЗЕСТВА Ps. 24, 7 <...> und in der Mischform ВИЗЖЪ ‘sieh’ io. 20, 27 Mar <...> Ähnlich findet man sich das westslav. c statt aksl. št ausnahmsweise in ОСВАЦЕ Ps. 29, 1” [DIELS 1932: 131].

диалектов, являются важным лингвистическим, а точнее, орфографическим критерием локализации перевода. Редкость рассмотренных древних славянских форм на -и повышает значимость древнерусских данных для древнейшего этапа истории старославянского языка,⁶⁵ усиливая её фактографическую базу.

2г. *Genitivus verso dativus partitivus*

Вызывают интерес два разночтения, в которых формам *genitivus partitivus* архаической редакции соответствует дат. п. мн.ч. в студийско-алексиевских минеях. Это заставляет внимательнее отнестись к пространённому представлению, что формы дательного падежа в “генитивных” значениях заведомо древнее, чем формы родительного.⁶⁶ В обоих случаях, на которые здесь обращается внимание, славянский родительный падеж употреблён в соответствии с греческим родительным, что позволяет рассматривать разночтения как пример славянизации синтаксиса в младшей версии текста; упомянутая выше замена гречизмов на славянские лексемы отражает, очевидно, ту же “стратегию” языковой “славянизации”:

Първо̀мучника дѣяко̀на же / първа̀го 127

Първо̀мученика хръсто̀ва дѣяко̀нъмъ пь / рва̀до Са 12

Τὸν πρῶτομάρτυρα Χριστοῦ καὶ διακόνων τὸν πρῶτον
'первомученика Христова и первого из диаконов'.

⁶⁵ Показательно, что написание сѣни в младшей редакции рассматриваемого здесь гимнографического текста было заменено в списке, отражающем более позднюю версию текста, на форму без вокализации ѣ: сѣвѣнѣи.

⁶⁶ Ср., однако: “<F>ast vollständige Funktionsäquivalenz mit dem adnominalen Gen. im Aksl. erweist ihn jedoch als eine im allgemein slavischen Rahmen territorial begrenzte (“mundartliche”) Erscheinung. Sie hängt mit der kategorialen Verschmelzung von Gen. und Dat. zusammen, die einer der ersten Schritte zum Untergang der Deklination im Bg. und Maked. gewesen sein dürfte. Der Ausgangspunkt des Prozesses lag im Osten des südslav. Sprachgebiets, was sich in der erhöhten Frequenz des adnominalen Dat. in den kyrillischen, aus dem Osten des Balkanslavischen stammenden Handschriften (S und Su) spiegelt” [VEŠEJKА 1993: 197-198] (“почти полное функциональное тождество <дательного приимённого. — P. K.> с приимённым родительным в старославянском свидетельствует о нём, однако, как о территориально ограниченном (“диалектном”) явлении. Оно связано с категориальным объединением родительного и дательного, которое, возможно, является одним из первых шагов к утрате склонения в болгарском и македонском языках. Отправная точка этого процесса находится на востоке южнославянского языкового ареала, что отражается в повышенной частотности дательного приимённого в кириллических рукописях, происходящих с балкано-славянского востока”). К сожалению, это наблюдение не подтверждено никакими фактами и сопровождается лишь упоминанием Супрасльской рукописи и Саввиной книги. Однако, если эта ничем не доказанная гипотеза верна, то замена родительного выделительного на дательный свидетельствует о влиянии на редакцию студийско-алексиевских миней восточноболгарского узуса.

В цитате из *F. n. I 37* форма вин.п. = род.п. ед.ч. *диаконѡ*, возможно, является результатом переосмысления первоначальной **диаконѡ* (род.п. мн.ч.), которая была ошибочно понята позднейшими переписчиками как одушевлённая форма вин.п. ед.ч. и заменена на одушевлённую. Поэтому допустимо предполагать следующий первоначальный облик фразы: **Първомѹченика, диаконѡ же първаго*. Не исключено, однако, что написание *диаконѡ* объясняется гораздо проще: оно может отражать смешение ω “омеги” и \omicron “о-микрон” в греческом источнике древнейшей версии перевода, обусловленное утратой этимологических долгот. Такое предположение тем более вероятно, что *διακόνων* ‘(из) диаконов’ является единственной формой родительного падежа в ряду аккузативных форм, и её фонетически обусловленная замена паронимом *διάκονον* не нарушает синтаксические связи, хотя и противоречит принципу гомотонии (единообразного расположения ударных слогов) — одному из основных принципов византийской гимнографической метрики. Таким образом, источником древнейшей славянской версии могла быть фраза **τὸν πρωτόμαρτυρα Χριστοῦ καὶ διάκονον τὸν πρώτον* ‘первомученика Христова и первого диакона’.

Во втором примере значения падежных форм славянского текста также неочевидны без привлечения греческого оригинала:

първыи мѹникъ · диаконѡ пь / рвыи избъранъ 127
първыи мѹ / ченикъ · дыаконѡмъ (так, вм.: дыакономъ?) първыи избъраныи Са 12
ὁ τῶν μαρτύρων πρῶτος, καὶ διακόνων ὁ πρόκριτος
 ‘первый из мучеников и первоизбранный среди диаконов’.

3. Канон Успению Богородицы *Τάφῳ παρθενობόχῳ* (Ко гробу девоприимну)⁶⁷

3а. Вступительные замечания

При языковых отличиях *F. n. I 37* от студийско-алексиевских миней предсказуемы отличия состава песнопений этой рукописи от основного восточнославянского корпуса. Далее предлагаются материалы для критического издания одного из многочисленных византийских канонов Успению, *Τάφῳ παρθενობόχῳ* (Ко гробу девоприимну), и его древнеболгарского перевода, сохранившегося в единственном известном древнерусском списке *F. n. I 37*. В славистике на этот текст впервые обратил внимание Г. Попов [1995: 9], заметив наличие его славянского перевода в среднеболгарской служебной минее на август XIV в. *Пр23* (л. 60об. —

⁶⁷ Третья часть статьи представляет собой исправленную и дополненную версию более ранней публикации [Кривко 2011].

64об.).⁶⁸ Как показывает выполненное атором этих строк сопоставление *Пр23* с другими минеями, отредактированными согласно Иерусалимскому уставу (*Хл148, ТСЛ588*), упомянутая Г. Поповым минея *Пр23*, как и славянские минеи “новосавваитского” типа, содержит более поздний перевод канона Τάφω παρθενოდόχῳ , чем тот, который находится в рукописи *F. n. I 37*. Греческий оригинал канона, установленный о. П. Планком и К. Луцкой [PLANK, LUTZKA III: 1048-1051], некритически издан лишь однажды [FOLLIERI IV: 36] в составе одной из гимнографических антологий, или праздничных миней, XVIII в. [*Anth* III: ροζ' – ρπ']. По этому же изданию приведены зачала греческих тропарей, указанные в качестве параллелей к славянскому переводу в указателе [PLANK, LUTZKA III: 1048-1051] и даже на уровне инципитов далеко не всегда совпадающие с церковнославянскими переводами. Из византийских рукописных источников до сих пор был известен лишь один, древнейший, *Sn631*, упомянутый в описании служебных миней монастыря св. Екатерины [ΘΕΜΕΛΗΣ 1931: 559]. Между тем канон Τάφω παρθενოდόχῳ широко распространён в византийских служебных минеях XI-XVI вв., с которыми удалось познакомиться автору этой статьи. Во всех источниках, привлечённых далее для издания, канон помещён в день предпразднства Успения, 14 августа, что нашло продолжение в славянской традиции. Благодаря активному литургическому употреблению в византийской гимнографии новый, вероятно, афонско-тырновский, перевод канона конца тринадцатого или начала четырнадцатого веков получил распространение в славянских служебных минеях и даже вошёл в состав новоцерковнославянских печатных миней [PLANK, LUTZKA III: 1048-1051], хотя ни в каких иных, кроме *Anth* (III ροζ' – ρπ'), изданиях греческих литургических книг он не отмечен [FOLLIERI IV: 36]. Очевидно, греческий текст канона по каким-то причинам не был включён в первые издания служебных миней и поэтому исчез из употребления.

На фоне богатой источниками византийской традиции гимна и его распространения в “новосавваитской” славянской переводной гимнографии удивляет уникальность единственной славянской рукописи – свидетеля его древнейшего перевода, – *F. n. I 37*. Этот перевод отсутствует не только в древнерусских служебных минеях на август студийско-алексиевской редакции *Ta* и *Ca*, но и в доступных автору этих строк древнесербских и среднеболгарских праздничных и повседневных служебных минеях ранних, “доафонско-тырновского”, изводов, содержащих гимнографию Успения Богородицы (см. список источников в конце статьи). Таким образом, интерес публикуемого ниже древнего

⁶⁸ См. о рукописи: [Станчев 1981: 92-93]; там же см. литературу и ссылки на более ранние описания.

славянского перевода определяется его уникальностью в сопоставлении с многочисленными византийскими и более поздними церковнославянскими источниками. Лингвистических данных относительно датировки и локализации славянского текста нет, однако, судя по источниковедческим данным, перевод датируется древнеболгарским, а не древнерусским, периодом, в пользу чего свидетельствуют также языковые особенности *F. n. I 37*, упомянутые выше. Восточнославянское происхождение перевода было бы возможно только в рамках студийско-алексиевской традиции, однако именно в студийско-алексиевских минаях *Ta* и *Sa* этот текст отсутствует. Согласно Студийско-Алексиевскому уставу, на утрене в день предпразднства Успения Богородицы положены другие каноны [Пентковский 2001: 361]. Следовательно, в древнерусском списке начала тринадцатого века содержится уникальный фрагмент древнеболгарской переводной гимнографии Успению эпохи Первого царства, не включённый в более поздний отредактированный студийско-алексиевский гимнографический корпус, опирающийся на иные византийские источники.

3b. Древний славянский перевод канона и его греческий оригинал

Далее приводится текст канона, древнейший славянский перевод которого публикуется по единственному известному списку *F. n. I 37*. Новый перевод цитируется по рукописям *Хил148* (л. 161–163) и *ТСЛ588* (л. 115–120об.).

Основной греческий текст канона издаётся по древнейшей рукописи *Sn631* (f. 37v–39) италогреческого происхождения (см. о датировке, локализации и истории рукописей в каталогах, ссылки на которые сопровождают сиглы источников в конце статьи). Разночтения приводятся по рукописям *Cl* (f. 85v–87r), *Cr12* (f. 68v–70v), *Cr23* (f. 188v–189r; в тексте лакуна после третьего тропаря третьей песни до начала девятой; напротив заглавия текста на поле лигатура, сообщающая сведения об авторе: Θεοφάνους [*genetivus auctoris*, т. е. “Феофана Начертанного”, или “Грапта”]; другие атрибуции неизвестны), *Mtr* (f. 184r–186), *Sb71* (f. 132r–134r), *Sb208* (f. 125r–126r), *Ox* (91v–93r), *Sf* (f. 44v–46), *Vt787* (f. 195v–197r). В критический аппарат к греческому тексту внесены чтения первого и второго славянского переводов (с сиглами, соответственно, *slav1* и *slav2*, при этом *slav2* цитируется по списку *ТСЛ588*), которые приводятся в тех случаях, 1) когда хотя бы один из переводов не соответствует чтению основного греческого списка или 2) когда хотя бы один перевод отражает гипотетическое индивидуальное чтение, не засвидетельствованное в привлечённых для издания рукописях. Отсутствие

чтений *slav1* и *slav2* в критическом аппарате означает, что оба славянских перевода восходят к чтению основного греческого списка.

F. n. I 37, 143об. —

Κά̂ γλα̂ · ε̂ · Π̂β̂ · δ̂ · ἱρμ̂ο̂ · κονα̂ ἦ̂ ∴

I 1

Κ̄ζ̄ γροβοӯ δ̄β̄ο̄π̄ρῑᾱτ̄η̄νο̄μο̄ῡ / π̄ρῑδ̄β̄ῑμ̄ζ̄ β̄τ̄ρ̄ν̄ῑη̄ · β̄λ̄γ̄ο̄ο̄ῡ / χ̄αν̄ῑν̄ῑᾱ β̄ζ̄τ̄β̄η̄ν̄ᾱγο̄ π̄ρῑᾱδ̄ / τ̄η̄ τ̄ῡζ̄ῑᾱῑτ̄ε̄ς̄ᾱ β̄ζ̄ τ̄ο̄μ̄β̄ β̄ο̄ / π̄ο̄λ̄ο̄ζ̄ῑσ̄ᾱ · μ̄ῑο̄ρο̄ῡ β̄ζ̄β̄λ̄ᾱγ̄ᾱλ̄ῑ / ψ̄ε̄ δ̄ῡσ̄ᾱ β̄λ̄γ̄ο̄ο̄ῡχ̄αν̄ῑν̄ῑᾱ δ̄δ̄ / σ̄η̄ ὀβ̄ο̄ν̄ᾱῑβ̄ῑσ̄ῑ ∴ /

Sn631, f. 37v–39

Κανών προεόρτιος τῆς κοιμήσεως τῆς παναγίας Θεοτόκου, φέρων ἀκροστιχίδα τήνδε· Τῆς Θεοτόκου⁶⁹ κοίμησιν ἐξάδω λέγων.⁷⁰

ὦδὴ α', ἦχος πλάγιος α'
ἵππον καὶ ἀναβάτην

¹Τάφω παρθενოდόχῳ * ²προσιώμεν οἱ πιστοί, * ³εὐωδίας ἐνθέου * ⁴μεταλαβεῖν σπουδάζοντες, * ⁵ἐν τούτῳ γὰρ τέθηται * ⁶μυροθήκη, πνεύουσα * ⁷εὐωδίαν, ψυχὰς μυρίζουσα.

⁵τεθῆται = *slav1* положиса: Cl=Ct23=Mtr=Sf=Sb71=Sb208=Ox=Vt787 κέχυται = *slav2* ѡзлѣса]

I 2

В̄з̄з̄а̄т̄з̄са̄ ѿ̄ г̄ο̄р̄ы̄ с̄ӣο̄на̄ · с̄ӣο̄н̄ъ̄ / д̄ш̄ев̄ь̄н̄ӣӣ ӣ п̄ο̄ч̄ӣ β̄ζ̄ γ̄ρ̄ᾱδ̄ε̄ / γ̄ε̄ψ̄ῑσ̄μ̄ᾱν̄ῑ
ѡ̄κ̄ο̄ β̄ε̄ζ̄β̄δ̄ш̄ь̄н̄ъ̄ · / β̄а̄ β̄ε̄с̄м̄ь̄р̄т̄ь̄н̄а̄ π̄р̄ӣӣμ̄ъ̄ш̄ӣ · / β̄з̄ ѡ̄δ̄ρ̄ъ̄χ̄ъ̄ π̄ρ̄ν̄ъ̄т̄ь̄χ̄ъ̄ π̄ο̄ч̄ѣ̄т̄⁷¹ ∴ /

¹Ἡρθῆ Σιών ἐξ ὄρους * ²Σιών ἢ ἔμψυχος⁷², * ³καὶ κατέπαυσεν πόλει *

⁶⁹ В акростихе во всех источниках читается “Θεοτόκου”. “Die offensichtliche Fehlschreibung “Θεῦτόκου” nach Ausweis der Troparia, die in Anth III ροζ’ beibehalten wird, erfährt in MV XII 67 Anm. die nötige Verbesserung, ohne daß dort der vollständige Kanon ediert ist (vgl. Follieri IV 120-121). Das fragliche Incipit des 2. Troparions der 3. Ode Ὑπτιαν bietet keinen Anlaß zur Korrektur, zumal ὕπτιος auch in Bezug auf Christus im Grabe verwendet wird (TR 724: “Ὑπτιον ὀρώσα”) [PLANK, LUTZKA III 20-21, Anm. 20] (“очевидная ошибочная форма “Θεῦτόκου”, как она засвидетельствована зачалами тропарей в Anth III ροζ’, была в MV XII 67 (примеч.) должным образом улучшена, без того, чтобы в этом же источнике текст был полностью издан (ср. Follieri IV 120-121). Спорное зачало второго тропаря третьей песни Ὑπτιαν не даёт никаких оснований для конъектуры, особенно в связи с тем, что ὕπτιος употребляется также при описании погребенного Христа (TR 724: “Ὑπτιον ὀρώσα”).

⁷⁰ В *Sb71*, f. 132, вм. λέγων ошибочно и вопреки акростиху λόγῳ.

⁷¹ Сокращённое *почити; см. греч.

⁷² Колон нарушает метрическую схему соответствующего колона ирмоса εἰς θάλασ-

⁴ Γεθημανῆ ὡς ἄψυχος * ⁵ Θεὸν ἢ ἀθάνατον * ⁶ δεξαμένη, κόλποις ἐν * ⁷ ἀκρηάτοις τοῦ ἀναπαύσασθαι.

² Σιών ἢ Sb71 Σιών ὡς] ³ πόλει *conj, ms. πόλι, cf. Sf πόλει Mtr πόλις Cr23* πύλη Sb71=Ox πόλιν] ⁴ ἄψυχος = *slav1* везъдшънъ: Mtr=Sf=Sb71 ἔμψυχος Ox ἔμψυχον = *slav2* вѣдѣвельнъ] ⁵ ἢ Ox=Vt787 τόν] ἀθάνατον Mtr ἀσώματον] ⁷ ἀναπαύσασθαι Sf=Ox ἀναπαύεσθαι

I 3

Иако трогва гласаци · вѣносъ/ныхъ мѡжъ · вѣскликнѣ/те велми · дѣльскага оуста ·
сї/лы вѣзмѣте врата примѣ/те цѣцю вѣ превыспрѣнїа :/

f. 38

¹ Σάλπιγγες ἐνηχοῦσαι * ² τῶν θεοφόρων⁷³ ἀνδρῶν, * ³ ἀνακράζατε μέγα * ⁴ τῶν ἀποστόλων στόματα, * ⁵ δυνάμεις, ἐπάρατε πυλεῶνας⁷⁴, * ⁶ δέξασθε Βασιλίδα * ⁷ εἰς τὰ ἐπέκεινα.

¹ σάλπιγγες ἐνηχοῦσαι = *slav2* Трѣбы вѣшдѣмѣше: *slav1* Иако трогва гласаци (← *Σάλπιγξ ὡς ἐνηχοῦσα?) Vt787 σάλπιγγι τῶν δογμάτων] ³ ἀνακράζατε: Cl=Cr12=Cr23=Mtr=Sb71=Vt787 ἀνακράζατε] ⁵ ἐπάρατε πυλεῶνας Cr12 ἐπάραθητε πυλεῶνες Mtr=Sb208 ἐπάραθητε πυλεῶναι Sb71 ἐπάραθητε πυλεῶνων] ⁶ δέξασθε Sb71 δέξασθαι] Βασιλίδα Ox Βασιλείαν

I 4

Смѣръ како приа · животъ при/сносоуцини · гвѣъ рожши (ia⁷⁵) · // паге нестьства непорогнїа/ къ покою нвсномоу · нъ се · сѣ/твори вѣдка прѣставити та :/

¹ Θάνατον πῶς ὑπέστης, * ² ζῶην αἰῖδιον⁷⁶ * ³ ἢ σαφῶς τετοκυῖα * ⁴ ὑπερφῶς, Πανάμωμε; * ⁵ πρὸς λήξιν οὐράνιον * ⁶ ἀλλὰ τοῦτο ἔδρασεν * ⁷ ὁ Δεσπότης τοῦ μεταστήσαι σε.

² αἰῖδιον: Cr12=Mtr=Sb71 αἰώνιον] ⁶ τοῦτο Sb71 τοῦτον

σαν Ἐρυθράν [HANNICK 2006: 155, E α'1], в соответствии с которым в конце колона должен находиться oxytonon, а не prooxytonon; количество слогов на один меньше требуемого ирмосом. Благодаря этому, однако, антонимы ἔμψυχος во втором колона и ἄψυχος в четвертом оказываются противопоставлены не только благодаря семантике и почти полному созвучию, но и в силу тождественной метрической позиции в колонах (финальный prooxytonon).

⁷³ В соответствии с заданной ирмосом метрической моделью на месте формы θεοφόρων ожидался бы трёхсложный prooxytonon; ср. εἰς θάλασσαν Ἐρυθράν [HANNICK 2006: 155, E α'1].

⁷⁴ Ср. Пс23:7,9.

⁷⁵ Буква затѣрта.

⁷⁶ Второй колон снова короче метрической модели (εἰς θάλασσαν Ἐρυθράν) на один, последний ударный, слог. Форма αἰῖδιον нарушает гомотонию метрической модели ирмоса, согласно которой все слоги в занимаемых словоформой αἰῖδιον позициях должны быть безударными.

Πῦ · ᾱ̄ · ἰρμῶ · ὀυτῶρζιι ∴/

III 1

Πῦми гровъными · нынѣ въ/сълѣмъ ѿгъоу зижителѣ / бѣ родителници · и съ
веспло/тными во̄и · одръ живоноснѣ/ӣ · обистотупимъ славаце · іа̄/ко
престолаъ вѣ-и стѣӣ ·/77

ὠδὴ γ'
ὁ πήξας ἐπ' οὐδενὸς τὴν γῆν

¹ Ἐν ὕμνοις ἐπιτυμβίοις νῦν ἀνυμνήσωμεν * ² τὴν ἀγνὴν τοῦ Κτίστου * ³
Θεοῦ λοχεύτριαν * ⁴ καὶ σὺν ἀσωμάτοις στρατιαῖς * ⁵ σκίμποδα ζοφόρον
* ⁶ περιστοιχίσωμεν, γεραίροντες * ⁷ θρόνον ὡς τὸν θεῖον καὶ ἄγιον⁷⁸.

¹ νῦν ἀνυμνήσωμεν Cr12=Mtr νῦν προπεμψόμεθα Sb71 νῦν δὲ
προπέμψωμεν Cr23=Sf=Ox νῦν ἀναπέμψωμεν = slav1 въ/сълѣмъ, slav2
въ/спослѣ Vt787 συναναπέμψωμεν] ⁴ ἀσωμάτοις Sb71 ἀσωμάτων Cr23
οὐρανία] ⁵ ζοφόρον Cr23 ζοφόρα] ⁶ περιστοιχίσωμεν Mtr=Sf περι-
τειχίσωμεν] ⁷ τὸν Cr12 τό Ox *net*

III 2

Простѣрзѣоӯ ӣ о̄мьршио ви/даце ѡгима · и смѣжьшоуца/ живота припателници
бже/ствыны-и⁷⁹ приноотекѡуции/ истѡтнѣкъ придѣте вѣрны/ми ср̄дци слъзы
истагаюце ·/прикоснѣмъса тоа̄ прѣтомѣ/телеси ∴/

¹ Ὑπτίαν καὶ τεθαμμένην βλέποντες, ὄμματα * ² καὶ κεκαμυσμένην, τὴν
ζωοπάροχον * ³ θείαν καὶ ἀένναον πηγὴν, * ⁴ δεῦτε, πιστοῖς καρδίαις * ⁵
δακρυροοῦντες, ἐφαψόμεθα * ⁶ ταύτης ἀκηράτου τοῦ σώματος.

¹ τεθαμμένην Cr12=Sb71 τεθημμένην] βλέποντες ὄμματα
Cr12=Mtr=Sb71 ὄμματα βλέποντες Vt787 βλέποντες σώματι] ² καὶ κε-
καμυσμένην Vt787 ἐν κεκαλυμμένην] ⁵ δακρυροοῦντες *conj.*, *ms.* δακρυ-
οῦντες, *cf.* Sf=Sb71=Sb208=Ox=Vt787 δακρυροοῦντες] ⁶ ταύτης Vt787
ταύτην]

III 3

Біе̄ бл̄гоӯстьє̄сноіе̄ біе̄ жилї/це̄ вє̄филъ въ̄ истинѡӯ · ӣ гр̄а/дє̄ д̄шє̄внѣ̄ӣ вє̄сѣхъ̄ ѿ̄р̄а
въ̄ и/стинѡӯ · подаж̄ прє̄//гр̄ѣшениє̄мъ̄ нашимъ̄ · въ̄/пам̄л̄ твоѡ̄ ѡ̄поӯщє̄ниє̄
вє̄с̄/мъ̄ ѡ̄ вѣдъ̄ сп̄си ∴/

¹ Τὸ θεῖον καὶ εὐαγές Θεοῦ οἰκητήριον, * ² ἡ Βεθῆλ⁸⁰ ἡ ὄντως καὶ

⁷⁷ См. библейские аллюзии в примечаниях к греч. тексту.

⁷⁸ Ср. Ис6:1-2; Песн3:7.

⁷⁹ Гаплография из вѣжє̄ствыны̄ и, ср. греч. θεῖαν καὶ.

⁸⁰ Ср. Быт28:19.

πόλις ἔμψυχος *³ τοῦ παμβασιλέως ἀληθῶς · *⁴ βράβευσον τῶν
πταισμάτων *⁵ ἡμῖν τῆ μνήμη σου τὴν ἄφεσιν *⁶ πάντων, καὶ
κινδύνων διάσωσον.

¹ εὐαγές = *slav1* вл̄гоуѣстьноіе: Sf εὐγενές = *slav2* вл̄гоροдноε] ² ἢ Βεθὴλ ἢ =
slav1 Вефила: Sb71 ἢ νεφέλη Sf ἢ καθέδρα = *slav2* еѣдальце Vt787 Βη-
θλεέμ ἢ] καὶ πόλις Vt787 πόλις ἢ] ³ ἀληθῶς Cr12=Mtr=Sb71 οὐρανῶν] ⁴
βράβευσον Sb71 βραβεύων] ⁵ τῆ μνήμη σου *conj., ms.*: τὴν μνήμην σου,
cf. Cl=Cr12=Mtr=Sf=Ox τῆ μνήμη σου = *slav1* вѣ/памл̄ твою, *slav2* памл̄тїю
твоєю] ⁶ πάντων καὶ Cr12 πάντων τε

πῆ · δ̄ · ἱρμῶ · β̄νῑ ραζοῡ: /

IV 1

Нѣсна̄ӣа̄ мно̄жьств̄а вѣзвесе̄ли/теса̄ · оӯго̀тoв̄ӣте̄ б̄н̄ю̄ ѿ̄т̄oӯг̄ӣō/м̄т̄р̄ь̄ п̄рӣа̄тӣ · ц̄р̄ц̄ю̄ в̄с̄ѣмӣ
з̄ь/д̄анӣӣ вл̄г̄oӯт̄ӣв̄ӣмӣ ѡ̄б̄ла̄/д̄а̄ю̄цӣ : /

ὠδὴ δ'

τὴν θείαν ἐννοήσας σου κένωσιν

¹ Οὐράνιοι οἱ δῆμοι, εὐφραίνεσθε, *² παρασκευάσθητε Θεοῦ *³ ἀγνὴν
μητέρα εἰσδέξασθαι, *⁴ τὴν Βασιλίδα τὴν πάντων⁸¹ *⁵ κτισμάτων
εὐαγῶν κυριεύουσιν.

¹ οἱ Sf *nem* Vt787 νῦν] εὐφραίνεσθε = *slav1* вѣзвесе̄литеса̄: Sf εὐφραίνονται
= *slav2* весе̄ла̄тса̄] ³ εἰσδέξασθαι Sf ἐκδέξασθαι] ⁴ τὴν πάντων Sb71 τῶν
πάντων Ox καὶ πάντων]

IV 2

Да̄ т̄реп̄ец̄но̄ть̄ вѣз̄до̄ӯшнӣӣ д̄сӣ : / да̄ оӯс̄тoӯг̄ӣт̄ь̄ же̄ ӣ т̄ъ̄ сам̄ъ̄ : / м̄ӣро̄д̄ь̄р̄ж̄ӣт̄ель̄ во̄
нӣз̄ъ̄лōж̄ӣ/са̄ · по̄с̄рам̄лен̄ъ̄ в̄ӣда̄ · ѿ̄ з̄ем̄ла̄/вѣз̄им̄л̄емо̄ӯ б̄н̄ю̄ м̄т̄р̄ь̄ : /

¹ Κλονείσθω ἐναέρια πνεύματα *² ὑποχωρεῖτω δὲ αὐτῆς *³ ὁ

⁸¹ В четвёртых колонах каждого тропаря четвертой песни с заданной ирмосом моделью не совпадает ни одно ударение, а количество слогов (8) на четыре меньше, чем в соответствующем фрагменте ирмоса ἐξηλθε̄ς γὰρ εἰς σωτηρίαν λαοῦ σου (12) [HANNICK 2006: 159, E δ'1]. Это отступление от схемы не является ни порчей текста, ни "творческой неудачей" автора. Все четвертые колоны каждого из тропарей этой песни построены по одинаковой метрической модели и, хотя и отступают от требуемого ирмосом метра, однако согласуются между собой: каждый четвертый колон состоит из восьми слогов с обязательным ударением на четвертом и седьмом слогах. Ударения приходятся на значимые (не служебные) лексемы и, за единственным исключением, являются острыми. Тупое ударение формы περιστῆρᾱ (Σολομόντος) в последнем, четвертом, тропаре (см. далее) обусловлено позицией окситональной словоформы внутри фразы не перед клитикой. Регулярность и оправданное ожидание такой "силлаботонической" модели в каждом из четвертых колонов четвертой песни доказывает, что отступления от метрической схемы ирмоса были сделаны сознательно.

κοσμοκράτωρ κατάπτωται *⁴ καταισχυμένος γὰρ βλέπων *⁵ ἐκ γῆς
ἐπαιρομένην τὴν θεομήτωρα⁸².

² αὐτῆς Sb71=Sb208=Sf=Ox αὐτός = *slav1* тѣ сѧмѣ = *slav2* сѧмы Vt787
αὐτὰ] ³⁻⁴ κατάπτωται καταισχυμένος γὰρ βλέπων Cl κατάπτω-
τος καὶ αἰσχυνόμενος βλέπων Sf κατέπτωται καταισχυνόμενος
βλέπων Mtr=Sb71 κατάπτωτος καὶ αἰσχυνέσθω προβλέπων *slav2*
да падаєтѣ/поєрамленѣ видѧ (← *καταπίπτη⁸³ καταισχυμένος βλέπων?)
Ox κατέπτωται γὰρ καταισχυνόμενος βλέπων = *slav1* во низъложї/са ·
поєрамленѣ видѧ (← *κατέπτωται/κατεπτώθη γὰρ καταισχυμένος
βλέπων) Sb208 καταπέμπεταισχυνόμενος βλέπων Vt787
κατάπτωται καὶ αἰσχυνομένος βλέπει] ⁵ ἐκ γῆς Sf = Vt787 om] θε-
ομήτωρα Mtr ἄνασσαν Ox ἄχραντον]

IV 3

Оуже не ѡбразно въ гадании⁸⁴ · ѿ/жрьць кивотъ · завѣтъный но/сигьса · аплы же въ
истиноу · / въ нашего мти носигьса ∴/

¹ Οὐκέτι τυπικῶς ἐν αἰνίγμασιν *² ὑφ' ἱερέων κιβωτὸς *³ τῆς
διαθήκης βαστάζεται *⁴ ὑπ' ἀποστόλων δὲ ὄντως *⁵ Θεοῦ ἢ Μήτηρ
ἐπαναφέρεται.

¹ αἰνίγμασιν Vt787 ἐνίγματι] ⁵ Θεοῦ ἢ Ox τοῦ Λόγου Θεοῦ *slav1*
add. нашего (← *Θεοῦ ἡμῶν ἢ)] ἐπαναφέρεται Mtr βαστάζεται = *slav1*
носигьса, *slav2* но/сима есть Sb71 ἐπαναπέπαυται

IV 4

Оусноу-въ⁸⁵ въжтѣвѣнаїѧ и прїєдє/и оупючи въ животьныхъ/храминахъ
неїздрєченны/хъ · голоубица соломо//на · нарицаєтѣса · и всекрась/наїѧ
и всечїстїѧ ∴

¹ Ὑπνώσασα εἰς θεῖαν κατέπαυσεν *² καὶ ἀνεπαύσατο ζωῆς *³ ἐν τοῖς
ταμείοις εἰς ἄληκτα *⁴ περισσότερὰ Σωλομόντος *⁵ καλὴ τε καὶ ὠραία
καὶ πάνσεμνος.⁸⁶

⁸² В этом тропаре не только четвертый, но и пятый колоны нарушают и гомотонию, и изосиллабизм соответствующих колонов ирмоса: ἐξηλθεῖς γὰρ εἰς σωτηρίαν λαοῦ σου * τοῦ σώσαι τοῦ χριστοῦ σου ἐλήλυθας [HANNICK 2006: 159, E δ' 1]. В пятом колоне количество слогов на два больше требуемого моделью, однако разночтения Sf, Vt787, Mtr, Ox могут не только отражать попытки восстановить изосиллабизм и отчасти гомотонию за счёт устранения двух лексем (ἐκ γῆς) или замены более длинных словоформ более короткими, но и быть свидетелями первоначальных чтений.

⁸³ Форма конъюнктива наст.вр. не засвидетельствована ни одним греч. источником; ср., однако, конъюнктивный аор. καταπτῶται (от καθίπτται).

⁸⁴ В греч. мн.ч.; въ гаданиі из *въ гаданиихъ?

⁸⁵ Очевидно, гаплография из *оусноувъ въ; см. греч.

⁸⁶ Ср. Песн. 5:2, 6:9.

V 3

ЇѢЗЪ ПРЕЖИТВЪНЬИИ · СЛАВЫ ГЪ · Ѡ / ТВОИЕА ѠУТРОБЫ · РОЖЬСА МЛѢТЪ/ІѠ · ТЪ ЖЕ ТА
и прѣстави · Ѡ ЗЕМЛА/ БИГА МТИ СЪ ДШЕЮ И ТЪЛЪЗМЪ ∴/

f. 38v

¹Ἰησοῦς ὑπέρθεος * ²τῆς δόξης Κύριος * ³ὁ σῆς νηδύος τεχθεῖς δι' οἶκτον * ⁴ὁ αὐτὸς μετέστησεν ἐκ γῆς, Θεομητορ, * ⁵σὺν τῇ ψυχῇ τὸ σῶμά σου.

¹Ἰησοῦς Oх *add* ὁ] ²Κύριος Sb71 *om*] ³ὁ σῆς Oх ὁ ἐκ τῆς σῆς Vt787 ὡς εἰς (ὡς εἰς?)] ⁵τὸ σῶμά σου Sf καὶ σώματι = *slav1* и тѣлѣзмѣ, *slav2* и тѣломѣ Oх тѣ σώματι]

ПѢ · Ѣ · ІРМО · ВЪЛНАЩЕІЕСА ∴/

VI 1

СЪ АНГЛЫ ТЫЦЪМЪ · ΔΡΧΑΝΓΛЫ/и СЪ ВЛАСТЪМИ · Й НАУДАЛЫ И ПРЕ/СТОЛЫ · И СИЛАМИ · ВЪ СИОНЪ ВЕ/ЛИКОЕ ЧЮДО ВИДАЩЕ ∴/

ὦδὴ στ'

μαινομένην κλύδωνι ψυχοφθόρῳ

¹Μετ' ἀγγέλων δράμωμεν * ²ἀρχαγγέλων καὶ ἐξουσιῶν * ³καὶ ἀρχῶν καὶ θρόνων καὶ δυνάμεων * ⁴ἐν τῇ Σιών * ⁵τὸ μέγα θαῦμα ὀψόμενοι.
⁵ὀψόμενοι = *slav1* видаще: Mtr=Sf=Vt787 ὀψόμεθα = *slav2* ѡзрѣи/: Oх θεάσασθαι]

VI 2

Живоу родителнице · како приид · /СЪМЪРТЬ ТЛІА ѠУБЪЖАВЪШИ ВЪ/САКОІА · НЪ ІАКО ВЪ ИСТИНОУ ТВО//ІА · ПАЧЕ ИСТЪСТВА ЧЪІА ДВО · /ТАІНЪСТВА ∴/

¹Ἡ ζωῆς κυήτρια * ²πῶς ὑπέστης θάνατον, φθοράν * ³πεφευγυῖα πᾶσαν; ἀλλ' ὡς ὄντως σου * ⁴ὑπερφυῖ, * ⁵ἀγνή παρθένε, μυστήρια.

¹ζωῆς κυήτρια Cr12=Mtr ζωὴν κυήσασα] ²θάνατον Sf θανάτου] ³φθοράν Mtr φθορᾶς] ⁴παρθένε Cr12 τὰ θεία] ⁵μυστήρια Oх μυστήριον]

VI 3

СИОНИТЛАНЕ ІЕЛИКО ЖЕ · СВОІА/СВѢЦА · ВЪЖЬГЪШЕ СВѢТЪ /ПРИМЪШНОІѠ ПРИДѢТЕ ѠСЪ/РАЩЕМЪ · ВЪ ГЕФСИМАНИІѠ /и тоу ПѢМИ ПРЕДПОСЛАВЪМЪ ∴/

¹Σιωνίται ὅσοι τε * ²τὰς λαμπάδας ἄψαντες τὸ φῶς * ³δεδεγμένην, δεῦτε, ὑπαντήσωμεν * ⁴Γεθημανῆ, * ⁵καὶ ταύτην ὕμνοις προπέμψωμεν.

¹ ὅσοι τε Cl=Sb71=Mtr=Sb208=Vt787 ὅσοι] ² ἄψαντες = *slav1* вѣжъгъше: Sf ἄψατε = *slav2* вѣжежете] τὸ φῶς Cr12 τῆ φῶς] ³ δεδεγμένην *conj.*, *ms.*: δεδεγμένοι⁹⁰, *cf.* Vt787 δεδεγμένη Cl=Sf=Ox δεδεγμένην = *slav1* приимъшио⁹¹] ⁵ ταύτην Vt787 ταῦται] προπέμφωμεν Ox προσπέμφωμεν

Пѣ · љ · ĩрѣ · прѣвѣзносимъ:/

VII 1

Цѣнникъ множество людии / же сѣставъ · ѡтроковицѣ же въ/си · двѣѣ ликогюѣ · вѣспои/те · двѣе прѣставлениѣ бжѣвъ/ноѣ ·

ὠδὴ ζ

ὁ ὑπερυψούμενος τῶν πατέρων

¹ Τερείων δῆμοί τε * ² καὶ λαῶν συστήματα, * ³ νεάνιδες ἅπασαι, * ⁴ παρθένοι, χορεύσατε, * ⁵ ὑμνήσατε παρθένου * ⁶ τὴν μετάστασιν τὴν θείαν.

¹⁻² δῆμοί τε Cr12 δῆμός (= *slav1* множество) τε καὶ Mtr δῆμοί τε καί] καὶ *conj.*, *cf.* Cr12, Mtr, *ms.* καὶ *om.*] ⁴ χορεύσατε = *slav2* ликог/йте: Cl χορεύουσαι = *slav1* ликогюѣ] ⁵ ὑμνήσατε Cr12 μέλποντες τῆς] παρθένου Mtr μητέρος]

VII 2

Законой ἢ бл҃гдти · би/ѣ м҃ре · оуспение логъши/и · похвалите поюѣ · сѣгласъ/но поюѣ · ве бл҃гъ ·

¹ Νόμου καὶ τῆς χάριτος * ² τῆς θεομήτορος⁹² * ³ τὴν κοίμησιν πρόκριτοι * ⁴ αἰνέσατε, μέλποντες, * ⁵ συμφώνως μελωδοῦντες · * ⁶ <ὁ Θεός, εὐλογητὸς εἶ>⁹³.

⁵ μελωδοῦντες Cr12 καὶ βοῶντες]

⁹⁰ Правильность конъектуры подтверждается местоимением ταύτην в пятом колоне. При отсутствии в тексте формы (τὸ φῶς) δεδεγμένην 'приявшую (свет)' остаётся неясным, на кого (ταύτην 'эту; её') указывает местоимение.

⁹¹ К чтению δεδεγμένην Sf=Ox восходит также новый перевод свѣтѣ ѡблѣ/женюу TC/L588 118, в котором вин.п. прямого объекта был понят как винительный отношения и, соответственно, передан тв.п. При этом был калькирован медио-пассивный залог причастия от глагола дѣχομαι 'принимать; получать'. В результате выражение τὸ φῶς δεδεγμένην 'Свет приявшую (т.е. зачавшую Христа)' было понято как 'охваченную светом'. (Возможно, оправданием такого прочтения является свет, сошедший, согласно агиографическому преданию, на Богородицу перед её смертью.)

⁹² Колон на один слог короче требуемого метрической схемой; ср. τῶν πατέρων κύριος [HANNICK 2006: 163, E ζ'1].

⁹³ На месте фразы в скобках в рукописи сокращение ὁ θεός и лигатура εὐλογητὸς. Ср. ὁ Θεός εὐλογητὸς εἶ Cr23 = Mtr.

VII 3

ῶτς σιόνα πρῆταῖα βζζατῶσα/δῆν · στῆζ στῆαῖ · γορα στῆαῖ · ἡ βε/λιηά ἱεμοῦζε
βζπιεμζ · βε βῆ:/

¹ Ἐκ Σιών ἡ πάναγνος * ² μετῆρε σήμερον⁹⁴, * ³ ἁγίων εἰς ἁγία * ⁴ τὸ ὄρος τὸ ἅγιον * ⁵ καὶ μέγα, ᾧ βοῶμεν · * ⁶ <Ὁ Θεός, εὐλογητός εἶ>.

¹ Ἐκ *conj.*, *ms.* Ἐν = *slav2* βζ, *cf.* Cr12 = Mtr ἐκ = *slav1* ὄτς] ⁵ καὶ μέγα Cr12 Κυρίου] в Vt787 *тромарь отсумствуем*

VII 4

Ἐ Странно и неіздреченно · тво/его оуспениа · и твоего пре/ставлениа тайнство
пре//чистаа · негоже чтоуцме вζ/пиεμζ · βε βῆгнз іεс:/

¹ Ἐένον καὶ ἀνέκφραστον * ² τὸ τῆς σῆς κυέσεως * ³ καὶ τῆς μεταστάσεως * ⁴ μυστήριον, Πάναγνε, * ⁵ ᾧ σέβοντες βοῶμεν * ⁶ <Ὁ Θεός, εὐλογητός εἶ>.

² τό Mtr=Ox=Vt787 *om*] ³ καὶ Mtr τό] ⁴ Πάναγνε Ox Ἄχραντε] в Sf *тромарь отсумствуем* = *slav2*] в Sb71 *другой богородичен* (см. VII 4a)

VII 4a

Sb71, f. 133v (textus unicus)

¹ Ἐένη σου ἡ κοίμησις * ² καὶ ἡ μετάστασις, * ³ Παρθένε πανάμωμε, * ⁴ Θεὸν γὰρ ἐγέννησας * ⁵ ᾧ πάντες μελωδοῦμεν * ⁶ Ὁ Θεός εὐλογητός <εἶ>.

пѣ · ѿ · ірмо · Тебе вседѣтеліа ·:/

VIII 1

Црїе всѣхъ женъ дѣце · млтвы /принеси хви за чѣтоуцихъ /любзвнио памать твою ·
и/превзгносащи-х-а⁹⁵:/

ᾠδὴ ἡ
σοῦ τῶ Παντουργῶ * ἐν τῇ καμίνῳ

¹ Ἄνασσα πασῶν * ² τῶν γυναικῶν, Παρθένε, * ³ δεήσεις προσάγαγε * ⁴ Χριστῶ τῇ μνήμῃ σου * ⁵ ὑπὲρ τῶν ταύτην ἐν πόθῳ ἐκτελούντων * ⁶ καὶ ὑπερυψούντων εἰς πάντας τοὺς αἰῶνας.

² γυναικῶν Cr12=Mtr=Sb71 ἀνασῶν] ⁵ ταύτην ἐν πόθῳ Sb71 ταύτη

⁹⁴ Колон на один слог короче требуемого метрической схемой; ср. τῶν πατέρων κύριος [НАННИК 2006: 163, Е ζ'1]. По этому признаку данный колон имеет сходство со вторым колоном предыдущего тропаря, также нарушающего метрическую схему; сходство обоих колонов между собой и метрической схемой состоит в том, что все они завершаются пропарокситональной словоформой.

⁹⁵ Гаплография от *превзгносащихъ хръста.

Παρθένε Οχ ταύτην ἐκ πόθου] ⁶ ὑπερουφούντων Cr12 *добавлено*
Χριστόν = *slav1* χα

VIII 2

Придѣте сиѡньскыѣ дѣцери / всѣ дшгѣ дѣвѣствоуицѣ · ли/кѣ сѣстававшѣ · ѡ
πρεσταвле/ний мѣтре бопрιαтъныѣ · /ποῑτε ουσπѣшьно то̄ι · вѣ / вѣкы вса ∴

¹ Δεῦτε τῇ Σιών * ² αἱ θυγατέρες πᾶσαι * ³ ψυχαὶ παρθενεύουσαι * ⁴
χορὸν προσπλέξασαι * ⁵ τῇ μεταστάσει μητέρος τῆς θεοδόχου⁹⁶ * ⁶
μέλψατε προθύμως αὐτὴν εἰς τοὺς αἰῶνας.

¹ τῇ Σιών Cr12=Sb71=Ox=Vt787 τῆς Σιών = *slav1* сиѡньскыѣ] ⁴ χορὸν
προσπλέξασαι Cr12 Χριστῶ προσδέξασθε Mtr=Sb71 χορῶ
προσδόξασθε Vt787 χορὸν προσπλέξατε] ⁶ αὐτὴν Vt787 om.] Sf
тропарь отсумствуем = *slav2*

VIII 3

Лѣко свѣтлобразно · ѡц̄ино добро/то̄ио вжѣвъно̄ио · лице тво̄е не/πορογ̄ηνᾱ · славо̄ο
сина̄ῑο̄це/вжѣвъна̄го дѣвства · преоукр/шенна̄ вѣ вѣкы ∴/

¹ Ὡς φωτεινὸς * ² ἡγιασμένον κάλλει * ³ θεότητος πρόσωπον * ⁴
τὸ σὸν, Πανάμωμε, * ⁵ δόξη ἐκλάμπων τῆς θείας παρθενίας * ⁶ τῆς
ὠραϊσμένης εἰς πάντας τοῦ αἰῶνας.

¹ Ὡς Sb71 Τῶ] ² ἡγιασμένον Οχ ἡγιασμένην] κάλλει Sb71 κάλλος Vt787
κόρη] ⁵ δόξη Sf=Sb71 δόξης

VIII 4

Гл̄ати не могу · недооумѣ̄ӣа / трепещю · и вс̄ь ο̄удивля̄ю̄са / твоим̄ъ доброта̄мъ · нѣ
лю/вѣвъ д̄вце̄ вид̄ац̄е̄ · вжѣвъ//ным̄ӣ вѣзда̄ж̄ь · бл̄гд̄т̄ьмӣ/весп̄рестанӣ ∴/

¹ Λέγειν ἀσθενῶ * ² ἰλιγγῶ δὲ τρέμον * ³ καὶ ὅλως συστέλλομαι * ⁴ τὰ
σὰ ὑπέρογκα * ⁵ ἀλλὰ τὸν πόθον, Παρθένε, ἐφορῶσα * ⁶ θείοις // f. 39r
ἀνταμείβω χαρίσμασιν ἀπαύστως.

² ἰλιγγῶ: *slav1* недооумѣ̄ӣа⁹⁷ (← *ἰλλιγγῶν?)] δὲ τρέμον Cr12=Mtr δὲ
τρέμω Sf=Sb71=Sb208 δὲ τρέμω ≈ *slav1* трепещю Οχ καὶ φρίττω = *slav2* ἡ
тре/пещ̄ (← *καὶ τρέμω?)] ³ ὅλως: *slav1* вс̄ь, *slav2* весь (← *ὅλος?)] ⁴ ὑπέρο-
γκα Cr12=Mtr μυστήρια] ⁵ ἐφορῶσα Sb71 ἀφορῶσα Οχ ἐφορῶσου]

⁹⁶ Колон на один слог превышает метрическую схему, гомотония в последней словоформе нарушена, ср.: πάντα τὰ ἐργα τὸν κύριον ὑμνεῖτε [HANNICK 2006: 165, E η'1].

⁹⁷ Написание может быть результатом паронимической аттракции недооумѣ̄ӣа и *недооумѣ̄ӣо и таким образом отражать засвидетельствованное чтение греческого текста, однако нельзя исключать и того, что чтение древнерусского списка является результатом позднеревнеболгарской мены юсов.

ἀνταμείβω Sf ἀνταμείβων Vt787 ἀνταμείβου = *slav1* вѣздажъ] Cl
тропарь отсупствует

πῆ · δ̄ · ἱρμῖο · Ἰσαίῃα λικοῦϛ·/

IX, 2-й ирмос⁹⁸

Жьзлз̄ прозавъшиӣ ѿ̄ двѣд̄ска/го̄ корене · б̄ще̄ препѣта̄ӣ · цвѣ̄т̄ъ̄ красныӣ намъ̄
в̄зсӣд̄/ла̄ ӣси · п̄р̄ва̄го̄ в̄л̄ж̄ньства̄/χ̄οδ̄ᾱτᾱῑα · τ̄ѣ̄м̄ъ̄ т̄а̄ в̄сӣ π̄ѣ̄/мӣ не̄пр̄ε̄ста̄ньно̄
в̄елӣχ̄ᾱῑε̄ ϛ·/

ὠδὴ θ´

Ράβδος βλαστήσασα δαυιτικῆς ἐκ ρίζης, Θεοτόκε πανύμνητε, ἄνθος
ὠραιότατον ἡμῖν ἀνέτειλας τῆς ἀρχαίας πρόξενον μακαριότητος · διό
πάντες σε ὕμνοις ἀκαταπαύστως μεγαλύνομεν.⁹⁹

πρόξενον Οχ πρόξενος] διό πάντες σε ὕμνοις ἀκαταπαύστως: Cr12 διό
σε πάντες ὕμνοις Οχ διό σε πάντες ἐν ὕμνοις ἀκαταπαύστως]

IX 1

Б̄л̄го̄ же̄ б̄л̄го̄ же̄ ге̄в̄ѣ̄¹⁰⁰ (!) · оӯк̄ра̄ше̄/на̄ӣа̄ не̄в̄ѣ̄сто̄ б̄а̄ на̄ше̄го̄ · ма̄/тӣ д̄во̄ · то̄бо̄ю̄ бо̄
по̄по̄л̄з̄е̄н̄ӣ/ӣε̄ ἡ̄сп̄ρᾱв̄ӣса̄ а̄д̄а̄мо̄во̄ · ἡ̄ ӣε̄в̄ъ̄/жӣно̄ пр̄ε̄л̄ь̄че̄н̄ӣе̄ па̄го̄ӯб̄ъ̄/но̄ӣε̄ · τ̄ѣ̄м̄ъ̄ т̄а̄ в̄сӣ
π̄ѣ̄/мӣ не̄/пр̄ε̄ста̄ньно̄ в̄елӣχ̄ᾱῑε̄м̄ъ̄ ϛ·/

Εὐγε, εὐγε συ, ὠραῖσμένη νύμφη, τοῦ Θεοῦ Μητροπάρθενε, ἐν σοῖ
γὰρ ὀλίσθημα ἐπανορθώθη Ἀδὰμ καὶ τῆς Εὐας ἥττημα ὀλέθριον · διό
πάντες σε ὕμνοις ἀκαταπαύστως μεγαλύνομεν.

сӯ Sb71 σοῖ] Θεοῦ Cr12=Mtr Χριστοῦ] γὰρ Cr12=Mtr *add.* τό] πάντες
σε Cr12=Sf=Sb71=Sb208 σε πάντες ἐν] ἀκαταπαύστως Cr12=Mtr=Sb71
от.] ἀκαταπαύστως μεγαλύνομεν Cr23 ἄξιο... μακαρίζομεν] *тропарь
отсупствует в Ох, на ego месте находится другоῦ* (см. IX 1a)

IX 1a

Οχ, f. 92v (textus unicus; τροпарь в основном повторяет ирмос,
за исключением зачала, благодаря чему сохраняется акростих)

Ἐκ ρίζης, Θεοτόκε Πανύμνητε, ἄνθος ὠραιότατον ἡμῖν ἀνέτειλας τῆς
ἀρχαίας πρόξενον μακαριότητος · διό σε πάντες ἐν ὕμνοις ἀκατα-
παύστως μεγαλύνομεν.

⁹⁸ См. комментарии ниже.

⁹⁹ Во всех рукописях только этот ирмос написан полностью; см. комментарии.

¹⁰⁰ Буква г внизу подтерта; следует читать *тевѣ̄.

IX 2

Υ̅ςτ̅β̅τ̅ δ̅ο̅σ̅τ̅ο̅ῖ̅νο̅υ̅ῖ̅ο̅ τ̅ι̅ · β̅ζ̅ π̅ο̅δ̅α̅/ι̅ε̅τ̅η̅ · ι̅α̅κ̅ο̅ β̅λ̅δ̅κ̅α̅ τ̅β̅ο̅ῖ̅ π̅ρ̅ῶ̅τ̅α̅/ι̅α̅ · μ̅υ̅ ἡ̅ ἑ̅τ̅ο̅ π̅ρ̅ι̅ν̅ε̅σ̅ε̅μ̅ζ̅
 τ̅ι̅/χ̅ο̅υ̅δ̅ι̅ι̅ · η̅ς̅ π̅ρ̅ι̅μ̅ι̅ τ̅ζ̅κ̅μ̅ο̅ / ι̅ε̅δ̅ι̅ν̅ο̅ ἡ̅ζ̅β̅ο̅λ̅ε̅ν̅ι̅ε̅ · ἡ̅ ἡ̅ π̅ρ̅ε̅ζ̅/ρ̅ι̅ λ̅υ̅β̅ζ̅β̅ε̅ · τ̅ε̅β̅ε̅
 λ̅υ̅β̅α̅ψ̅ι̅χ̅ζ̅ ὀ // π̅ρ̅ε̅ν̅ε̅π̅ο̅ρ̅ο̅ῦ̅ν̅α̅ῖ̅α̅ ÷/

Γέρας ἐπάξιον σοὶ ὁ Θεὸς προσνέμει ὡς Δεσπότης σου, Πάναγνε, ἡμεῖς τί προσοίσωμεν οἱ εὐτελέστατοι; ἀλλὰ δέχου μόνην τὴν προαίρεσιν καὶ μὴ παρίδης τὴν σχέσιν τῶν σὲ ποθοῦντων, Πανάμωμε. σοὶ ὁ Θεός Cr12 σοὶ ὡς Θεόν Sb71 σοὶ ὡς Υἱός Cr23 εἰ ὁ Θεός Mtr σοὶ ὡς Θεός] ὡς Cr12=Sb71 ὁ] σου Πάναγνε = *slav1* τβοῖ πρῶτα/ι̅α̅: Sf σου Παρθένε] ἡμεῖς Sf *add.* δέ] προσοίσωμεν Cr12 προσδίσωμεν] μόνην Vt787 μόνη] μὴ παρίδης τὴν σχέσιν τῶν σὲ ποθοῦντων, Πανάμωμε Sf τοὺς σὲ πόθω τιμῶντας ὡς Θεοτόκον διαφύλαττε] τὴν σχέσιν = *slav2* οὔφερδι̅ε̅ = *slav1* λυβζβε ← *πόθον?] ποθοῦντων Mtr *add.* ὦ] Πανάμωμε Sb71=Sb208 ὦ ~] β Cl *τροπαρὲ* *отсутствует*]

IX 3

Ἰ̅α̅κ̅ο̅ἡ̅ β̅υ̅σ̅ῖ̅ν̅ι̅ι̅ ε̅ς̅ζ̅β̅δ̅ζ̅ · ι̅ζ̅ι̅/δ̅ε̅ ι̅ζ̅β̅ ο̅υ̅τ̅ρ̅ο̅β̅ι̅ τ̅β̅ο̅ῖ̅α̅ π̅ρ̅ῶ̅τ̅α̅/ι̅α̅ · η̅α̅ς̅ π̅ο̅ς̅β̅τ̅ι̅ η̅ς̅ τ̅ε̅β̅ε̅
 (!) β̅ο̅ν̅ε̅β̅ε̅/σ̅τ̅ῆ̅ν̅α̅ῖ̅α̅ · ο̅υ̅π̅ο̅δ̅ο̅β̅α̅ψ̅ι̅ο̅ς̅ σ̅ε̅μ̅δ̅ · /π̅ρ̅ι̅ζ̅ρ̅ι̅ ὦ̅ ἡ̅β̅ῆ̅ν̅η̅χ̅ζ̅ ἑ̅ρ̅τ̅ο̅γ̅ζ̅ · /η̅α̅ π̅ο̅ο̅ψ̅ι̅χ̅ζ̅
 π̅α̅μ̅ᾶ̅ τ̅β̅ο̅ῖ̅ ÷/

Ὡσπερ ὑψιστος συγκαταβάς προῆλθεν ἐκ νηδύος σου, Πάναγνε, ἡμᾶς ἐπεσκέψατο ἐκ σοῦ, Θεόνυμφε, μιμουμένη τοῦτον συνεπίσκεψαι ἐξ οὐρανίων θαλάμων τοὺς ὑμνητὰς τῆς θείας μνήμης σου.

ὑψιστος Cr12=Sf=Sb71 ὁ ~] Πάναγνε Sf Παρθένε] θεόνυμφε Mtr=Sb71 θεόνυμφευτε] τοῦτον Cr23 *add.* νῦν Sb71 *add.* δέ] συνεπίσκεψαι Sb71 ἐπίσκεψαι] ὑμνητὰς Vt787 ὑμνοῦντες] τῆς θείας μνήμης σου Mtr τοὺς σοὺς πανύμνετε Cl=Sf=Sb71=Sb208 τοὺς σοὺς τῆ μνήμη σου Vt787 σε, Πανάχραντε]

IX 4

Π̅ο̅ς̅β̅δ̅ο̅υ̅ ἑ̅ρ̅β̅ι̅ η̅α̅σ̅ε̅μ̅ο̅υ̅ δ̅α̅ζ̅β̅ · /ζ̅α̅λ̅ο̅ζ̅η̅ν̅ι̅ε̅ ἡ̅μ̅ο̅υ̅ψ̅ι̅ο̅ · ὑ̅ς̅τ̅β̅ῆ̅ν̅η̅/ι̅α̅ ρ̅ι̅ζ̅ι̅ π̅ο̅γ̅ρ̅ε̅β̅ε̅ν̅ι̅α̅ τ̅ι̅
 · η̅α̅/ο̅υ̅τ̅β̅ρ̅ῖ̅η̅ν̅ι̅ε̅ π̅ρ̅ι̅σ̅κ̅ο̅ · η̅ ἑ̅τ̅δ̅/ψ̅ι̅ο̅ π̅α̅γ̅ε̅ π̅α̅μ̅α̅τ̅η̅ τ̅β̅ο̅ῖ̅ · ἑ̅ρ̅κ̅ι̅/β̅ι̅α̅ μ̅τ̅ι̅ · β̅ρ̅α̅γ̅ι̅ β̅σ̅α̅
 π̅ο̅κ̅α̅ρ̅α̅/ἰ̅ο̅ψ̅α̅ ÷/

Νίκην τῷ ἄνακτι τῷ ἡμετέρῳ δίδου τὸ ἐνέχυρον, ἔχοντι σεπτὰ σου ἐντάφια εἰς ἀσφάλειαν καὶ τιμῶντι μάλιστα τὴν μνήμην σου βασιλικῶς, Θεομήτωρ, τοὺς δυσμενεῖς καθυποτάσσοῦσα.

ἀσφάλειαν Mtr ἀσφάλειαν ἀεὶ Sb71 ἀσφάλιν ἀεὶ Sf ἀσφαλείας] β Vt787 *τροπαρὲ* *отсутствует*

α̅ π̅ρ̅ᾶ̅ν̅ικ̅δ̅ · κ̅ᾶ̅ · π̅ι̅ · η̅α̅ κ̅ο̅ν̅τ̅ι̅ κ̅η̅ῖ̅·/

Зс. Коментарии

I 1

Словообразовательная калька $\overline{\text{двоприѣтъномуу}}$ ($\overline{\text{д'воприѣтъныи}}$), как и её греч. оригинал $\overline{\text{παρθενοδόχῳ}}$ ($\overline{\text{παρθενοδόχος}}$), не зафиксированы ни в словарях, ни в базах данных [Словник; TLG] славянских и греческого языков. Ср. описательный перевод (Гробоу) $\overline{\text{двѣхъ приѣмшѣ}}$ *Хил148* 161 (с беспредложным, в соответствии с греческим оригиналом, дательным направлением Гробоу, ср. первый перевод: Къ гробоу $\overline{\text{двоприѣтъномуу}}$ $\overline{\text{придѣмъ вѣрнии}}$). Древнейшему описательному переводу $\overline{\text{мюроу възлаглицѣ}}$ соответствует структурная калька $\overline{\text{мюроположница}}$ ($\overline{\text{μυροθήκη}}$) ‘сосуд для хранения мира; *перен.* о Богородице как сосуде, в котором явился *миро*-Христос’ (см. примеры соответствующих контекстов в сочинениях свт. Иоанна Злаотоуста, св. Романа Сладкопевца и др. в *TLG*, sub verbo $\overline{\text{μυροθήκη}}$): $\overline{\text{въ семъ бѣ излѣса мироположница · дѣхѣжѣци блѣговоніе}}$ *Хил148* 161; $\overline{\text{в семъ бо излѣса мироположница (так!) дѣхѣжѣци (так!) блѣ/говоніе}}$ *ТСЛ588* 115.

I 2

$\overline{\text{Възатъса ѿ горы сиѡна · сиѡнѣ дѣшевленыи}}$ ($\overline{\text{Ἡρθῆ Σιών ἐξ ὄρους * Σιών ἡ ἔμφυχος}}$): NB изменение по сравнению с оригиналом порядка слов в древнейшем переводе и морфологическую адаптацию несклоняемого гебраизма $\overline{\text{Σιών}}$. Во втором переводе порядок слов калькирует оригинал, гебраизм морфологически не адаптирован, предлог $\overline{\text{ѣк}}$ ‘от; из’ передан в соответствии со вторым значением, а не с первым, как того требует контекст: $\overline{\text{/Възатъса сѣѡнѣ изъ горы · сѣѡнѣ/одѣшевленыи}}$ *Хил148* 161 ($\overline{\text{/Възатъса сѣѡнѣ изъ горы · сѣѡнѣ ѿ/дѣшевленыи}}$ *ТСЛ588* 115). Калькированная постпозиция предлога по отношению к приложению и морфологически неадаптированная форма ($\overline{\text{Възатъса}}$) $\overline{\text{сѣѡнѣ}}$ создают контекстную омонимию с формой им.п.: “*Былъ взятъ Сионъ изъ горы (т. е. изнутри?! — ср. более точное ѿ в древнем переводе; кроме того, из такого перевода неочевидно, из какой горы былъ взятъ Сионъ), Сионъ одушевленный*”. Из такого, ошибочного, прочтения следует, что дважды использованное в этом фрагменте слово *Сионъ* называет Богородицу, тогда как на самом деле это значение имеет только второе употребление. В первом переводе, в отличие от второго, ясно выражена содержащаяся в оригинале контекстная антонимия: (*неодушевлѣнная*) *гора Сионъ — Сионъ одушевленный (Богородица)*. Благодаря более активному, по сравнению со вторым переводом, использованию ресурсов церковнославянской грамматики, проявившемуся в некалькированном порядке слов, морфологической адаптации гебраизма и выбору правильного в данном контексте значения предлога, первый

перевод оказывается грамматически более ясным и риторически более выразительным, чем второй.

Написание *почитъ*:/ — графически сокращённая форма инфинитива *почити* ‘зд.: чтобы почитать’ в соответствии с греч. инфинитивной целевой конструкцией τοῦ ἀναπαύσασθαι (аор. инф. мед.). Форма совершенного вида свидетельствует, что оригиналом славянского *почити*, представленного в обоих переводах (*Хил148* 161; *ТСЛ588* 115), скорее было чтение большинства списков ἀναπαύσασθαι (инф. аор.), а не засвидетельствованное двумя источниками *Sf* и *Ox* ἀναπαύεσθαι (инф. наст.вр.).

I 3

Сочетания *въ превъспрынаѣ* (древний перевод) и *въ лѣ/чшаѣ* *Хил148* 161, *въ лѣчшаѣ* *ТСЛ588* 115об. (новый перевод) — два разных способа передачи субстантивированной конструкции εἰς τὰ ἐπέκεινα, где ἐπέκεινα — наречие ‘высоко, выше; вне’. Перевод τὰ ἐπέκεινα (мн.ч. ср.р.) ‘то, что высоко’ субстантивированным прилагательным *лучший* сравним со словообразовательной мотивацией совр. русск. *превосходный* и его типологических параллелей (ср. фр. *supérieur* и др.), в которых положительное качество выражено с помощью понятия высоты.

I 4

прия — аор. 2л. ед.ч., ср. греч. аор. инд. акт. 2л. ед.ч. ὑπέστης; ср. форму с аугментом -тъ во втором переводе: *подъ/жтъ* *Хил148* 161; *подтъ* *ТСЛ588* 115об. Использование -тъ вызвано тем, что форма аориста 2-3л. ед.ч. глагола *подъати* не имела автономного ударения “и приращение использовалось для того, чтобы придать ей самостоятельный ударный статус. Формы с приращением употребляются довольно последовательно в древнейших канонических старославянских памятниках и ряде среднеболгарских и древнесербских текстов” [Пичхадзе 2006: 129 — литература: Ван-Вейк 1957: 314-315; Дыбо 2000: 304-308; ср.: Грамматика 1991: 293-294]. Конъектура *рожъши* (ѣ) и восстановление затёртой буквы опирается на греч. оригинал, где субстантивированная форма прич. перф. ед.ч. ж.р. им.п. ἡ τετοκυῖα выступает в функции обращения. Эта форма сохраняется во втором переводе: *рождъшиѣ* *Хил148* 161 (*рожьшиѣ* *ТСЛ588* 115об.).

къ покою небному — обстоятельство к *прѣставити*. Содержание тропаря: Владыка сотворил се, тоуто ‘это’, а именно, чтобы Богородица, зачавшая Жизнь вечную, т.е. Христа, умерла (“прияла смерть”), и благодаря этому была преставлена к небесному покою.

III 1

Словосочетание ἐν ὕμνοις ἐπιτυμβίοις — *Пѣми гровьными* (древнейший перевод) — передано в новом переводе как *Въ гвѣснѣхъ тимбанскыхъ* *Хил148* 161 (*Въ*

гѣснѣхъ тимѣанскый *ТСЛ588* 115об.). В переводе отражено паронимическое сближение производящей основы прилагательного ἐπιτύμβιος ‘надгробный’ (от τύμβος ‘гробница; могила; склеп; гроб’) с названием ударного музыкального инструмента τύμπανον, чему способствовала среднегреческая прогрессивная ассимиляция по звучности $\mu\pi \rightarrow \mu\beta$. Ошибка перевода, обусловленная паронимическим смешением созвучных греческих слов, или, в соответствии с терминологией Ф. Томсона, “false etymology” [Томсон 1988: 366] (“ошибочная этимология”), в данном случае неочевидна. Возможно, что перед нами особый приём перевода, когда для передачи греческого слова использовано созвучное с ним древнее заимствование *тимпанъ*, уже имеющееся в языке. Подобные случаи межъязыковой паронимии не описаны в типологии ошибок перевода [Томсон 1988], слово *тимпанский* (*тимбанский* и др.) неизвестно в славянской исторической лексикографии и в базах данных.¹⁰¹ В пользу такого объяснения свидетельствует, во-первых, ещё один аналогичный пример в том же втором переводе рассматриваемого канона (см. комментарий к тропарю IV 2), во-вторых, отсутствие в этом втором переводе ошибок.

III 2

Простѣръзѣтѣ и оумѣршю видаще ѡчима · и смѣжьшоуса: согласно переводу, ѡчима — обстоятельство при видаще, тогда как в греч. ὀμματα — винительный отношения при медио-пассивном перфектном причастии κεκαμυσμένην (от καταμύω или виз. καμύω ‘закрывать глаза?’), ср. новый перевод: /Лежѣщѣ и простѣръзѣтѣ вида/ще · ѡчи смѣжьщѣ *Хил148* 161об. (Лежѣщѣ и простѣръзѣтѣ/видѣще. Ѡчи смѣжьщѣ *ТСЛ588* 116). Судя по переводу оумѣршю (древнейшая версия), переводчик неточно определил начальную форму прич. перф. τεθαμμένη, смешав θάπτω ‘совершать погребальный обряд; хоронить, погребать’, от которого образовано причастие τεθαμμένη, с θνήσκω ‘умирать’.¹⁰² Не исключено, однако, что и здесь перед нами

¹⁰¹ Эпитет *тимпанский* оказывается в данном контексте особенно уместным, если принять во внимание следующий пассаж из “Второго похвального слова на всечестное Успение Пресвятой Богородицы” (параграф 16) прп. Иоанна Дамаскина: “Я теряю сознание от страха, трепеща от того, о чем говорю. С пророцией Мариам, о юные души, выйдем с тимпанами (Исх. 15:20), *умертвев земные члены* (Кол. 3:5), ибо это [т. е. земное тело. — Р. К.] и есть таинственный тимпан” [Иоанн Дамаскин, *Творения* 1997: 288]. Правда, славянский перевод этого текста неизвестен (см. перечень известных славянских переводов византийских гомилетических и апокрифических текстов на тему Успения Пресв. Богородицы: [Ivanova 2008: 607-618]).

¹⁰² Другой вероятной исконной, хотя и в целом редкой формой является не τεθαμμένην, а τεθημμένην (см. разночтения), которая отмечена в TLG лишь однажды без указания на инфинитив; в TLG цитируется пример из словаря Фотия, в котором форма прич. перф. им.п. ср.р. τεθημμένον толкуется как ‘συγκεχυμένον* τετυφλωμένον’ (TLG) ‘смятенное; ослеплённое’.

проявление “творческой свободы” переводчика, поскольку причастие $\tau\epsilon\theta\alpha\mu\acute{\iota}\nu\eta$ ‘та, над которой совершили погребальный обряд, приготовленная для погребения’ (но при этом ещё не погребли, иначе *видеть* её было бы невозможно) в данном контексте невозможно передать одним словом, как того требует техника пословного перевода. Соблюсти принцип пословности и не нарушить при этом смысл всего контекста оказалось возможным, только выбрав для перевода синоним к причастию *погребенный — умерший*. Аналогичные сложности, как кажется, возникли и при создании второго перевода, в котором обращает на себя внимание передача одного слова $\acute{\upsilon}\pi\tau\acute{\iota}\alpha\nu$ ‘откинутый назад, на спину’ с помощью двух форм $\lambda\acute{\epsilon}\zeta\alpha\sigma\iota$ и $\pi\rho\sigma\tau\epsilon\rho\acute{\epsilon}\tau\alpha$, тогда как для $\tau\epsilon\theta\alpha\mu\acute{\iota}\nu\eta$ ‘та, над которой совершили погребальный обряд, приготовленная для погребения’ очевидной лексической параллели нет (если не считать такой форму $\pi\rho\sigma\tau\rho\gamma\tau\alpha$).

Написание *приснотекоуци* — либо стяжённая форма от *приснотекоуци* (вин.п. ед.ч. м.р.), либо результат графической ассимиляции из **приснотекоуць* перед следующим и (*источникъ*), или же прояснения напряжённого гласного перед тем же и в приставке *ис-* (← **ъз*); формы вин.п. $\beta\eta\sigma\tau\upsilon\beta\eta\gamma\eta$ -и *приснотекоуци источникъ* ($\theta\epsilon\acute{\iota}\alpha\nu$ και $\acute{\alpha}\acute{\epsilon}\nu\nu\alpha\sigma\upsilon\nu$ $\pi\eta\gamma\acute{\eta}$) входят в ряд однородных прямых дополнений при *видаце*.

III 3

NB вин.п. ед.ч. с предлогом в функции обстоятельства образа действия: *въ памѧ твою* — $\tau\eta$ $\mu\eta\acute{\nu}\eta\mu\eta$ σου ‘памятованием твоим (о молящихся)’, ср. *памѧ/тиѧ твоѣж Хил148* 161об. (*памѧтїю твоєю ТСЛ588* 116). Аккузативная конструкция *въ* + *nomen abstractum* является своеобразной “чертой ЗСЛ <Закона судного людем. — Р. К.> (как и других моравских памятников) <...> Употребление предлога *въ* с вин. п. абстрактных существительных в значении наречия образа действия Й. Вашица считал синтаксическим моравизмом. Даже если не принимать это утверждение на веру, все же бесспорно, что данная конструкция выглядит весьма архаичной. Обычно в древнеславянских текстах в этой функции выступает беспредложный (инструментальный) творительный падеж или предлог *по* с дат.п. существительного <...> Отдаленными русскими аналогами древней конструкции можно считать русские обороты *в лад*, *в пору*, возможно, также *вволю* (замечание В. Б. Крысько). Эти <...> примеры не препятствуют считать данную конструкцию в книжном языке моравизмом, поскольку термин *моравизм* образует оппозицию с термином *болгаризм* и нейтрален по отношению к термину *русизм*” [Максимович 2004: 115-116 (литература, примеры)]. Конструкция *въ* + вин.п. со значением образа действия отмечена в *Ефремовской кормчей*,

для которой не предполагается моравского происхождения, однако в этом памятнике данное сочетание является несомненным архаизмом, который связан с западным или юго-западным языковым узусом: моравизм *ръснѣтъ*, отмеченный в *Ефремовской кормчей* трижды, все три раза использован в вин.п. ед.ч. в сочетании с предлогом *въ* для передачи греческого наречия *κυρίως*, как можно судить по словоуказателю [Максимовић 2010: XV, 271].

Неясно, позволяет ли пример *въ памл̑ твою* — *τῆ μνήμῃ σου* ‘памятованием твоим’ уточнить расположение древней изоглоссы, описывающей распространение аккузативной конструкции *въ* + *poimen abstractum* в значении обстоятельства образа действия. Возможно, что в раннюю эпоху она охватывала также западную или, по крайней мере, северозападную часть южнославянского ареала. Не исключено, однако, что перед нами не диалектное, а книжное явление, которое состоит во влиянии древнего, и в силу своей древности близкого к моравскому, синтаксического узуса на язык ранней славянской гимнографии. Ещё одна аналогичная — синтаксическая — параллель между архаическим (“моравским”) и “гимнографическим” языковым употреблением была отмечена ранее на материале адвербиализованной формы *instrumentalis qualitatis*¹⁰³ *дѣвоуж* (конструкции типа *мати девою* ‘девственная мать’), дважды засвидетельствованной в *Законе судном людем* свт. Мефодия Солунского [Максимович 2004: 114, 123-124], трижды — в переводной и оригинальной гимнографии [Кривко 2007: 243-244]. По одному разу форма *девою* в этом значении отмечена в *Синайском патерике* и в *Словах Григория Богослова* [Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006: 41, примеч. 41], оба памятника представляют собой древнеболгарские переводы, сохранившиеся в древнерусских списках, их связь с восточноболгарской преславской традицией не доказана. В старославянском каноне формы *instrumentalis qualitatis* крайне редки: они отмечены по два раза в Мариинском и Зографском евангелии в одних и тех же контекстах [Веґерка 1993: 189].¹⁰⁴

IV 1

Род.п. мн.ч. *εὐαγγῶν* (от *εὐαγγής* ‘чистый, непорочный’) передан во втором переводе как *прѣбно Хил148161об.* (*прѣбно ТСЛ588 117*), что, очевидно, отражает написание греч. источника **εὐαγγόν*, которое переводчик некритически прочитал как адвербиализованную адъективную форму вин.п.

¹⁰³ Термин Р. Вечерки [Веґерка 1993: 119-120, 189]. К. А. Максимович [2004: 114, 123-124] предложил термин *творительный состояния*.

¹⁰⁴ Ср. также примеры в *Супрасльской рукописи*, приведённые в монографии Р. Вечерки [Веґерка 1993: 189], и их критику: [Кривко 2007: 244-246].

ед.ч. Форма (цѣлю...) ѡбла/даюци (κυριεύουσαν вин.п.) в древнейшем переводе отражает утрату падежного согласования полупредикативной формой, находящейся в дистантной постпозиции к определяемому слову.

IV 2

В этом тропаре обращает на себя внимание перевод имп. наст.вр. ед.ч. мед.-пасс. κλονείσθω 'да вострепещет'¹⁰⁵ семантически далёким от оригинала, но паронимически созвучным славянским Да Уклонатса Хил148 161об. (Да оуклонатса ТСЛ588 117; ср. Да трепещиють в древнейшем переводе, что соответствует значению греческого глагола). Ошибка перевода в данном случае крайне маловероятна: выбор славянского слова является настолько же семантически уместным и поэтически выразительным, насколько разительно звуковое сходство форм κλονείσθω и (да) Уклонатса. Перед нами, в таком случае, второй пример *межъязыковой паронимии* как приёма перевода, если с этой же точки зрения рассмотреть упомянутую выше передачу греческого (ἐν ὑμνοῖς) ἐπιτύμβιος 'в гимнах) надгробных' славянским (въ гѣснехъ) тимбанскыхъ в том же самом новом переводе. Межъязыковая паронимия — редкий, но не уникальный приём перевода. Так, А.А. Пичхадзе [2011а: 86], отмечая единичный случай передачи греческого λάρναξ 'ящик; гроб, урна' славянским ларьць, считает возможным, что "звуковое сходство с греческим словом побудило переводчика употребить регионализм ларьць". Сказанное позволяет обратить особое внимание на ещё одно явление, также отмеченное А.А. Пичхадзе [2011]: "В Синайском патерике одиночное етеръ <...> фиксируется <...> по одному разу при греч. ἑταῖρος 79 об.1 и ἄββᾱς 79 об. 5: Азь и етеръ (ὁ ἑταῖρος) софронии. в александрии соуца. идоховѣ единою. къ деодосинѣ цркви... гла же ми етеръ (ὁ ἄββᾱς) софронии. Поскольку перевод в этом месте (начало л. 79 об.) не следует точно имеющемуся греческому тексту, можно усомниться в том, что местоимение етеръ соответствует греч. ἑταῖρος 'товарищ, друг' (как оно не является соответствием греч. ἄββᾱς) и предположить, что в 79 об.1 оно имеет значение 'некто, один'. Однако его появление пятью строками ниже трудно объяснить таким образом. Возможно, что етеръ здесь все-таки передает ἑταῖρος, т.е. является грецизмом, который затем повторяется уже без соответствия оригиналу". Продолжим это рассуждение: возможно, что етеръ в соответствии с ἑταῖρος 'товарищ, друг', не отмеченный в этом значении и с такой параллелью в славянских исторических словарях, представляет собой ещё один случай межъязыковой парони-

¹⁰⁵ Единственное число в данном случае соответствует правилам грамматики древнегреческого языка, согласно которым в сочетании с существительным среднего рода множественного числа глагол употребляется в единственном числе.

мии как приёма намеренной грецизации славянского перевода,¹⁰⁶ которая и приводит к неразличению равно возможных в рассматриваемом контексте значений ‘товарищ, друг’ и ‘некто, один’. Наконец, паронимическое сближение двух слов разных языков отражается в передаче греческого литургического термина ὄρθρος ‘утреня’ специализированным неологизмом *оутросъ* [Пентковская 2005] представляет собой контаминацию славянского *утро* и исходной греческой лексемы.

Перечисленные примеры усиливают объяснение греко-славянских соответствий κλονεῖσθω — *Уклонатса* и ἐπιτύμβιος — *тимбанскыхъ* как сознательного приёма межъязыковой паронимии — одного из способов грецизации перевода, тем более, что для перевода *Уклонатса* (κλονεῖσθω) другого объяснения попросту не существует.

Вернёмся ко второму тропарю четвёртой песни канона.

В греч. нет соответствия слав. союзу (же) и (тъ самъ) в древнейшем переводе; во втором переводе и нет. Возможно, и было перенесено из след. колона (ср. разночтения, согласно которым καί действительно представлено в некоторых рукописях), однако ни один из греч. источников не содержит в этом колоне обе лексемы, καί и γάρ, чьи слав. параллели представлены в древнейшем переводе. NB закономерную позицию энклитики в древнейшем слав. переводе, из-за чего порядок слов отличается от оригинала (во втором переводе частица отсутствует в соответствии с показаниями большинства свидетелей греч. текста, в которых γάρ нет): *миръдржитель бо низъложі/са · посрамленъ* — ὁ κοσμοκράτωρ κατέπτωται γὰρ καταισχυρόμενος *Ох.* NB слав. аор. *низъложі/са* в соответствии с греч. перф. инд. мед.-пасс. *κατέπτωται*; возможным соответствием слав. аористу является менее вероятная по метрическим соображениям и не засвидетельствованная источниками форма аор. инд. пасс. **κατεπτόθη*.

Огласовка корня страд.прич. наст.вр. *взимлемоу* (ἐπαιρομένην) отражает аналогическое воздействие со стороны основы инфинитива *взимати* (ср. наст.вр. *взимлю*).

IV 3

ѿ жрьць — калька предположно-именной конструкции ὅψ' ἱερέων, ср. беспредложный тв.п. мн.ч. *ѿценники Хил148 161об.* (*ѿценники ТСЛ58 8117*). Дальнейшие грамматические различия между двумя переводами: 1) перевод греч. род.п. ед.ч. в атрибутивной функции τῆς διαθήκης прилагательным *завѣтъный* в древнейшем переводе и сущ. *завѣта* (*Хил148 161об.; ТСЛ588 117*) во втором; 2) двукратный перевод личной медио-пассивной

¹⁰⁶ В данном случае правомерно говорить о межъязыковой омонимии основ *ἐταίρ*- и *ετερъ*.

формы наст.вр. βασιτάζεται личной возвратной формой носиться в древнейшем и аналитической пассивной конструкции носимь (носима) есть Хил148161об. (то же ТСЛ588 117) во втором переводах.

IV 4

NB перевод атрибутивного род.п. ед.ч. в препозиции предлогу ζωῆς ἐν τοῖς ταμείοις прилагательными в постпозиции предлогу въ животныхъ/храминахъ (древний перевод), въ жизньны скрови/ци Хил148 161об., или въ жи/зньныи скровици ТСЛ588 117 (второй перевод). (О различиях в передаче греческого приимённого родительного в древнем и новом переводах будет сказано далее.) Адвербиализованная конструкция в функции обстоятельства εἰς ἄληκτα ‘навек (букв. ‘на бесконечные’; в оригинале — предлог + прил. вин.п. мн.ч. ср.р. от ἄληκτος ‘бесконечный; непреходящий’)’ передана как согласованное определение к τοῖς ταμείοις: неминѹщи Хил148 161об. (неминоѹщицхъ./ТСЛ588 117) (второй перевод). В словосочетании въ животныхъ / храминахъ неиздреченыи/хъ в древнем переводе форма ἄληκτα смешана переводчиком с ἄλεκτα (вин.п. мн.ч. ср.р. от ἄλεκτος ‘невыразимый, неопиcуемый’), если такое смешение не имело места в византийских источниках, не учтённых в данной работе.

В древнем переводе — ошибка: выражение (περιστερεὰ Σωλομόντος) καλή τε καὶ <...> ‘(голубица Соломона,) прекрасная же и <...>’ из-за монофтонгизации древних дифтонгов εἰ, αἰ и их совпадения с η (ι), ε было прочитано как καλεῖται καὶ нарицається · и; орфографическая ошибка могла иметь место в греческой рукописи, с которой делался славянский перевод, ср. написание καλλήται καὶ ... Sb71, f. 133. См. затем правильное добра же и Хил148 161об. (добра же и/ТСЛ588 117) во втором переводе.

V 1

Родительный атрибутивный τοῦ Πνεύματος передан в древнейшем переводе с помощью прилагательного, во втором — с помощью дательного приименного Ὑστο δ̄χοу прѣсто̄мѹ <...>/село Хил148 161об. (Ὑτ̄ο δ̄χοу прѣст̄моу <...> село ТСЛ588 117об.) NB перифрастический перевод наречия ὑπερφῶς в обоих слав. переводах: пауче ьствѣта. Напротив, в отличие от древнего перевода, в котором для передачи ἐξέπνευσεν использована парафраза йспусти д̄хъ, в новом переводе употреблён глагол/д̄хнж Хил148162об. (~ноу/ТСЛ588 117об.).

V 2

В единственном списке — свидетеле древнего перевода утрачено сказуемое, соответствующее греч. ἐγένου, ср. во втором переводе ьсть Хил148 162 (ь̄ц̄ ТСЛ588 117об.). Причастие ьзимля в древнем переводе

(ср. засвидетельствованное во всех списках субстантивированное прил. ед.ч. м.р. или ср.р. μεταρσιον ‘поднятый на воздух’,¹⁰⁷ которому скорее соответствует второй перевод прѣхъднѣ *Хил148 162*, ~нѣ/*ТСЛ588 117об.*) восходит, возможно, к нарушающему метрическую схему незасвидетельствованному варианту *μεταίρω (прич. наст.вр. м.р. ед.ч. им.п. от того же μεταίρω ‘поднимать, переносить; удаляться, уходить’).

V 3

Форма та в древнем переводе — объект к прѣстави, греч. соответствия этому местоимению нет. Слав. тѣломь, представленное в обоих переводах (см. *Хил148 162*; *ТСЛ588 117об.*), отражает различие τῷ σώματι *Sf*, *Ох*. Из-за такого чтения из греческой фразы в версиях *Sf* и *Ох* исчез объект, который и был компенсирован в древнем славянском переводе с помощью вставки та, указывающей на Богородицу. Во втором переводе местоимение та отсутствует в согласии с греческим текстом. Из-за этого в слав. тексте, так же, как и в версиях *Sf* и *Ох*, исчез объект, если таковым не является форма б̄гом̄ти *Хил148 162* (= *ТСЛ588 117об.*), в греч. зв.п. Θεομήτορ, которая в среднеболгарский период могла быть переосмыслена не как зв.п., а как инновационная форма вин.п., омонимичная именительному.

VI 1

Ср. несоответствие в греч. и обоих слав. переводах: вин.п. направления въ сионѣ (если з не является результатом графического смещения с ъ: *въ сионѣ? — ср., однако, въ сионь/*Хил148 162*) при тыѣмъ и дат.п. ἐν τῇ Σιών в функции обстоятельства места при ὀψόμενοι: ἐν τῇ Σιών (τὸ μέγα θαῦμα ὀψόμενοι) ‘(видя великое чудо) в Сионе’. Такое несоответствие — результат употребления морфологически неадаптированной формы *Сионѣ* в обоих переводах по образцу греческого оригинала, в котором, однако, значение обстоятельства места при причастии ὀψόμενοι ‘видящий; зд.: видя’ выражено у неизменяемой формы Σιών (здесь дат.п.) с помощью предшествующего артикля τῇ.

VI 2

Живоу (родительнице) в древнем переводе: в соответствии с греч. ἡ ζωῆς κυήτρια восстанавливаем *живоу (родительнице), ср. во втором переводе /Ѡже живутѣ родительница/*Хил148162* (в др.-р. списке — порча: Ѡко животѣ родительница *ТСЛ588 118*).

¹⁰⁷ От μεταίρω ‘поднимать, переносить’, в абсолютном употреблении — ‘удаляться, уходить’ (μετα + αίρω ‘поднимать, переносить; удалять’).

VI 3

Сионитане велико же · своѣа/свѣща и т. д. — в новом переводе/Сiωνιτινε ἐλιци · свѣща въже/зѣте Хил148 162 (Сионιане ἐλιци./свѣщюу¹⁰⁸ въжежете ТСЛ588 118 (в совр. ц.-слав. версии Сiωνιане [PLANK, LUTZKA III: 1050]), греч. Σιωνίται ὄσοι * τὰς λαμπάδας * ἄψαντες. Редкое слово Σιωνίτης ‘живущий на Сионе’ засвидетельствовано базой данных TLG четырьмя примерами, из них два — в специализированных лексикографических сочинениях: 1) σιωνίταις · τοῖς τὴν Σιών οἰκοῦσιν, 2) Σιωνίταις · οἱ ἀπὸ τῆς Σιών πόλεως (цит. по TLG, s. v.). В одном из ямбических канонов Пятидесятнице этим словом называются апостолы, которые, однако, не были жителями Иерусалима (пример вошёл в TLG в составе комментариев на этот канон, составленными гимнографом десятого века Григорием Пардой):

Ὁρεκτὸν ἀξίωμα τοῖς ἀποστόλοις

Σιωνίταις μίμνουσι σοῦ παρουσίαν,

γνώρισμα, Πνεῦμα, πατρογεννήτου Λόγου и т. д. (цит. по TLG, *sub verbo*).

Сионитане канона — “сиониты”, живущие или пребывающие на Сионе; *зд.*: присутствующие при смерти Богородицы на Сионе апостолы или вообще все, участвовавшие в её погребальной процессии от Сиона к Гефсимании. Частица же — не релятивизатор в сочетании с местоименным наречием, а перевод энклитики те.

Примечательно риторическое обращение придѣте к свидетелям смерти Богородицы и участникам погребальной процессии от Сиона к Гефсимании и дальнейшие формы первого лица оусъ/ращѣмъ, прѣдъ/послѣмъ: имеется в виду совместное, символическое, участие аудитории гимна и апостолов в воспоминаемых событиях. Символическому пониманию этой совместности не препятствует упоминание конкретных географических объектов (Сион, Гефсимания), в которых происходит ежегодно повторяющееся в рамках литургического цикла Успение и погребение Богородицы.

Согласно древнему славянскому переводу (въжьгъше свѣтъ · /примъшию придѣте оусъ/ращѣмъ · въ гефсиманию) форма Γεθσημανῆ (в рукописях везде без подписной йоты и иногда со слабым графическим различием между тупым и облечённым ударением) была прочитана как обстоятельство (Γεθσημανῆ), выражающее направление движения при деѹте, а не место события при ѹпантѣшомєν, если чтение единственного известного списка (въ гефсиманию) действительно восходит к архетипу,

¹⁰⁸ В соответствии с греч. τὰς λαμπάδας и ю.-слав. свѣща (вин.п. мн.ч.) форма свѣщюу объясняется как результат смешения юсов свѣща → свѣщж и дальнейшей транслитерации написания свѣщж на вост.-слав. почве как свѣщюу.

а не отражает позднейшее переосмысление исконого *въ гѣфсимани (как во втором переводе, см. ниже) или *въ гѣфсимани. Неясно, как было понято Γεθσημανῆ вторым переводчиком, так как гебраизм в данном контексте морфологически не адаптирован: въ гѣфси/мани Хил148 162 (/въ гѣфсимани ТСЛ588 117об.).

VII 1

NB закономерную с точки зрения славянской просодии и отличающуюся от оригинала позицию энклитики же (те) в соединительной функции на втором месте в тактовой группе людии же. Причастие *ликоующе* отражает утрату согласования по роду с определяемым словом *двцѣ* (если буква *ε* в окончании причастия не отражает мену *ять* в допустимом **ликоующе* на *е*). Ср. два разных способа перевода несогласованного определения *παρθένου*: с помощью притяжательного прилагательного *двѣ* (преставлениѣ) в древнем переводе и с помощью архаического реликтового субстантивированного членного прилагательного *двыж* Хил148162об. в форме родительного падежа.

VII 3

В словосочетании *стѣхъ стѣа* пропущен предлог, должно быть **стѣхъ въ стѣа*, ср. *ἀγίων εἰς ἀγία*. Средний род местоимения *юмоуже*, корреляты к формам ж. р. гора *прѣтаа*, гора *стаа* и *вѣ/лиа*, обусловлен калькированием местоименной формы среднего рода *ѡ*, которая относится к τὸ ὄρος (ср. р.) 'гора'. В новом переводе ошибка исправлена: *ѣиже въ/пиемъ* Хил148 162об. (*ѣиже вопиѣмъ* ТСЛ588 119).

VII 4

негоже ѣтоуще въ/пиемъ: *ὦ σέβοντες βοῶμεν*; объект в слав. переводе относится к *ѣтоуще*, в оригинале — к *βοῶμεν* 'вопием'.

VIII 1

NB изменение синтаксических связей и порядка слов во фразе *млѣтвы/принеси хви за ѣтоущихъ/любввию памать твою* — *δεήσεις προσάγαγε Χριστῷ τῆ μνήμη σου ὑπὲρ τῶν ταύτην ἐν πόθῳ ἐκτελοῦντων* 'молитвы принеси Христу памятью твоей за всех, её (т. е. память) любовью совершающих'.

VIII 2

NB передачу род.п. в атрибутивной функции *тѣς Σιών* слав. прилагательным *сионьскыѣ*. (*дшѣ... ли/кѣ*) в древнем переводе (в новом переводе тропарь отсутствует). Форма *съставльше* — очередной случай утраты согласования полупредикативной причастной формой.

VIII 3

Ещё раз обратим внимание на передачу род.п. в атрибутивной функции (несогласованного определения) τῆς θεότητος слав. прилагательным (согласованным определением) вжѣвьнюю; ср. в новом переводе: вжѣва Хил148 162об. = ТСЛ588 119об.

Судя по двум рассматриваемым здесь славянским переводам одного греческого канона, при наличии разночтений между ними в передаче греческого родительного приимённого в древнем переводе находится прилагательное, тогда как во втором — существительное в форме родительного или дательного падажей (см. выше комментарии к тропарю IV 3, где τῆς διαθήκης передано прилагательным завѣтъный в древнейшем переводе и существительным завѣта в новом; к тропарю V 1, где τοῦ Πνεύματος передано в древнейшем переводе с помощью прилагательного дхъвьнюе, во втором — с помощью дательного приименного дхъу; к тропарю VII 1, где παρθένου передано с помощью притяжательного прилагательного дѣче в древнем переводе и с помощью реликтовой субстантивированной формы в род.п. дѣвѣж во втором переводе). Тенденция не носит характер правила: ср. выше в тропаре IV 4 передачу формы ζωῆς прилагательными животъныхъ (первый перевод) и живнъны (второй перевод).

Причастие преоукр̑/шенъна в словосочетании (вжѣвьнаго дѣвьства ·) преоукр̑/шенъна должно быть согласованным определением к дѣвьства и поэтому выступать в форме ср.р.; славянская форма ж.р. — результат калькирования греч. (τῆς θείας παρθενίας) τῆς ὠραϊσμένης ‘божественного девства, украшенного’, где παρθενία и, соответственно, согласованное определение ὠραϊσμένη стоят в форме ж.р.; ср. корректный перевод в новой версии: прѣдѣкра/шенънаго Хил148162об. (прѣоукр̑рашенънаго ТСЛ588 119об.).

VIII 4

Форма видаѣе отражает утрату согласования по роду между причастием, относящимся к Богородице, и обращением дѣвѣе.

IX 1-й и 2-й ирмос

Древняя славянская версия в качестве ирмоса девятой песни содержит отсутствующий в известных греческих источниках канона ирмос *Исайе, ликуй*, или *Исѣиѣ ликоу*·:/; см. греч. Ησαΐα, χόρευε * ἡ παρθένος ἔσχεν ἐν γαστρὶ — Исѣиѣ ликоуи · дѣва бо имѣ въз чревѣ [HANNICK 2006: 167, E θ'1]. Этот же ирмос представлен в древнерусском источнике нового перевода: Исѣиѣ ликѣи дѣва: — ТСЛ588 120. Однако в древней славянской версии в качестве первого тропаря девятой песни приводится полный текст другого ирмоса. Его греческий оригинал представлен во всех известных визан-

тийских источниках, в большинстве из которых он выписан полностью. “Правильный” ирмос девятой песни, ставший в древней славянской версии её первым тропарём, — Жьзль прозвъшии̂ (Ράβδος βλαστήσασα). Перевод этого ирмоса отсутствует в древнерусских Ирмологиях [HANNICK 2006] и является на сегодняшний день *textus unicus* в славянской традиции. В *Хил148* 163 указано только зачало этого ирмоса на правильной позиции (Жьзль прозвъшии̂), следов ирмоса *Исайе, ликуй* в *Хил148* нет. Судя по указателю Э. Фоллиери [FOLLIERI III: 392], в византийской традиции ирмос *Жезл прозябший* отмечен один раз в некритическом издании публикуемого здесь канона Τάφω παρθενობόχῳ. Редкость текста подтверждают комментаторы греческих источников современных церковнославянских служебных миней: “Einzig nachgewiesene Stelle für den Gebrauch dieses Heirmos (Follieri III 392), dem die Troparia folgen; die slavische Version setzt irrtümlich den Heirmos Ἡσαΐα χόρευε (EE 131, Nr. 182) voraus” [PLANK, LUTZKA II: 1051, Anm. 21] (“Единственная позиция, засвидетельствованная для использования этого ирмоса, которому следуют <в метрическом отношении. — Р. К.> тропари; славянская версия <имеется в виду современная церковнославянская версия канона. — Р. К.> ошибочно предлагает ирмос *Исайя, ликуй*”). Причина замены на славянской почве ирмоса Жьзль прозвъшии̂ (Ράβδος βλαστήσασα) на более распространённый *Исайе, ликуй* состоит именно в уникальности ирмоса *Жезл прозябший* в византийской, а следовательно, и славянской гимнографии. Все предыдущие ирмосы канона Τάφω παρθενობόχῳ заимствованы из воскресного канона пятого гласа, приписываемого прп. Иоанну Дамаскину. Редактор, заменивший уникальное Жьзль прозвъшии̂ (ράβδος βλαστήσασα), завершил это композиционное единство: ирмос *Исайе, ликуй* был заимствован из того же воскресного канона пятого гласа прп. Иоанна Дамаскина. Неясно, была ли произведена замена уже на древнеболгарской почве или вставка ирмоса *Исайе, ликуй* — редактирование древнерусских книжников. Во всяком случае, ирмос *Исайе, ликуй* в данном каноне засвидетельствован пока только в древнерусской и новейшей русской церковнославянской традиции.

2-й ирмос.

NB позицию предлога в словосочетании ѿ двѣдска/го корене̄ (δαυτικῆς ἐκ ὀίτης), которая соответствует славянской грамматике, а не инверсивному порядку слов оригинала.

IX 1

Бл̄го же̄ (два раза) — в соответствии с греческим εὖγε, словообразовательной калькой которого является славянское сочетание, правомер-

ным было бы и такое словоделение: Бл̄гоже бл̄гоже, ср.: “благоже interj. imitatio interiectionis graecae <...> εὖγε” [SJS I: 91, s. v. “благо adv.”].

IX 3

ουποδοβαцисα — описка из *ουποδοβαцисα (μικρομένη им.п. ед.ч. ж.р.).
 призри <...> на поюцихъ пам̄л̄ твою̄ ∴ — συνεπίσκεψαι <...> τοὺς ὑμνητὰς τῆς
 θείας μνήμης σου ‘сопризри на певцов твоей божественной памяти’ или,
 в другом варианте (см. разночтения), συνεπίσκεψαι <...> τοὺς ὑμνητὰς
 τοὺς σοὺς τῆ μνήμῃ σου ‘сопризри на певцов твоих памятованием Тво-
 им’. Грамматические отличия слав. перевода от оригинала вызваны
 свободной передачей существительного ὑμνητὰς субстантивирован-
 ным причастием поюцихъ и соответствующим этой глагольной форме
 синтаксическим управлением.

NB перевод ἐντάφια (ἐν ‘в, на’ + τάφος ‘гроб’, ‘букв.: то, что относится
 к погребению’) с помощью описательного выражения ризы погребениах,
 который раскрывает знакомство переводчика с реалиями, о которых
 идёт речь в последнем тропаре канона.

4. Выводы

Одновременно с древнерусским студийско-алексиевским гимногра-
 фическим корпусом, который сформировался не позднее конца один-
 надцатого века, на Руси находились в литургическом употреблении
 рукописи, либо полностью, либо во многом не соответствующие тре-
 бованиям Устава патриарха Алексия Студита. К числу таких рукопи-
 сей относится праздничная минея особого состава *F. n. I 37*, написан-
 ная в начале тринадцатого века в ростовском владычном скриптории.
 Календарные особенности этой минеи, а также состав и расположение
 жанров отражают студийско-алексиевскую богослужебную практику.
 Из-за этого, вероятно, рукопись не привлекала к себе должного вни-
 мания с точки зрения истории переводных гимнографических текстов,
 хотя исследователями было замечено значимое содержательное исклю-
 чение из “древнерусской” студийско-алексиевской традиции — канон
 свт. Климента Охридского Евфимию Великому. В отличие от известной
 своей архаичностью *Ильиной книги*, в рукописи *F. n. I 37* отсутствуют
 древние графико-орфографические и морфологические формы. С одной
 стороны, это естественно для древнерусской рукописи тринадцатого
 века, с другой — графико-орфографическая, фонологическая и мор-
 фологическая русификация памятника свидетельствует о длительном
 бытовании текста на восточнославянской почве. Учитывая зарубежные

связи ростовского владычного скриптория, где была написана минея *F. n. I 37* [Турилов 2009: 239-248], этот факт имеет особое значение: изученные в статье текстологические и языковые явления являются не результатом разового позднерусского заимствования со славянского юга, а восходят к начальной эпохе усвоения на Руси древнеболгарского литургического наследия. Как стало известно благодаря данному исследованию, памятник использовался А.Х. Востоковым в качестве одного из источников его Словаря (без корректных указаний на шифр, место хранения рукописи и лист), благодаря чему лексика минеи *F. n. I 37* нашла отражение в словаре Ф. Миклошича, “Материалах” И.И. Срезневского и Сл.РЯ 11-17 вв., в которых были использованы данные А.Х. Востокова (со всеми их недостатками). Новое прочтение источника автором этих строк позволило, однако, не только уточнить некоторые старые толкования, но и найти и описать ещё несколько лексем, отсутствующих в словарях.

Главной особенностью минеи *F. n. I 37* являются языковые особенности некоторых фрагментов её текста, отражающие более архаичную редакцию, чем студийско-алексиевские минеи *Ca* и *Ta*, а также песнопения, отсутствующие в древнерусской студийско-алексиевской традиции.

К числу языковых особенностей относится 1) использование безаффиксных отглагольных дериватов — *nomina actionis* в соответствии с абстрактными суффиксальными существительными в студийско-алексиевской традиции; 2) использование дуративов и вторичных имперфективов на *-ова-/-ева-* в соответствии с более продуктивными образованиями без этих суффиксов в студийско-алексиевских минеях; 3) использование грецизмов в соответствии со славянскими лексемами в студийско-алексиевских минеях; сюда относится заимствование корневой морфемы в составе реконструированного композита *стадиотечъць (στανδιωτῆς), который сам по себе отражает несоответствие традиционному способу передачи греческого στανδιον в метафорическом значении ‘место пыток и казни мучеников’ славянским сѣдище; 4) использование регионализма *изащъньи* и родственных ему слов, характерных для югозападнославянского языкового узуса, в соответствии с лексемами с корнем *дѡбл-* в студийско-алексиевских минеях; 5) особого внимания заслуживают случаи употребления в *F. n. I 37* форм родительного падежа мн.ч. для передачи греческого *genitivus separationis* в соответствии с дательным падежом в студийско-алексиевских минеях, что, возможно, является элементом грецизации синтаксиса в архаичной редакции текста и, напротив, славянизации в более поздней версии; это согласуется с аналогичной тенденцией в отношении лексических

грецизмов. Языковые особенности, отмеченные в пунктах 1) и 4) (употребление отглагольных именных безаффиксных дериватов и лексем, родственных *изящный*), были ранее хорошо описаны на материале служебных студийско-алексиевского гимнографического корпуса и архаической *Ильиной книги*, то есть безотносительно к истории текста славянских служебных миней. На замену вторичных имперфективов и дуративов с суффиксами *-ова-/-ева-*, представленных в *Ильиной книге*, нейтральными образованиями в студийско-алексиевской традиции уже обращалось внимание.

Материал *F. n. I 37* доказывает, что языковые особенности этой рукописи не являются специфической особенностью восточнославянской редакции. Напротив, язык изученной рукописи наследует черты более древней западноболгарской книжной традиции, на региональную принадлежность которой указывают, в частности, диалектные членные формы прилагательных и причастий на *-ои*. Особенностью же древнерусской редакции служебных миней является как раз непоследовательное устранение описанных здесь языковых черт (см. пункты 1-4) в сторону нейтрального, “общеславянского”, употребления.

На фоне языковых архаизмов особенно выразительным является редчайший древний славянский перевод канона Предпразднству Успения пресв. Богородицы *Ко гробу девоприятному*, который сохранился в единственном списке *F. n. I 37*. Все прочие свидетели славянской традиции этого канона отражают более поздний перевод, выполненный в ходе новосавваитской (“иерусалимской”) литургической реформы. Комментированное издание древнего перевода и его греческого оригинала позволило выявить не только ещё один ранее неизвестный фрагмент древнеболгарской гимнографической традиции, но и описать ряд явлений, характеризующих технику перевода славянской гимнографии. К ним относятся, во-первых, *межъязыковая паронимия* как приём перевода, при котором для передачи греческого слова используется созвучное греческому славянское слово, отличающееся от оригинала по значению, во-вторых, изменение порядка слов в древнем переводе, в особенности связанные с расположением энклитик в соответствии с законами славянской просодии (нет полной уверенности, что это является особенностью именно перевода, а не изменения в процессе его позднейшего бытования), в-третьих, тенденция к структурному калькированию на словообразовательном уровне, в соответствии со случаями описательного перевода в позднем переводе, в-четвёртых, употребление в древнем переводе прилагательного для передачи греческого родительного приимённого в соответствии с родительным или дательным падежами в новосавваитской версии.

Сопоставление двух переводов одного и того же греческого канона, сделанных в разной культурно-исторической ситуации, позволяет сделать вывод, что “грецизация” и “славянизация” свойственны обоим переводам, однако на разных языковых уровнях.

Выявление древнеболгарского “достудийско-алексиевского” языкового и текстологического наследия среди древнерусских гимнографических рукописей важно не только потому, что для источниковедения средневековой литературы в принципе важен всякий новый памятник с “лица необщим выраженьем”. В данной статье речь идёт о языковой мере “литургического плюрализма” (термин А. В. Мусина) в гимнографии Киевской Руси. Как можно видеть, в *F. n. I 37* древнеболгарский, “достудийско-алексиевский”, языковой и текстовый пласт расположен в соответствии с требованиями Устава Алексия Студита, на основе которого составлен календарь минеи и определён состав и расположение жанров. Следовательно, языковые и текстологические вопросы не играли заметной роли для литургического использования рукописи *F. n. I 37*, созданной в ростовском владычном скриптории в условиях существования на Руси Студийско-Алексиевского устава.

Сокращённые названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ	Государственный исторический музей (Москва)
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея (Москва)
Дечани	Собрание монастыря “Високи Дечани” (Рашко-Призненская епархия Сербской Православной церкви)
НБКМ	Народна библиотека “Свв. Кирил и Методий” (София)
НБС	Народна библиотека Србије (Београд)
ОДНБ	Одеська державна наукова бібліотека (Одеса)
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ	Российская национальная библиотека (С.-Петербург)
Хил	Библиотека монастыря Хиландарь (Афон)
BAV	Bibliotheca Apostolica Vaticana (Città del Vaticano)
BL	Bodleian Library (Oxford)
BNE	Biblioteca Nacional d’España (Madrid)
BNF	Bibliothèque Nationale de France (Paris)
Grottaferrata	Biblioteca della badia greca di Grottaferrata (regione Roma)
ÖNB	Österreichische Nationalbibliothek (Wien)
Sinai	Библиотека монастыря св. Екатерины на горе Синаи (Τερά μονή καὶ ἀρχιεπισκοπή Σινᾶ)
ВП	Βιβλιοθήκη τοῦ Πατριαρχείου (Иерусалим)

Источники

Базы данных

Словник

Осокина Е. А., *Электронный сводный словник древнерусских памятников* (<http://eslovník.ru/slovník/web/login.jsp>).

manuscripts.ru

“Манускриптъ”: *Славянское письменное наследие = Slavonic written heritage* (<http://manuscripts.ru/>; http://manuscripts.ru/index_en.html).

TLG

Thesaurus linguae graecae (<http://www.tlg.uci.edu/>).

Славянские

Рукописи

БМ

“Браткова Минея”. НБС, Рс 647. Служебная минея на сентябрь — ноябрь, праздничные минеи декабрь — февраль, февраль — август, древнесербский извод. Конволют, соответственно, 1234-1243 гг., вторая четв. XIII в., прв. пол. XIV в. [Штавланин-Боръевий и др. 1986: 340-345 (№163)].

Д32

Дечани, Деч. № 32. Служебная минея на июль — август, древнесербский извод, конец XIII — начало XIV в. [Богдановиѣ 1982: 56; Гроздановиѣ-Пајиѣ, Станковиѣ 1995: 12].

НБКМ113

НБКМ, № 113. Служебная минея со службами с 29 июня по 31 августа, среднеболгарский извод, XIV в. [Цоневъ 1910: 83-85].

Пр23

ВНФ, Рар. slav. 23. Служебная минея на август, среднеболгарский (тырновский) извод, втор. четв. или сер. XIV в. [Станчев 1981: 92-93].

Пт72

РНБ, Ф. п. I 72, праздничная минея на весь год, среднеболгарский извод, нач. XIV в. [Каталог 2009: 63-65].

Са

ГИМ, Син. 168. Служебная минея на август, древнерусский древненовгородский извод, XII в. [Каталог 1984: 128-129].

С895

ГИМ, Син. 895. Праздничная минея на февральскую половину года, древнерусский извод, 1260 г. [Каталог 1984: 198-199].

Та

РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 125. Служебная минея на август, древнерусский древненовгородский извод, XI-XII вв. [Каталог 1984: 83-84].

ТСЛ588

РГБ, ф. 304/1 (ТСЛ¹⁰⁹), № 588. Служебная минея на август, старорусский извод, XVI в.; электронное издание фотокопий на сайте Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: <http://stsl.ru/manuscripts/index.php>.

Хил148

Хиландарь, Хил. 148. Служебная минея на июль — август, среднеболгарский (западноболгарский) извод, 1335-1345 гг. [Турилов, Мошкова 1999: 173, № 425; Станковић 2007: 46, 290].

Хл156

ГИМ, Хл. 156. Служебная минея на март — август, древнесербский извод, XIV в. [Поповъ 1872: 311].

Хл160

ГИМ, Хл. 160. Служебная минея на июнь — август, древнесербский извод (со следами первого восточнославянского влияния), XIV в. [Поповъ 1872: 314].

Хл164

ГИМ, Хл. 164. Праздничная минея на весь год, древнесербский извод, XIV в. [Поповъ 1872: 345-347].

Хл165

ГИМ, Хл. 165. Праздничная минея на весь год (начало утрачено), среднеболгарский извод, XIV в. [Поповъ 1872: 347].

Хл166

ГИМ, Хл. 166. Праздничная минея на весь год (начало и конец утрачены), древнесербский извод [Поповъ 1872: 348].

Издания

БЛАГ.КОНД.

“Благовещенский, или Нижегородский, Кондакаръ”, кон. XII — нач. XIII вв., РНБ, Q. п. I 32, ОДНБ, Григ. № 1/93 (1 л.); по изд.: А. DOSTÁL, H. ROTH (Hrsg.), *Der Altrussische Kondakar'. Auf der Grundlage des Blagověščenskij Nižgorodskij Kondakar'*, 2: *Blagověščenskij Kondakar' (Facsimile)* (= H.-B. HARDER, H. ROTH (Hrsg.), *Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen, Editionen, 3/8,2*), Giessen, 1976.

Ильина книга

Праздничная минея на сентябрьскую половину года с добавлениями, древнерусский (древненовгородский извод), XI-XII вв., РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 131; по изд.: [Крысько 2005; Верещагин 2006].

ЛАВР.КОНД.

“Лаврский Кондакаръ”, древнерусский (древненовгородский) извод, кон. XII в., РГБ, ТСЛ, ф. 304/1, № 23; цит. по электронной публикации рукописи в виде фотокопий на сайте Свято-Троицкой Сергиевой лавры (Сергиев Посад, Россия): <http://stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=023>.

ЛАВР.ЛЕТ.

“Лаврентьевская летопись”, в: *Полное собрание русских летописей*, I, 2-е изд., Москва, 1997.

¹⁰⁹ Собрание Троице-Сергиевой лавры.

Путьмина Минья

Служебная минья на май, древнерусский древненовгородский извод, XI в., РНБ, Соф. 202, по изд.: [Мурьянов 1998-2000; Щёголева 2001; Баранов, Марков 2003].

Тип.уст. I-III

“Типографский устав”, богослужебный сборник, включающий особую редакцию Студийско-алексиевского устава, кондаки и другие песнопения малых жанров, ГТГ, К-5349, древнерусский (древненовгородский) извод, XI-XII вв., по изд.: Успенский Б. А. (ред.), *Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI — начала XII века*, I-III, Москва, 2006.

К III-VII

A. DOSTÁL, H. ROTHE (Hrsg.), *Der altrussische Kondakar'. Auf der Grundlage des Blagoveščenskij Nižgorodskij Kondakar'*, 3: *September bis November*; 4: *Dezember bis März*; 5: *April bis August*; 6: *Triodion, Pentekostarion*, Giessen, 1976, 1977, 1979, 1980; Köln, Weimar, Wien, 1990; 2004 (= Н.-В. HARDER, H. ROTHE (Hrsg.), *Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen*, 8,3-6; P. THIERGEN (Hrsg.), *Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik*, 19).

МА I-II

Служебная минья на апрель, древнерусский древненовгородский извод, третья треть XII в., ГИМ, Син. 165, по изд.: D. CHRISTIANS, H. ROTHE (Hrsg.), *Gottesdienstmenäum für den Monat April: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 165 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition*, besorgt und kommentiert von D. CHRISTIANS et al.; 1: *1. bis 9. April*; 2: *10. bis 19. April*, Paderborn, München, Wien, Zürich, 2010, 2011 (= *Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften*, 124, 127; H. ROTHE (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 19, 21).

MD I-V

Служебная минья на декабрь, древнерусский древненовгородский извод, третья треть XII в., ГИМ, Син. 162, по изд.: H. ROTHE, E. M. VEREŠČAGIN (Hrsg.), *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau. Historisch-kritische Edition, nach den slavischen handschriften der Rus' des 12. und 13. Jh.*, besorgt und kommentiert von D. CHRISTIANS et al.; 1: *1. bis 8. Dezember*; 2: *9. bis 19. Dezember*; Teil 3: *20. bis 24. Dezember einschließlich der Sonntage vor Christi Geburt*; 4: *25. bis 31. Dezember einschließlich des Sonntags nach Christi Geburt, mit einem Nachtrag griechischer Vorlagen für Hymnen aus den Bänden 1-3*, zusammengestellt von D. CHRISTIANS, Opladen, 1996, 1997, 1999, 2000; Paderborn, München, Wien, Zürich, 2006 (= *Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften*, 98, 99, 105, 106, 114; H. ROTHE (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 2, 3, 6, 7, 14).

MF I-III

Служебная минья на февраль, древнерусский древненовгородский извод, третья треть XII в., ГИМ, Син. 164, по изд.: D. CHRISTIANS, H. ROTHE (Hrsg.), *Gottesdienstmenäum für den Monat Februar: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition*, besorgt und kommentiert von D. CHRISTIANS u. a.; 1: *1. bis 9. Februar*; 2: *10. bis 19. Februar*; 3: *20. bis 29. Februar*, Paderborn, München, Wien, Zürich, 2003, 2006, 2009, 2010 (= *Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften*, 109, 113, 120, 122; H. ROTHE (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 10, 13, 17, 18).

Греческие**Рукописи****С1**

BNF, Coisl. gr. 218. Служебная минья на август. XI в. [DEVREESE 1945: 199-200].

Cr12

Grottaferrata, Сrypt. A. α. XII. Служебная минья на август. XI в. [РОССНИ 1883: 310-312].

Cr23

Grottaferrata, Crypt.Δ.α.ΧΧΙΙΙ. Службная минея на июль – август. XI в. [РОСНИ 1883: 323-325].

Mtr

BNE, Matrit.gr.4694. Службная минея на июнь – август. XII-XIII вв. [ANDRÈS 1987: 256].

Ox

BL, Bodl.gr. Auct.E.5.2. (S. C.5778). Службная минея на июнь – сентябрь. XIII в. [WILSON, STEFANOVIĆ 1963: 7-8].

Sb71

ВП, Sab.71. Службная минея на июнь – август. XI в. [ΠΑΠΑΔΟΠΟΥΛΟΣ-ΚΕΡΑΜΕΥΣ 1894: 128-129; CLARK 1953: 11].

Sb208

ВП, Sab.208. Службная минея на март – август. XI в. [ΠΑΠΑΔΟΠΟΥΛΟΣ-ΚΕΡΑΜΕΥΣ 1894: 320-322; CLARK 1953: 11].

Sn631

Sinai, Sin.gr.631. Службная минея на август. Кон. X – нач. XI в. [HARLFINGER 1983: 26-28; ср.: GARDTHAUSEN 1886: 146; CLARK 1952: 9].

Sn632

Sinai, Sin.gr.632. Службная минея на август. X-XI или XII в. [ср.: GARDTHAUSEN 1886: 146; CLARK 1952: 9].

Sf

НБКМ, Греч. 22. Службная минея на август. XII-XIII вв. [СТОЯНОВ 1973: 38].

Vt787

BAV, Vat.gr. 787. Службная минея на май – август. XIV в. [DEVREESSE 1950: 304-305].

Издания

Anth

Ανθολόγιον, I-III, ἐν Ρώμῃ, 1738.

EE

Εὐστρατιάδης Σ., Εἱρομολόγιον (= Ἀγιορικτὴ Βιβλιοθήκη, 9), Chenevières-sur-Marne, 1932.

MR I-VI

Μηναῖα τοῦ ὄλου ἐνιαυτοῦ, I-VI, ἐν Ρώμῃ, 1888-1901.

Исследования и словари, издания с исследованиями
и комментариями**БАРАНОВ, МАРКОВ 2003**

БАРАНОВ В. А., МАРКОВ В. М. (изд.), *Новгородская службная минея на май (Путьятина минея), XI век: Текст. Исследования. Указатели*, Ижевск (http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=19&p_lid=2&p_sid=1)

БЕРНШТЕЙН 2005

БЕРНШТЕЙН С. Б., *Сравнительная грамматика славянских языков*, 2-е изд., Москва.

БОГДАНОВИЋ 1982

БОГДАНОВИЋ Д., *Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (X-XVII века)* (= Српска академија наука и уметности. Зборник за историју, језик и књижевност српског народа, 1/31), Београд.

ВАЙАН 1952

Вайан А., *Руководство по старославянскому языку*, пер. с фр. В. В. Бородич, под ред. и с предисл. В. Н. Сидорова, Москва (репринт: Москва, 2002).

ВЕЙСМАН 1899

Вейсман А. Д., *Греческо-русский словарь*, С.-Петербург (репринт: Москва, 1991).

ВЕРЕЩАГИН 2001

Верещагин Е. М., *Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания*, Москва.

ВЕРЕЩАГИН 2006

Е. М. ВЕРЕЩАГИН, *Ильина книга. Древнейший славянский богослужбный сборник. Факсимильное воспроизведение рукописи, билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием*, Москва.

ВОСТОКОВЪ I-II

А. Х. Востокъ, *Словарь церковно-славянского языка*, I-II (= И. И. Срезневский (ред.), Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики, издание Второго отделения Императорской Академии наук, 4, 6), Санктпетербургъ, 1858-1861.

ГРАМАТИКА 1991

И. Дуриданов (ред.), *Грамматика на старобългарския език. Фонетика, морфология, синтаксис*, София.

ДАЛЬ I-IV

Даль В. И., *Словарь живого великорусского языка*, 4-е изд. под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, С.-Петербург, Москва, 1912-1914, I-IV (репринт: Москва, 1998).

ДМИТРИЕВСКИЙ I, III

ДМИТРИЕВСКИЙ А., *Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока*, I, III: Топка, Киев, 1895; Петроград, 1917 (reprographischer Nachdruck: Hildesheim, 1965).

ДОГРАМАДЖИЕВА 2010

ДОГРАМАДЖИЕВА Е., *Месеословните четива в славянските ръкописни Евангелия (X-XVII в.)* (= Cyrillo-Methodian Studies/Кирило-Методиевски студии, 19), София.

ДУРНОВО 1924-1927/2000

Дурново Н. Н., "Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка", в: Дурново Н. Н., *Избранные работы по истории русского языка*, Москва, 2000, 644-682.

ДЫБО 2000

Дыбо В. А., *Морфологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис*, 1, Москва.

ЗАЛИЗНЯК 2002

Зализняк А. А., "Древнерусская графика со смещением *ъ* — *о* и *ь* — *е*", в: Зализняк А. А., "Русское именное словоизменение" с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию, Москва, 577-612.

ЗАЛИЗНЯК 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, Москва.

ИВАНОВА-МИРЧЕВА, ХАРЛАМПИЕВ 1999

ИВАНОВА-МИРЧЕВА Д., ХАРЛАМПИЕВ И., *История на българския език*, Велико Търново.

ИОАНН ДАМАСКИН, ТВОРЕНИЯ 1997

Свящ. М. Козлов, Д. Е. Афиногенов (перев., коммент.), *Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Христологические и полемические трактаты. Слова на богородичные праздники* (= А. И. Сидоров (ред.), Святоотеческое наследие, 3), Москва.

ЙОВЧЕВА 2002

ЙОВЧЕВА М., “Гимнографическое наследие кирилло-мефодиевских учеников в русской книжности”, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 8/2, 100-112.

ЙОВЧЕВА 2006

ЙОВЧЕВА М., “Январская служба св. Афанасию Александрийскому в ранней славянской книжности”, в: L. TASEVA, R. MARTI, M. YOVSEVA, T. PENTKOVSKAJA (Hrsg.), *Mehrfachübersetzungen im südslavischen Mittelalter. Beiträge einer internationalen Konferenz Sofia, 7.–9. Juli 2005*, Sofia, 91-110.

ЙОВЧЕВА 2009

ЙОВЧЕВА М., “Об одной словообразовательной модели в ранних гимнографических текстах (глаголы с суффиксами -ова-/-ева-)”, in: D. CHRISTIANS, D. STERN, V.S. TOMELLERI (Hrsg.), *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag* (Ch. Voss (Hrsg.), *Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe*, 3), München, 209-228.

КАЛНЫНЬ 1993

Калнынь Л. Э., “К вопросу о рефлексии редуцированных во флексии им. ед. м.р. местоименных прилагательных (по данным ОЛА)”, в: В. В. ИВАНОВ (отв. ред.), *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1988-1990*, Москва.

КАТАЛОГ 1984

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI-XIII вв., Москва.

КАТАЛОГ 2002

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век, 1: Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская, Москва.

КАТАЛОГ 2009

Б. ХРИСТОВА, В. ЗАГРЕБИН, Г. ЕНИН, Е. ШВАРЦ (съст.), *Славянские рукописи болгарского происхождения в Российской национальной библиотеке — Санкт-Петербург/Славянски ръкописи от български произход в Руската национална библиотека — Санкт Петербург*, София.

КОЛЕСОВ 1980

КОЛЕСОВ В. В., *Историческая фонетика русского языка*, Москва.

КОНЕСКИ 1981

КОНЕСКИ Б., *Историја на македонскиот јазик* (= Конески Б., *Избрани дела во седум книги*, 2 доп. изд., кн. 7), Скопје.

КРИВКО 2005

КРИВКО Р. Н., “Новые данные по древней церковнославянской лексикографии (на материале служебных миней за август)”, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 51, 131-164.

КРИВКО 2007

КРИВКО Р. Н., “Язык и текст древнейших славянских служебных миней за август”, in: Н. РОТНЕ, D. CHRISTIANS (Hrsg.), *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7.–10. Juni 2005* (= *Abhandlungen der Nordrheinwestfälischen Akademie der Wissenschaften*, 117; Н. РОТНЕ (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 15), Paderborn, München, Wien, Zürich, 236-270.

КРИВКО 2008

КРИВКО Р. Н., “Византийские источники славянских служебных миней”, в: А. М. МОЛДОВАН, Л. И. САЗОНОВА (отв. ред.), *Письменность, литература и фольклор*

славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10-16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации, Москва, 76-101.

КРИВКО 2011

Кривко Р. Н., “Канон Успению Богородицы Τάφος παρθενοδόχου (Къ гробу дѣвопріятыноуѣ) в византийской и славянской гимнографии”, в: Погребението и смъртта в юдео-христианската литературна традиция (= А. Милтенова (ред.), *Studia mediaevalia Slavica et Byzantina*, 1), София, 191-220.

КРИВКО 2011а

Кривко Р. Н., “Древнерусская версия кондака вмч. Димитрию Солунскому и её южнославянские параллели”, в: А. М. Молдован, Е. А. Мишина (ред.), *Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2010-2011*, Москва, 290-335.

КРЫСЬКО 2005

В. Б. Крысько (изд., подг. греч. текста, коммент., словоуказатели), *Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131*, Москва.

КУЗНЕЦОВ, ИОРДАНИДИ, КРЫСЬКО 2006

Кузнецов А. М., Иорданиди С. И., Крысько В. Б., *Прилагательные* (= В. Б. Крысько (ред.), *Историческая грамматика древнерусского языка*, 3), Москва.

ЛОСЕВА 2001

Лосева О. В., *Русские месяцесловы XI-XIV веков*, Москва.

ЛОСЕВА 2003

Лосева О. В., “Праздники Святогробского Типикона в русских календарях XI-XII веков”, *Православный палестинский сборник*, 100, 132-141.

МАКСИМОВИЧ 2004

Максимович К. А., *ЗАКОНЪ СОУДЬНЫИ ЛЮДЬМЪ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника*, Москва.

МЕЙЕ 1951

Мейе А., *Общеславянский язык*, пер. с фр. изд., просмотренного и дополненного в сотрудничестве с А. Вайаном, П. С. Кузнецова, под ред. С. Б. Бернштейна, Москва.

МЛАДЕНОВИЋ 2003

Младеновић А., “Прилог објашњењу неких особина језика Мариинског четвороеванђеља”, *Археографски прилози*, 25, 11-32.

МОМИНА 1992

Момина М. А., “Проблема правки славянских богослужбных гимнографических книг на Руси в XI в.”, *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук*, 45, 200-219.

МУРЬЯНОВ 1981

М. Ф. Мурьянов, “Из наблюдений над структурой служебных миней”, in: В. П. Григорьев (отв. ред.), *Проблемы структурной лингвистики 1979*, Москва, 263-278.

МУРЬЯНОВ 1998-2000

М. Ф. Мурьянов (изд.), “Путьятина Миней на май (1-9 мая)”, *Palaeoslavica*, 6, 114-208; “Путьятина Миней на май (10-17 мая)”, *Palaeoslavica*, 7, 136-217; “Путьятина Миней на май (18-31 мая)”, *Palaeoslavica*, 8, 123-221.

НЕЧУНАЕВА 2000

Нечунаева Н. А., *Миней как тип славяно-греческого средневекового текста* (= Tallinna pedagogikaülikooli humanitaarteaduste dissertatsioonid/Таллиннский педагогический университет, диссертации по гуманитарным наукам, 3), Tallinn.

ПЕНТКОВСКАЯ 2005

ПЕНТКОВСКАЯ Т. В., “Оутроръ и одрос в славянских литургических текстах”, in: P. РЕТКОВ, I. HRISTOVA, M. DIMITROVA (eds.), *Acta Slavistica*, 2, София, 157-160.

ПЕНТКОВСКИЙ 2001

ПЕНТКОВСКИЙ А. М., *Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси*, Москва.

ПЕНТКОВСКИЙ 2004

ПЕНТКОВСКИЙ А. М., “Иерусалимский Устав и его славянские переводы в XIV в. столетии”, в: Л. ТАСЕВА, М. ЙОВЧЕВА, К. ФОС, Т. ПЕНТКОВСКАЯ (ред.), *Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция София, 26-28 юни 2003*, София, 153-172.

ПИЧХАДЗЕ 2008

ПИЧХАДЗЕ А. А., “Южнославянские традиции в древнерусской письменности (лексика и грамматика)”, в: А. М. МОЛДОВАН (отв. ред.), *Письменность, литература и фольклор славянских народов, XIV Международный съезд славистов. (Охрид, 10-16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации*, Москва, 152-172.

ПИЧХАДЗЕ 2009

А. А. ПИЧХАДЗЕ, “О языковых особенностях славянских служебных миней”, в: D. CHRISTIANS, D. STERN, V. S. TOMELLERI (Hrsg.), *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag*. (Ch. Voss (Hrsg.), *Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe*, 3), München, 297-308.

ПИЧХАДЗЕ 2011

ПИЧХАДЗЕ А. А., “Слав. еѣръ: к вопросу о группировке древнеславянских памятников”, in: B. LOURIE, R. KRIVKO, A. ORLOV (eds.), *Ars Christiana: In memoriam Michail F. Murjanov (21. XI 1928-6. VI 1995)* (= *Scrinium*, 7-8/2), Piscataway, NJ, (in press).

ПИЧХАДЗЕ 2011a

ПИЧХАДЗЕ А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*, Москва.

ПОПОВ 1995

ПОПОВ Г., “Из химнографското наследие от Константин Преславски: (Новооткрит трипеснец за предпразднество на Успение Богородично)”, *Palaeobulgarica = Старобългаристика*, 19/3, 3-31.

ПОПОВЪ 1872

ПОПОВЪ А., *Описание рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библиотеки А. И. Хлудова*, Москва.

ПШЕНИЧНОВА 1964

ПШЕНИЧНОВА Н. Н., *К истории редуцированных у и ѣ в восточнославянских языках*, дисс. ... канд. филологич. наук, Москва.

ПШЕНИЧНОВА 1995

ПШЕНИЧНОВА Н. Н., “Гласные на месте редуцированных *ї, *ъ”, в: Т. В. ПОПОВА (отв. ред.), *Восточнославянские изоглоссы. 1995*, Москва, 20-32.

РЕЧНИК 2003

М. АРГИРОВСКИ (ред.), *Речник на грчко-црковнословенски лексички паралели*, Скопје.

СЕЛИЩЕВ 1951

СЕЛИЩЕВ А. М., *Старославянский язык, 1: Введение. Фонетика*, Москва (репринт: Москва, 2001)

СЕРГИЙ I-III

СЕРГИЙ (СПАССКИЙ), архіеп., *Полный месяцеловъ Востока*, I-III, Владимиръ, 1901 (репринт: Москва, 1997).

Сл.РЯ 11-17 вв.

Словарь русского языка 11-17 вв., вып. 1-29 —, Москва, 1975-2011 —.

СРЕЗНЕВСКИЙ I-III

И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ, *Материалы для словаря древне-русского языка по письменнымъ памятникамъ*, I-III, Санктпетербургъ, 1893-1912 (репринт: Москва, 1989).

СРНГ

Словарь русских народных говоров, вып. 1-42 —, Ленинград, Санкт-Петербург, 1965-2008 —.

СТАНКОВИЋ 2007

СТАНКОВИЋ Р., *Водени знаци хиландарских српских рукописа XIV-XV века* (= Народна библиотека Србије. Опис јужнословенских ћирилских рукописа, VII), Београд.

СТАНЧЕВ 1981

СТАНЧЕВ К., “Неизвестные и малоизвестные болгарские рукописи в Париже”, *Palaeobulgarica = Старобългаристика*, 5/3, 85-91.

СТОЯНОВ 1973

СТОЯНОВ М., *Опис на гръцките и други чуждоезични ръкописи в Народна библиотека Кирил и Методий*, София.

ТОМЕЛЛЕРИ 2007

ТОМЕЛЛЕРИ V. S., “О рукописной традиции восточнославянской декабрьской минеи”, in: H. ROTHE, D. CHRISTIANS (Hrsg.), *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit, Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7.-10. Juni 2005* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 117; H. ROTHE (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 15), Paderborn, München, Wien, Zürich, 116-134.

ТУРИЛОВ 2006

ТУРИЛОВ А. А., “К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской рукописной традиции (На материале минейных служб)”, *Старобългарска литература*, 35-36, 22-37.

ТУРИЛОВ 2009

ТУРИЛОВ А. А., “К истории ростовского владычного скриптория XIII в.: старые факты и новые данные”, in: E. DOVRYNINA (ed.), *Chrysograph. 3: Medieval book centres: Local traditions and their inter-regional connections, Proceedings of the International Symposium Moscow, 5-7 September 2005*, Moscow.

ТУРИЛОВ, МОШКОВА 1999

А. А. Турилов, Л. В. Мошкова (сост.), А.-Э. Н. Тахиаос (ред.), *Славянские рукописи афонских обителей*, Фессалоники.

УСПЕНСКИЙ 1973/1997

УСПЕНСКИЙ Б. А., “Древнерусские кондакари как фонетический источник”, в: УСПЕНСКИЙ Б. А., *Избранные труды*, III: *Общее и славянское языкознание*, Москва, 1997, 209-245.

УСПЕНСКИЙ 1988/1997

УСПЕНСКИЙ Б. А., “Русское книжное произношение XI-XII вв. и его связь с южнославянской традицией”, в: УСПЕНСКИЙ Б. А., *Избранные труды*, III: *Общее и славянское языкознание*, Москва, 143-208.

ФАСМЕР/ТРУБАЧЁВ I-IV

ФАСМЕР М., *Этимологический словарь русского языка*, 3-е русское изд., перев. с нем. и доп. О. Н. ТРУБАЧЕВА, I-IV, С.-Петербург, 1996.

ФИЛИН 1972

Филин Ф. П., *Происхождение русского, украинского и белорусского языков*, Ленинград.

ЦОНЕВЪ 1910

ЦОНЕВЪ Б., *Опись на ржкописитъ и старопечатнитъ книги на Народната Библиотека въ София*, София.

ШТАВЪЛЪНИН-БОРЪБЕВИЋ И ДР. 1986

ШТАВЪЛЪНИН-БОРЪБЕВИЋ Љ., ГРОЗДАНОВИЋ-ПАЈИЋ М., ЦЕРНИЋ Л., *Опис ћирилских рукописа народне библиотеке Србије*, I (= Народна Библиотека Србије. Опис јужнословенских рукописа, II), Београд.

ШТЕРН 2004

ШТЕРН Д., "Новгородские апрельские минеи: Чем апрель отличается от других месяцев?", в: P. ŽIGO, L. МАТЕЈКО (ed.), *BraSlav2. Zborník z medzinárodnej slavistickej konferencie, konanej na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského v Bratislave dňa 13. a 14. novembra 2003*, Bratislava, 73-92.

ЩЕГОЛЕВА 2001

ЩЕГОЛЕВА Л. И., *Путьмина Минея (XI век) в круге текстов и истолкования, 1-10 мая*, Москва.

ЯГИЧЪ 1886

В. ЯГИЧЪ, *Menaea septembris, octobris, novembris, ad fidem vetustissimorum codicum* (= Памятники древнерусского языка, I), Petropoli.

ANDRÈS 1987

ANDRÈS G. DE, *Catálogo de los códices griegos de la Biblioteca Nacional*, Madrid.

ARNIM 1930

ARNIM V. VON, *Studien zum albulgarischen Psalterium Sinaiticum* (= M. VASMER (Hrsg.), Veröffentlichungen des slavischen Instituts an der Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin, 3), Leipzig.

CHRISTIANS 2001

CHRISTIANS D., *Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember slavisch – griechisch – deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts. Mit einem Glossar griechisch – slavisch* (= Abhandlungen der Nordrheinwestfälischen Akademie der Wissenschaften, 107; H. ROTHE (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 8), Wiesbaden.

CLARK 1952

Checklist of Manuscripts in St. Catherine's Monastery, Mount Sinai, microfilmed for the Library of Congress, 1950, prepared under the direction of K. W. CLARK, Washington, D.C.

CLARK 1953

CLARK K. W., *Checklist of Manuscripts in the Library of the Greek and Armenian Patriarchates in Jerusalem, microfilmed for the Library of Congress, 1949-1950*, Washington, D.C.

DEVREESSE 1945

DEVREESSE R., *Bibliothèque Nationale. Département des Manuscrits. Catalogue des manuscrits grecs, II: Le Fonds Coislin*, Paris.

DEVREESSE 1950

DEVREESSE R., *Codices Vaticani Graeci, III: cod. 604-866*, Vatican.

DIELS 1932

DIELS P., *Altkirchenslavische Grammatik, mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch*, 1: *Grammatik* (= A. LESKIEN, E. BERNEKER (Hrsg.), Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher, I. Reihe: Grammatiken, 6: Altkirchenslavische Grammatik), Heidelberg.

FOLLIERI I-V (1/2)

FOLLIERI H., *Initia hymnorum Ecclesiae Graecae*, I-V (1/2), Città del Vaticano, 1960-1966.

GARDTHAUSEN 1886

GARDTHAUSEN V., *Catalogus codicum graecorum sinaiticorum*, Oxonii.

HANNICK 2006

HANNICK CH., *Das altslavische Hirmologion. Edition und Kommentar* (= E. WEIHER (ed.), Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, 50), Freiburg i. Br.

HARLFINGER ET AL. 1983

HARLFINGER D., REINSCH D. R., SONDERKAMP J. A. M., PRATO G., *Specimina Sinaitica. Die datierten griechischen Handschriften des Katharinen-Klosters auf dem Berge Sinai. 9. bis 12. Jahrhundert*, Berlin.

JAGIĆ 1913

JAGIĆ V., *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*, Berlin.

ISSATSCHENKO 1980

ISSATSCHENKO A., *Geschichte der russischen Sprache, 1: Von den Anfängen bis zum Ende des 17. Jahrhunderts*, Heidelberg.

IVANOVA 2008

IVANOVA KL., *Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica*, Sofia.

KAMP 2010

KAMP A., *Kliment von Ohrid (Klemens von Achrida) – Kanones für das Commune Sanctorum. Studie und Text, Materialien* (= Münstersche Texte zur Slavistik, 5), Berlin.

KULIČ 1992

KULIČ J., *Ricerca sulle commemorazioni giornalieri bizantine nei menei*, Roma.

LAMPE 1982

LAMPE G. W. H., *A Patristic Greek Lexicon*, Oxford.

LESKIEN 1969

LESKIEN A., *Handbuch der altbulgaischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik – Texte – Glossar*, 9. Aufl., Heidelberg.

LSJ

A Greek-English Lexicon, comp. by H. G. LIDDELL, R. SCOTT, rev. and augm. throughout by SR. H. S. JONES., with a revised supplement, Oxford, 1996.

LUNT 2001

LUNT H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th rev. ed., Berlin, New York.

MAKSIMOVİČ 2010

L.BURGMANN (HRSG.), *Das byzantinische Syntagma im 14 Titeln ohne Kommentare in altbulgarischer Übersetzung: Slavisch-griechisches, griechisch-slavisches und rückläufiges (slavisches) Wortregister*, I, zusammengestellt von K. A. MAKSIMOVİČ (= O. BEHREND'S (Hrsg.), Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte, 27: Das byzantinische Syntagma in 14 Titeln), Frankfurt a. Main.

MEYER 1935

MEYER K. H., *Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis*, Glückstadt, Hamburg.

MIKLOSICH 1862-1865

MIKLOSICH F., *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, emendatum auctum, Wien.

MLADENOV 1929

MLADENOV S., *Geschichte der bulgarischen Sprache*, Berlin, Leipzig.

MOMINA, TRUNTE I, II

MOMINA M. A., TRUNTE N. (Hrsg.), *Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.–14. Jahrhunderts*, I, II (= Abhandlungen der Nordrheinwestfälischen Akademie der Wissenschaften, 110, 125; H. ROTHE (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 11, 20), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2004.

PLANK, LUTZKA I-III

CH. HANNICK (Hrsg.), *Das byzantinische Eigengut der neuzeitlichen slavischen Menäen und seine griechischen Originale*, I-III, erarb. von P. PLANK, C. LUTZKA (= Abhandlungen der Nordrheinwestfälischen Akademie der Wissenschaften, 112; H. ROTHE (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 12), Paderborn, 2006.

ROCCHI 1883

Codices Cryptenses seu abbatiae Cryptae Ferratae in Tusculano digesti et illustrati cura et studio D. ANTONII ROCCHI, Tusculani.

SCHAEKEN 1987

SCHAEKEN J., *Die Kiever Blätter* (= A. A. BARENTSEN, B. M. GROEN, R. SPRENGER (eds.), *Studies in Slavic and General Linguistics*, 9), Amsterdam.

SCHAEKEN, BIRNBAUM 1999

SCHAEKEN J., BIRNBAUM H., *Altkirchenslavische Studien*, II: *Die altkirchenslavische Schriftkultur. Geschichte – Laute und Schriftzeichen – Sprachdenkmäler (mit Textproben, Glossar und Flexionmustern)* (= P. REHDER (Hrsg.), *Slavistische Beiträge*, 382), München.

SJS I-IV

Slovník jazyka staroslověnského, I-IV, Praha, 1966-1997 (репринт: С.-Петербург, 2006).

STERN I-III

H. ROTHE (Hrsg.), *Incipitarium liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts*, I-III, besorgt von D. STERN (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 118/1-3; H. ROTHE (Hrsg.), *Patristica Slavica*, 16/1-3), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2008.

TAFT 1988

TAFT R., "Mount Athos: A Late Chapter in the History of the Byzantine Rite", *Dumbarton Oaks Papers*, 42, 179-194.

THOMSON 1988

THOMSON F., "Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations", in: E. FARRUGIA, R. TAFT, G. PIOVESANA (eds.), *Christianity among the Slavs: The Heritage of St. Cyrill and Methodius, Acts of the International Congress held on the Eleventh Century of the Death of St. Methodius, Rome, October 8-11, 1985* (= *Orientalia Christiana Analecta*, 231), Roma, 351-380.

VEČERKA 1993

VEČERKA R., *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax*, II: *Die innere Satzstruktur* (= R. AITZETMÜLLER, L. SADNIK, E. WEYHER (eds.), *Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris*, t. 34/27,2), Freiburg i. Br.

VONDRÁK 1924

VONDRÁK W., *Vergleichende slavische Grammatik*, I: *Lautlehre und Stammbildungslehre*, 2. stark vermehrte und verbesserte Aufl., Göttingen.

WILSON, STEFANOVIĆ 1963

WILSON N. G., STEFANOVIĆ D. I., *Manuscripts of Byzantine Chant in Oxford*, Oxford.

ΘΕΜΕΛΗΣ 1931

ΘΕΜΕΛΗΣ Χ., “Τὰ Μηναῖα ἀπὸ τοῦ ΙΑ΄ μέχρι τοῦ ΙΓ΄ αἰῶνος”, *Ἐκκλησιαστικός Φάρος* (Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ), 30, 287-312, 348-387, 520-566.

ΠΑΠΑΔΟΠΟΥΛΟΣ-ΚΕΡΑΜΕΥΣ 1894

ΠΑΠΑΔΟΠΟΥΛΟΣ-ΚΕΡΑΜΕΥΣ Α., *Ἱεροσολυμιτική Βιβλιοθήκη, ἤτοι Καταλόγος τῶν ἐν ταῖς Βιβλιοθήκαις τοῦ ἀγιωτάτου ἀποστολικοῦ τε καὶ καθολικοῦ ὀρθοδόξου Πατριαρχικοῦ θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων καὶ πάσης Παλαιστίνης ἀποκειμένων ἐλληνικῶν κωδίκων*, II, sine loco.

Роман Николаевич Кривко, к.ф.н.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019 Москва, Волхонка 18/2, Россия

roman.krivko@gmail.com

rkrivko@yandex.ru